В. Белокопытов

Рашид Нежметдинов

В. И. Белокопытов

Рашид Нежметдинов

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

ББК 84.3 Р.7
Б43

На форзаце использованы работы
Г. И. Сатониной

Белокопытов В. И.
Б43 Рашид Нежметдинов: Очерк жизни и творчества.— Казань: Татарское кн. изд-во, 1983.— 160 с., с илл.

Книга повествует о жизненном пути известного советского шахматиста и тренера.

Б $\frac{4803010000-302}{М132(03)-83}$ 174—83 3802020200 ББК 84.3 Р7

© Татарское книжное издательство, 1983.

ДЕТСТВО

ашид Гибятович проснулся, глянул в окно. Солнце золотило макушки сосен; задумчиво, словно не отойдя от ночного сна, стояли белоствольные березы. «Какая красота!— подумал Нежметдинов.— Только Есенин, сердцем чувствовавший мать-природу, пожалуй, мог бы выразить всю ее прелесть. И как хорошо, что мы взяли с собой Искандера. Детская душа восприимчива, впечатлительная. А здесь такая благодать: лес шумит, река играет. Купайся, бегай в лесу, набирайся сил».

Стараясь не разбудить жену и сына, Рашид Гибятович встал, надел спортивный костюм и вышел из дому. Отдыхая в спортлагере на Волге у Голубого залива, Нежметдинов взял за правило вставать рано, делать зарядку и купаться. Легкая разминка, пробежка — и вот он на берегу реки. Она сонно катит волну. Легкий туман повис над Волгой.

Вода прохладная, освежающе приятная. Окунувшись, Рашид Гибятович поплыл вдоль берега к березе, которая стала для него ориентиром. До нее метров триста. Рашид Гибятович проплывает это расстояние ежедневно трижды. «Километры здоровья»,— в шутку называл он свою водную прогулку.

Возвратившись в дом, он также тихо, без лишней суеты, разводил в печи огонь, ставил на плиту чайник и подолгу «колдовал» над «фирменным», ему только известным, рецептом приготовления чая. Все, кто был зна-

ком с Рашидом Гибятовичем, хорошо знали его «колдовство» и пили напиток с превеликим удовольствием.

К завтраку все приготовлено.

— Тома, вставай,— зовет Нежметдинов,— а то всю красоту проспишь. Да и Искандеру пора подниматься. Пусть привыкает к новому режиму.

Постепенно просыпается весь лагерь. Тренеры, ребята выходят на зарядку, идут к реке. Берег наполняется гомоном звонких детских голосов.

Дни в спортлагере у Рашида Гибятовича строго расписаны: теоретические занятия с юными шахматистами, разбор партий мастеров, анализ игры самих ребят. Но сегодня тренер свободный и, пользуясь этим, Нежметдинов решил провести день с женой и сыном. Таких дней у него раз-два и обчелся: турниры, постоянные разъезды по стране надолго отрывают его от семьи.

— Сейчас мы пойдем в лес, поищем грибов,— предложил он во время завтрака.— Как ты смотришь на это, Искандер?

Мальчишка рад. Ему тут все нравится: лес, река и сам домик, где они поселились.

— Вот здорово, папа! Только я грибы не умею собирать.

— Э-э, сынок, пустяк. Подберезовики растут на березе, а подосиновики — на осине,— смеется отец.— И тут же добавляет серьезно: — Я и сам в этом деле не шибко разбираюсь, но мама нам поможет. Она в грибах у нас знаток.

На обед у Нежметдиновых жарились грибы. Тамара Ивановна хлопотала у плиты, а отец с сыном сидели на крыльце и ждали, когда позовут к столу.

— Папа, ты никогда не рассказывал мне о своем детстве? — неожиданно спросил Искандер.

— Это, сынок, длинный рассказ. А если говорить кратко, то я могу повторить лишь слова великого русского писателя Антона Чехова: «В детстве у меня не было детства».

— Как же так, папа? — в недоумении произнес Искандер.— У каждого есть, а у тебя не было.

— Бывает, бывает. Вот подрастешь и узнаешь. А теперь пойдем грибы есть, а то остынут.

...Маленький Рашид очень рано познал всю тяжесть жизни, и он по праву мог повторить слова, сказанные

Чеховым. И все же оно было, пусть трудное, но детство. Пора, когда ребенок радуется всему, что шлет ему природа. Рашид любил ранней весной, когда только-только сойдет снег, бегать босиком, полной грудью вдыхать свежесть апрельского дня. А летом — своя благодать. Жаркое солнце, вода — купайся, сколько душе хочется. И любил он еще лес. Может, от того, что в раннем детстве, проживая в Казахстане, был лишен видеть эту красоту. Не было тут хвойных веселых лесов, радующих человека, и, только переехав в Горьковскую область, а затем и в Татарию, он почувствовал обаяние леса.

Рашид Гибятович признавался:

— Лес люблю как-то особенно, хотя, откровенно говоря, не часто приходится бывать в нем. Вот только на Волге с ребятами и дышу лесным духом. Выйдешь утром к реке и стоишь очарованный. Заря разгорается, вокруг тихо, туман на берегу, будто холстом стелется, в сердце теплом отдает. А в лес войдешь — рай! Просто рай. Листья в росе огнем горят, а если послушать захочешь — там дятел долбит, там иволга поет, там кукушка кукует. Поет все в лесу и радуется теплу и солнцу, вместе с птицами и ты радостью дышишь.

Мать-природа наделила мальчишку добрым нравом: простотой, отзывчивостью, высокой эмоциональностью. Именно эти черты характера помогли Рашиду Гибятовичу стать прекрасным мастером шахмат, тренером-наставником. А жизненные невзгоды, которые выпали на долю Нежметдинова, еще больше закалили его характер, волю. Их, пожалуй, хватило бы на несколько жизней.

Но жаловался ли когда-нибудь на свою судьбу мастер? Все, кто близко знал его, не помнят такого. Рашид Гибятович был великим оптимистом, хотя и мелочи бытия нередко болезненно ранили его.

Рашид Нежметдинов родился в декабре 1912 года в Актюбинске, затерянном в казахской степи городке, куда в 1910 году приехали его родители.

Нежметдиновы батрачили у купца Алюкина. Жизнь батрака горька, как полынь-трава.

В своих воспоминаниях старший брат Рашида известный писатель Кави Наджми отмечает: «Изнурительный труд, нищенские заработки, полуголодное существование подорвало здоровье моих родителей».

Умерла Сарэ — мать большого семейства. На руках Гибятуллы осталось четверо детей, один меньше другого. Только Кави мог стать опорой отцу, хотя и он по сути ребенок.

Убитый горем, Гибятулла в глубоком раздумье. Сколько дней обивал он пороги начальства, чтобы устроить сына в русско-татарскую школу за счет благотворительного общества, а теперь, когда парень учится, хоть забирай его обратно. Одна тяжкая дума сменяет другую. Разве враг Гибятулла своему ребенку, но нужда давит многопудовым грузом. И Нежметдинов идет на мыловаренный завод, чтобы на летнее время устроить на работу Кави. Труд на заводе — сущий ад, и неокрепший организм подростка мог не выдержать. Пришлось вскоре определить парня в подпаски к чабану Салиху-абы.

Кави уже второй год пасет овец, но школу не бросает. Занятия начинает поздней осенью, когда кончается сезон пастьбы, а завершает ранней весной. Учится он отлично.

Дни уходили незаметно, весну сменяло лето. Немилосердное солнце обдавало землю своим горячим дыханием. Бурели травы, все вокруг тускнело. Тишина. Лишь горькая полынь дурманит своим запахом, да набежавший ветерок потреплет в низинах ковыль, а потом и он пропадает.

В жаркие летние дни, когда овцы разбредутся по пастбищу, Кави следит за полетом птиц, парением коршуна, и мысли уносили его далеко-далеко... И он уже не пастушок в степи, а учитель, читающий ребятам стихи, рассказывающий о трудной жизни. И все же пареньку хотелось уйти из степи, хотя он и полюбил ее. Да и степь бывала разной: то ласковой, то колючей, со снежной пеленой в апрельские дни.

Навсегда запомнился мальчику буран, заставший их с Салихом-абы в степи. Стояла середина апреля. Небо вдруг нависло над землей низкой свинцовой пеленой. Со стороны Каспия дул пронзительный ветер, все сметая на пути, засыпая снежной порошей нежную траву. В такую крутоверть овцы, гонимые ветром, бегут, как звери во время лесного пожара.

Кави не знал, что из года в год с первым весенним солнцем налетал свирепый «астраханец» и кружил над

землею снежную муть, затягивал льдом лужи. Не знал он, что ветер не уляжется в одночасье, а будет куражиться над весенней степью не один день.

Двое суток Салих-абы и Кави мотались по степи, пока добрые люди не помогли остановить овец, загнать их в кошару.

...Кави вернулся глубоким вечером. Теперь, когда пришла весна, ранним утром уходил он из дому и возвращался поздно.

Рашид не спал, ожидая брата. И только тот переступил порог, он тотчас схватил кумган и полотенце.

— Ты чего? — спросил Кави, удивленно глядя на брата.

— Тебя дожидаюсь, умаялся небось.

— Твоя правда, Рашид. Сегодня мы с Салихом-абы протопали до озера, там пасли овец. Все пастбища, что поближе, стали никудышные. Вот мы и двинули к озеру.

Рано повзрослевший Кави понимал, что Рашид неспроста встречает его, что-то задумал.

— Ну, говори, что опять взбрело в голову?

— Возьми меня в степь. Надоело дома сидеть. Уговори отца, чтобы отпустил.

— Так вот почему ты такой внимательный, ласковый,— усмехнулся Кави.— В степь, значит, захотелось?

Он вытер лицо и шею полотенцем, застегнул ворот рубашки.

— Отца я уговорю, а вот с кем останутся Лямига и Талгат. Об этом ты подумал?

— А как же,— с живостью отозвался Рашид.— Гульсум-апа возьмет их к себе.

— Ах, шустряга, все предусмотрел,— покачал головой Кави.— Ладно, иди спать, утро вечера мудренее.

Рашид не слышал разговора брата с отцом. Засыпая, он уже грезил, как завтра чуть свет вместе с Кави и Салихом-абы они погонят отару в степь, к озеру.

Утром Гибятулле жалко будить Рашида, он так сладко посапывает. Отец молча стоит у изголовья, не решаясь тронуть за плечо сына. Он чем-то ближе ему, чем другие дети, а чем — и сам не поймет. Может, тем, что с пеленок Рашид отличается удивительной резвостью, неуемным желанием куда-то лезть, идти. Он больше других набивал себе шишки, но терпел, мало плакал. У него исключительная память. Порой Гибятулла прос-

то поражался, как он запоминает, казалось бы, мало заметный факт. Сарэ очень любила Рашида и может быть теперь, когда ее нет, чувства жены передались ему.

Гибятулла тихонько тронул плечо Рашида.

— Вставай, сынок, пора.

Рашид вскочил, протер глаза и побежал умываться. Кави уже у кухонного стола наливал из кружки в бутылку молоко. Потом, взяв хлеб, он отрезал краюху для себя и Рашида.

— Идем, энем[1], а то Салих-абы уже ждет.

Они вышли на улицу: утренняя свежесть сразу окатила холодным душем. На востоке из-за горизонта пробивались первые лучи солнца.

Когда они подошли к загону, Салих-абы встретил их приветливо:

— Еще один подпасок пришел. Что ж, Рашид, поглядим, какой из тебя чабан получится.

Солнце выкатилось яркое, ласковое, словно оно выкупалось в родниковой воде.

Овцы сначала шли вяло, сонно, как будто бы обижены тем, что их рано тронули со двора. Но вскоре стадо оживилось, прибавило прыти. Лишь когда под ногами овцы почувствовали комр, снова замедлили ход, разбрелись, пощипывая траву.

У Рашида одно желание — скорее бы попасть на озеро, вволю побарахтаться в теплой воде. С того дня, как Кави научил его плавать, он не чает души, когда окажется у речки или на озере. А недавно увидел, как более взрослые, чем он, мальчишки, ровесники Кави, здорово ныряли, подолгу находились под водой. «Вот мне бы так»,— подумал тогда Рашид и загорелся желанием научиться подолгу держаться под водой.

К полудню отара подошла к озеру. Завидев воду, Рашид стремглав помчался к берегу.

— Ты, Кави, следи за мальчонкой, беды бы не было,— серьезно проговорил старик, провожая глазами бежавшего Рашида.— Иди и сам окупнись. Овцы напьются, лягут отдыхать, так что времени у вас много — купайтесь, загорайте, а я лапшу сварю. Ты только хворосту принеси.

---

[1] Энем — братишка.

Звенят на озере ребячьи голоса. В жаркий день что может быть приятнее, чем прохлада воды. «И о еде забыли, бесята», — ворчит Салих, снимая котелок с таганка.

— Э-эй, — несется его голос, — кончайте плескаться. Обед стынет.

Лапшу ели прямо из котелка. Старик с улыбкой наблюдал, как с жадностью хлебали варево мальчишки. И все реже и реже опускал он свою ложку в котелок. «Мне, старику, много ли надо, а им расти: пусть насытятся, наполнят брюхо».

После обеда Рашид сбегал к озеру, вымыл котелок и бутылку, снова выкупался.

— Если будешь не вылазить из воды, то лишаями обрастешь, пятнистым станешь, — серьезно заметил чабан.— Надо обсохнуть как следует, на солнце покалиться, вот тогда хорошо, полезно здоровью.

Но дети есть дети. Едва подсох волос, Рашид тащит Кави к озеру.

— Я хочу, Салих-абы, научиться далеко нырять, тут на озере и вода спокойная и не глубоко — в самый раз.

— Послушай, Рашид. Уж коли ты хочешь одолеть свою затею, то попробуй нырять с грузом.

Кави уставился на чабана, подумав: старик шутит.

— Как так, Салих-абы, с грузом нырять? Потонешь!

— А для чего у тебя голова на плечах? — прищурился старик. — Чувствуешь, надо выныривать, кончается запас воздуха в легких, бросай груз — и наверх. С грузом почему легче? Вода не выносит тебя на поверхность. Вот тут ты и старайся, шибче шевели ногами по дну. В молодости никто не мог меня перенырнуть. Помню, у нас в деревне был неглубокий пруд, в ширину метров эдак семьдесят. Вот я и наловчился так нырять, что зайду с камнем с одного берега, а выхожу на другом. Удивлялись люди. А все просто: если легкие здоровые, да научился держаться под водой, то полста метров с камнем в стоячей воде — пустяк. Другое дело на реке —там течение.

— Вот это да! — удивился Рашид. И тут же посмотрел на брата.

— Ну, ладно, пойдем поищем камень.

За лето Кави и Рашид не только освоились в воде, но и научились хорошо нырять.

Незаметно подкралась осень. По утрам иней серебрил землю, дни становились короче, прохладнее. Кави шел за отарой, а сердце щемила боль: как там отец, ночью он бредил, просил пить. Вдвоем с Рашидом они то и дело подносили ему пиалу с настоем трав, мочили в холодной воде полотенце и клали на голову, но жар не унимался. Гибятулла осунулся, побледнел.

— Салих-абы, мне нужно побыть с больным отцом, ему очень плохо,— пожаловался Кави.

— Иди, сынок, иди, какой может быть разговор. Управлюсь один, ты только отца на ноги поднимай.

Кави торопился, словно боялся опоздать. Увидев старшего сына, Гибятулла хотел подняться, но не смог.

— Плохи мои дела, сынок,— тихо проговорил он.— Не жилец я. Все будто стало чужое, не чувствую тела, дышать трудно. Если случится помру, то мой тебе наказ: в сундуке в жестяной коробочке лежат деньги, купи на них билет до Нижнего, там мои братья живут. Думаю, не бросят сирот, помогут. И еще об одном прошу — будь ближе к людям, не замыкайся в себе. Людей хороших на свете много, запомни это.

Гибятулла закрыл глаза, снова открыл и долго, долго смотрел на сына.

— Свари что-нибудь поесть,— попросил он,— а то ребята голодные.

Двое суток метался в постели Гибятулла. Потом успокоился и тихо умер. И только тут дети поняли, какое страшное горе обрушилось на них...

Поезд шел на север. Любознательный Рашид часами сидел у окна, глядя на пробегающие поля, леса и реки. Когда состав прогромыхал по мосту через Урал, он подошел к Кави:

— Смотри, какая большая река!

— Река большая,— согласился тот,— называется Урал. А когда Волгу увидишь — ахнешь. Вот река так река!

Из Самары Нежметдиновы уезжали в полдень. Светило яркое солнце. Волга привольно и спокойно катила на юг воды, но уже и тут деревья сбросили листву, по закраинам берегов показался ледок.

— Вот это река! — глядя во все глаза, повторял Рашид.— Целое море!

И хотя море он никогда не видел, но Кави много рассказывал, читал брату книги, и понятие о море у Рашида тогда уже имелось. Попутно замечу, что старший брат оказал огромное влияние на Рашида. Еще в Актюбинске, овладев русским языком, Кави с упоением читал стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Надо же было с кем-то поделиться радостью. Рашид слушал Кави и сам быстро запоминал стихи. Возможно, тяга Рашида Гибятовича к художественной литературе родилась именно тогда, когда 5—6-летним мальчишкой он слушал старшего брата.

Родной дядя встретил сирот Нежметдиновых без восторга.

— Ты уже взрослый,— сказал он Кави,— себя прокормишь, а ребята пока у нас побудут, но уговоримся сразу: содержать их долго не смогу, своих, как видишь, орава.

Кави пошел учительствовать. Та далекая мечта, когда он пастушком думал о школе, исполнилась... Ребята остались у дяди.

О жизни Рашида в деревне Красный Остров нет никаких записей автобиографического характера, которые позволили бы осветить ее наиболее полно. И только воспоминания о «царской ухе» и краткие воспоминания родного брата Талгата Атходжиновича Сатдинова дают возможность кое-что рассказать.

Сразу же возникает вопрос: почему родной брат носит иную фамилию и отчество у него другое? Оказывается, так распорядилась жизнь. Могло случиться, что братья и вовсе не знали бы друг друга, но помог случай.

В своих воспоминаниях Талгат Атходжинович пишет: «До 1928 года я не знал, что у меня есть два брата, Кави и Рашид, а также сестра Лямига. Наши родители умерли в городе Актюбинске, когда я был еще совсем ребенком. Старший брат Кави всех нас привез на родину отца в деревню Красный Остров Нижегородской губернии. Там жили его родные братья. Из рассказов позднее я узнал, что вскоре Кави уехал в Казань, а мы остались жить у дяди. Хозяйство у него имелось большое: корова, овцы, гуси. Рашиду в это время было около 7 лет, и его заставили пасти скот, гусей. Лямига мыла

полы, таскала воду из колодца. А так как я был несмышленыш и просто-напросто — лишним ртом, то дядя определил меня в детский дом, откуда меня взяли и усыновили добрые люди. Так я стал Сатдиновым Талгатом Атходжиновичем...»

Жизнь у родного дяди шла однообразно и муторно. Три гусыни, что оставляли Нежметдиновы на зиму, откладывали яйца, выводили гусят, за которыми нужен был глаз. Охранять их входило в обязанности Рашида. Гусиный пастух — занятие для ребенка скучное, безрадостное. Пасти овец куда еще ни шло: они наедятся, напьются и ложатся в тени на два-три часа. Тут вволю можно покупаться, позагорать.

Бывая на речке, Рашид встречал на берегу ребят с удочками. Многих из них он уже знал, но ближе всех сошелся с Петей Савельевым, который был чуть постарше Рашида и жил наискосок через улицу.

Рашид пригнал гусей к тихому заливу и пошел к рыбакам-мальчишкам.

— Эй, гусиный пастух,— услышал он голос Петьки,— иди сюда, у меня есть запасная удочка, порыбачь.

Рашид забросил леску и уставился на поплавок. Вот он дернулся, закачался и скрылся.

— Тащи! — закричал Петька.

Рашид дернул, и рыбешка, уже показавшаяся из воды, снова плюхнулась в речку.

— Не расстраивайся — успокоил приятель,— это от того, что у тебя нет сноровки. Хочешь завтра порыбачить, бери удочку. Батя сказал: поедем на покос, сено сгребать. Так что владей, посиди на бережку.

Увидев вечером удилище, дядя сказал:

— На рыбалку собрался, а разрешение спросил?

— Гумер-абы, позвольте утром сходить ненадолго. К полудню буду дома.

— Ладно, иди. Корзиночку возьми — рыбы в ней принеси на уху и жареху.

Село еще спало. Лишь первые признаки зари обозначились на небе. С удилищем и корзинкой Рашид шел по безлюдной улице, и с высоты ему подмигивали звезды. Вот и река. Она чуть дымилась зыбким седым туманом. Тихо. В предрассветный час река казалась задумчиво притихшей, словно чего-то ждала. Мальчишка не торопился: в такое погожее утро он любовался рекой,

потом зачерпнул пригоршней воды и с удовольствием напился.

Где-то далеко прокричала выпь: Рашид замер. Вскоре туман стал редеть: его рвало на клочья, подхватывало потоком воздуха, тащило над водой, снова сбивало.

На другом берегу четче обозначились деревья — сосны, дубы, березы: наступал теплый и мягкий рассвет. Тонко зазвенела иволга, на разные голоса запели птицы, а река все также тихо и плавно несла свои воды, что-то шептала на непонятном своем языке. Противоположный гористый берег словно задумался, прислушиваясь к говору реки.

Рашид любовался и рекой, и окружающей природой. Все было ему мило, все радовало сердце. Он размотал леску с небольшим крючком-«заглотышем» и поплавком из пробки и гусиного пера. Наживив червя, осторожно, без плеска, забросил ее в разводье между лопухами, застыл в томительном ожидании. Прошла минута, другая и поплавок «заплясал». Рашид подсек и трясущимися руками снял с крючка верткого окунишку, опустил его в корзинку. «Ну вот, начало есть,— подумал он,— был бы клев, а на уху и жареху наловить недолго».

Заменив червя, он быстро закинул удочку в то самое место. И опять поплавок, будто в ознобе, забился над водой. Новый полосатый, как тигр, окунь с растопыренными плавниками плюхнулся на берег. Потом он поймал несколько сорожек.

Отполыхала заря, взошло солнце. Запахи земли, разнотравья струились, дрожали над землей. Казалось, каждая травинка дышит, исторгая медовый аромат. Рашид забыл обо всем на свете: утренняя красота, азарт рыбной ловли захватили его. Но вот поплавок замер в неподвижности. Плывший по воде паучок задел его, колыхнул и умчался дальше. «Неужели кончилась поклевка?» — подумал Рашид.

За спиной кто-то кашлянул. Рашид повернулся и увидел старика. Он не знал его фамилии, все на деревне звали старика Митяем, а ребятня — «дедушкой-целуем». Прозвище это пошло от того, что Митяй был большой шутник и, когда мимо него проходили молодые девчата, он обязательно делал вид, что бежит за ними, и кричал: «А вот я вас сейчас поцелую». А в селе прозвище порой прочнее фамилии.

Дед Митяй — невысок ростом, жилистый, с густой седой бородой. В одной руке у него удилище, в другой — котелок, сачок с рыбой.

— Как ловится, рыбачок? — посмотрел он на Рашида умными, добрыми глазами.

— Так, мал-помалу, дедушка.

— Ну, что же, тогда и я закину.

Старик забросил удочку — и тотчас началась поклевка. Он даже вытянулся, приподнявшись на носках.

— Ну вот, красавчик, попался! — радостно сказал старик, снимая с крючка крупного леща. Потом вытянул еще одного такого же «лаптя». Клев захватил старика — ему шла крупная рыба,— а Рашид снимал с крючка ершей, окуней, изредка попадали язи.

— Не горюй, малец, из них знатная уха получается. Вот порыбачим, а потом я тебя «царской ухой» угощу. Ел когда-нибудь?

Рашид не только не ел, но слыхом не слыхивал о такой ухе.

Солнце поднималось выше: клев становился вялым.

— Шабаш. Кончилась рыбалка. Можно сматывать удочки.— И еще раз поглядев то на солнце, то на реку, Митяй сказал: —Иди за хворостом.

Пока Рашид собирал сухие ветки, старик вбил палки-рогатульки в землю, соорудил таганок.

Сухие ветки вспыхнули, как порох. Яркое пламя костра заплясало на берегу. Старик повесил котелок над огнем.

— Ты, значит, сирота, живешь у Гумера? — спросил он. — А я знавал твоего отца, добрый человек был Гибятулла, работящий. И зачем только уехал из родных мест. Все доли счастливой ищем, а потом все равно к родному месту прибиваемся,— вздохнул Митяй.— Не ездили бы никуда твои родители, глядишь и ты бы не был сиротой. Эх, горе наше, горе.

Митяй вытряс из корзинки ершей и окуней, но, уловив взгляд Рашида, сказал:

— Я хочу тебя угостить «царской ухой», а без ершишек и окунишек она не получится. Рыбы я тебе своей дам, а плотву и язишек твоих оставим.

Очистив и промыв рыбу, Митяй опустил ее в котелок. Глаза у ершей и окуней вылупились, побелели. Потянуло душистым наваром. Митяй выловил из котел-

ка рыбу, положил ее на холстину, а в котелок опустил лещей и судака.

— Доброе будет хлебово,— приговаривал старик, подсыпая в юшку какую-то траву, перец. Затем он черпнул ложкой ухи, посмотрел, попробовал на вкус и зачем-то выплеснул остаток на костер. Огонь на минутку замер, а потом вспыхнул еще большим пламенем.

— Доброе будет хлебово, есть жирок.

Булькала уха в котелке, запах щекотал Рашиду ноздри.

Наконец Митяй предложил:

— Садись, сирота, «царская уха» готова. Не знаю, кем ты станешь, где жить будешь, но, думаю, новая власть в беде тебя не оставит. А вот ухи такой на берегу вряд ли попробуешь. Помни слова старого Митяя.— Он протянул Рашиду кусок хлеба и ложку: — На держи.

Уха была действительно чудесная, с дымком, приперченная, чуть вязкая, пахучая — вобравшая в себя и аромат леса, и живительную свежесть воды, и сладкий вкус рыбы.

— Уха на берегу не уступит домашнему пирогу,— молвил старик и, перекрестившись, хлебнул горячей ухи. Смакуя, добавил: — Ни с чем несравнима, царская уха!

Отдохнув после еды, старик положил в корзинку Рашида несколько лещей и судака:

— Я знаю, тебя ждут с рыбой. Накорми своих родичей хорошей ухой.

Став мастером, Рашид Гибятович исколесил нашу страну вдоль и поперек, побывал во многих зарубежных странах, на званых обедах, но никакой из них не остался так в памяти, как уха деда Митяя.

Но вернемся к воспоминаниям Талгата Атходжиновича. «В 1928 году мой приемный отец, работавший и живший уже в Москве, попросил односельчанина привезти меня в столицу. Мы сели в вагон и тронулись в путь. Со мною была гармонь, игру на которой я уже хорошо освоил. Сидящий рядом средних лет мужчина, увидев гармонь, сказал:

— Что же это такое, инструмент под руками, а музыки не слышно? Сыграй нам, сынок, скоротай время дороги.

Я стал играть. Сначала русскую песню, а потом и татарскую. В это время подошел симпатичный черноватый юноша. Послушал игру и подсел ко мне.

— Скажи,— спросил он,— как твое имя?

Я ответил, что зовут меня Талгатом.

— Кто твой отец? — не отставал юноша.

Назвав имя отца, я рассказал ему откуда и куда еду. Он вдруг обнял меня и со слезами на глазах проговорил:

— Ты мой родной брат, я долго ждал этой встречи.

Я оцепенел и на первых порах не понимал, что происходит, но чувства незнакомого мне парня, его сияющее лицо, слезы — все говорило о том, что передо мной близкий человек.

Окружавшие нас люди также были поражены. Сопровождавший меня сельчанин Абдулхак Юсупович подошел к юноше и спросил:

— Так ты Рашид Нежметдинов?

— Да, абый, я Рашид Нежметдинов, а это мой брат Талгат. У него есть еще брат Кави и сестра Лямига. Судьба разлучила нас, и я рад, что мы встретились. Кави рассказывал мне, что Талгата отдали в детдом, а потом его усыновил Сатдинов Атходжа.

Так мы встретились с Рашидом Гибятовичем спустя много лет. И теперь, пройдя все жизненные невзгоды и дожив до седых волос, с трепетом вспоминаю нашу встречу в поезде, встречу двух осиротевших братьев. Позднее Рашид часто бывал у нас в доме. На какие бы турниры он не ездил, но если его путь лежал через столицу, обязательно наведывал нас, а когда возвращался домой, то давал телеграмму, и я встречал его. Вместе мы делили с ним радость побед и горечь поражений, просиживая ночи напролет. Всякий поймет наше состояние: сколько надо было вспомнить, восстановить в памяти, рассказать о судьбе каждого из нас.

С Рашидом нередко гостями нашего дома были видные шахматисты — Ратмир Холмов, Николай Крогиус. Они частенько спорили о какой-нибудь партии, просили шахматы и тут же, расставив фигуры, начинали разбирать варианты.

Все турниры, что проводились с участием Рашида в Москве, я старался посещать и был свидетелем тех чудес, которые творил мой брат за доской. Он был гро-

зой гроссов. До сих пор не забываю его встречу с Михаилом Талем. Когда Рашид провел блестящую комбинацию и гроссмейстер признал себя побежденным, в зале раздался гром аплодисментов. И вряд ли кто предполагал из сидящих в зале, что за поединком следит брат Рашида Гибятовича, чувствующий себя на седьмом небе.

Когда Рашид Гибятович уже стал известным мастером и ему сыпались приглашения из разных городов на место жительства, я как-то предложил ему переехать в Москву.

— Здесь ты быстрее достигнешь вершины, к которой идешь. В Москве ты обязательно станешь гроссмейстером.

— Может быть, ты и прав, брат, но я не могу, оставить Казань. К этому городу я прикипел сердцем. Здесь я вышел в люди, в Казани буду доживать свой век».

«ВУНДЕРКИНД ИЗ КАЗАНИ»

Холодный осенний ветер кружил по улицам Казани опавшие листья. Где-то неподалеку зычно перекликались на перекрестках патрули, гудели паровозы — грузились воинские эшелоны... На заборах и домах пестрели лозунги, напечатанные на желтой оберточной бумаге:

Дети — цветы жизни.
Берегите детей!
Дети — наше будущее!

Суровая и беспощадная к врагам молодая республика Советов нежно заботилась о детях, отдавая им все, что могла дать из своих очень скудных в то время запасов.

Кави Гибятович, прочитав мимоходом лозунг, с острой болью в сердце подумал о Рашиде и Лямиге. О том, что Талгата определили в детский дом, он уже знал. Надо было позаботиться о брате и сестре. И прежде всего о Рашиде — парню приходит время учиться. Как они там?

Казань — этот древний город на Волге — пережил бурные события первых лет революции. Через него прокатилась волна гражданской войны. Видели здесь мятежных белочехов, топтали улицы города белогвардейцы, обещавшие народу «покой и свободу». Гремели выстрелы — падали на землю бойцы за народную власть. Видела Казань и то, как катилась вспять в безумном страхе потрепанная и разбитая банда завоевателей. На плечах неприятеля врывались в город красные воины. Они несли с собой иные слова и дела, пели другие песни.

Рашид Нежметдинов приехал в Казань в 1919 году. Поезд подошел к перрону. Кави с братом и сестрой вышли на привокзальную площадь. Одинокие «барабусы» ждали пассажиров.

— Садись, довезу подешевле в любой конец города,— бойко кричали извозчики.

Сели в сани-розвальни на рогожные, набитые соломой мешки и поехали. Большой город произвел на Рашида впечатление больного, только что перенесшего тяжелый недуг и медленно-медленно выздоравливающего. Многие дома стояли без окон и дверей.

Не знал и не мог знать маленький Рашид, что этот израненный войной и нуждой город станет для него родным и близким. Не знал он и то, что здесь проведет остаток детства, перенесет страшную беду, распространившуюся уже на все Поволжье — голод, станет пионером, комсомольцем, окончит школу, носящую имя великого Ленина, педагогический институт. Отсюда уйдет он на службу в Красную Армию. И спустя долгие шесть лет, снова ступит на улицы города, чтобы уже никогда не расставаться с Казанью.

На широких просторах России гремели бои гражданской войны. Будучи военным, Кави Гибятович просто не имел возможности жить постоянно в Казани. Поэтому он определяет брата и сестру в детский дом.

...Тысяча девятьсот двадцатый год ушел, перекинув тяжелую свою ношу на худые плечи двадцать первого. Прихода весны ждали с нетерпением, на нее надеялись, как надеется всякий хлебороб, переживший скудный год, на будущий урожай. И она пришла. Изо дня в день над Поволжьем голубело безоблачное небо, всходило яркое солнце. И с каждым днем его животворная ласка становилась все более жестокой.

Солнце, которое дает жизнь всему живому, калит и калит поволжскую степь. Земля так нагревалась, что на нее трудно ступить босой ногой.

Солнце, как огнедышащий дракон, сушило почву, испаряло пруды и озера. Мелели глубоководные реки. Желтели травы. Хлеба, только начавшие всходить, сохли и свертывались. Корявые кустики проса сухими перьями торчали, как растопыренные ножницы. Низкорослый тщедушный овес побелел, стебель измочалился, зерно так и не успело налиться.

Сиротливо торчала пшеница. Пересохшие безусые колосья обжимали крошечные, рано пожелтевшие худосочные зерна. Курчавился кривой перепутанный горох с тонкими сплюснутыми стручками.

Только рано по утрам голубели на бесхлебных полях колокольчики с распустившимися головками, обвитые повиликой.

Дули горячие полуденные ветры, дыбились вверх и носились по полям, как дикие разнузданные кони с распущенными хвостами, косматые вихри. Задыхались овцы, падали ягнята. Стада коров по целому дню стояли в пересохших озерах, медленно вылезали на лысые протоптанные бугры.

Казанский поэт Н. Иванович дает точную картину засухи той поры:

Зноем пышит небо,
Темен лик полей,
Веет, жаром дышит
Острый суховей.
Веет, жжет и сушит,
Пыль столбом крутит,
По дороге мертвой
На село летит.
А в селе — безлюдье...
Вымерло село,
В каждую избенку
Горе принесло...

Горе пришло в каждое село, в каждый дом. Крестьяне выходили по утрам за околицу, смотрели на поля, смотрели с надеждой. Но увиденная картина печалила. А ведь в прошлые годы рожь здесь в рост человека росла. При сильном ветре так шелестели и кланялись ее колосья, что можно подумать: это Волга в бурю играет своими волнами. Буйной зеленью кудрявились леса.

В 1921 году всего этого не было. Словно люди, голодные и сердитые, стояли леса, а поля — голые, безжизненные.

Казалось, природа глумилась над всем в округе: покажется на небосклоне туча, подойдет к самым посевам. Люди ждут: сейчас упадут капли желанного дождя... А она заронит в сердце надежду, погремит, походит кругом да и уйдет, словно злой демон. И чего только не делали крестьяне: и с иконами ходили на поля, и живого петуха в землю зарывали. В татарских деревнях пробовали служить молебен. Не помогло. Ожесточилась природа.

С каждым днем все яснее обозначалась гибель вся-

кой надежды на урожай, а люди, доедавшие последние куски из запасов, приходили все в большее отчаяние, теряли голову. Начали распространяться самые нелепые слухи, сея панику и безотчетный страх перед будущим. В ход пошли суррогаты — кора, коренья, опилки березы, крапива, лебеда.

Сейчас мы не можем даже представить весь кошмар голода, который перенесло Поволжье.

Больше всего от голода страдали дети. В корреспонденции «Спасите детей», напечатанной в газете «Известия ТатЦИКа» 15 июля 1921 года, рассказывается: «Проходя по улицам Казани, каждый из нас встречает почти на каждой улице, на каждом перекрестке босых, оборванных, худых, как скелетики, детей, то группами, то в одиночку.

Дети смотрят на проходящих глазами, полными голода, тоски и страха, и протягивают свои костлявые ручонки, прося подаяние. То неотвязно-назойливо, то робко тянут детские голоса одно и то же: подай, подай, подай.

Дети бегут рядом, заглядывают в глаза, в свертки, которые вы несете в сумке, в портфеле, преследуют вас по пятам.

— Дай, дай, дай!

Но многие из них, пожалуй большинство, робко стоят в сторонке где-нибудь у стенки, в уголке, а то прямо лежат, свернувшись в маленький жалкий комочек, на пыльном тротуаре, на мостовой, у распределителей лавок, у ворот, где-нибудь у садовой ограды.

Спят они или умирают?»

В Казани голодных детей можно было видеть и в центре, и на вокзале, и на Устье — на берегу Волги. То спящих в голодной истоме, то плачущих, то оравой бегущих за подаянием. Это дети беженцев, дети деревень и дети городской бедноты. Но больше всего именно дети деревень. Они или брошены родителями, или осиротели, или посланы на промысел голодными матерями.

Татарский писатель Ибрагим Гази, сам переживший беды лихолетья, в романе «Хлеб, винтовка и любовь» писал: «На пристанях полно голодных детей. Тех, кто пробирается тайком на пароход, матросы сгоняют. Но спастись от этой «саранчи» никак нельзя. С

одного парохода сгоняют — облепят другой. Да и у матросов, что ни говори, сердце не камень. Жалеют, дают поесть. Так «саранча» и кочует по Волге. На остановках высыпают на берег и выпрашивают хлеба и воблы».

...1972 год. Над Поволжьем, как и пятьдесят один год назад голубело небо, палило нещадно солнце. В июле на поля Татарии выпало 3,9 миллиметра осадков, а в августе не упало ни одной дождинки. Но в этот необычайно трудный год земледельцы Татарии сумели собрать с каждого гектара по 10,9 центнера зерна.

В канун шестидесятилетия Рашида Гибятовича мы как-то заговорили с ним о трудностях года, невольно сравнили нынешнюю засуху с бедствием 1921 года. А когда Рашид Гибятович узнал, что я работаю над книгой «Лихолетье», сказал:

— Перед тобой живой свидетель народного горя.

Минуту-другую он помолчал, вспоминая далекое прошлое, потом продолжил:

— Картину голода 21-го года даже представить невозможно. Люди ходили, как тени, особенно беженцы сел и деревень. Не знаю, был ли жив, если бы остался в деревне. Скорее нет. Кому нужен сирота, когда пухнут свои дети. И как ни порадоваться судьбе, что в это лихое время я воспитывался в детском доме. Находился он тогда на улице Островского, где сейчас Дом-музей Шарифа Камала. В нем были дети, в основном собранные из различных сел и деревень Татарии, а также других губерний Поволжья, охваченных бедствием. Детдом спас нас от смерти. Сирот здесь не только одевали, обували, кормили, но и давали им образование, воспитывали.

Хотя мне тогда не было еще девяти лет, но память запечатлела многое. На стенах домов, на заборах пестрели лозунги: «Десять сытых кормят одного голодного!», «Когда кормишь своих детей, не забывай о детях Поволжья!», «Когда получаешь жалованье, вспомни о голодающих!». Проводились сборы пожертвований — в учреждениях, театрах, торговых помещениях, просто на улицах. Много писали тогда о голоде, о помощи бедствующим Владимир Маяковский и Демьян Бедный. Сохранилось в памяти стихотворение:

Поволжье выжжено. Но есть места иные,
Где не погиб крестьянский труд.
Где, верю, для волжан собратья их родные
Долг братский выполнят и хлеб им соберут —

так призывал поэт Демьян Бедный. Стихи звучали, как набат.

У людей моего поколения никогда не сотрется в памяти это лихое время. И мы глубоко признательны Коммунистической партии и Советскому государству за ту заботу, которую они проявляли о нас, беспризорных детях.

У Рашида Гибятовича в Казани много друзей, но тех, кто знал о его первых шагах в нашем городе,— единицы и среди них Галиахмет Якупович Якупов, сирота, воспитанник детского дома.

— Общность нашей судьбы,— сказал Галиахмет Якупович,— дает мне право говорить о Рашиде, как о близком человеке. Тот, кто ел из одного котла, жил под одной крышей, тот всегда останется верен дружбе, товариществу. Я был старше Рашида на два года и по мере своих сил старался помогать ему, увлечь его тем, чем сам увлекался. Помню, тогда я пристрастился ходить в театр. Благо он находился рядом с детским домом (ныне театр юного зрителя). Познакомился со швейцарами, которые сочувственно относились ко мне и пропускали в театр. Потянул за собой и Рашида. И вот мы, затаив дыхание, следим за игрой актеров. А тогда на сцене татарского театра блистали такие замечательные мастера, как Мухтар Мутин, династия Камаловых, навсегда в памяти остались у нас сцены из «Сенного базара» Карима Амири, где главную роль играл Камал II.

В детском доме Рашид первое время держался замкнуто. Но одну светловолосую девочку с черными, будто вишни, глазами он сразу же выделил. Непонятная сила тянула его к ней. По утрам, когда детдомовцы выстраивались на линейку, ему хотелось обязательно стать рядом с этой девочкой. На линейку выстраивались по росту. Рашид был ниже, чем Фаузия, и поэтому он поднимался на цыпочки, но всегда вставал рядом. Кто знает, может, та девочка и была первой любовью Рашида.

Детские глаза зоркие, от них ничего не скроешь, и вот кто-то из ребят назвал Рашида «девичий пастух». Кровь бросилась в лицо, он тут же кинулся на обидчика, началась драка. Когда их растащили, Рашид со слезами на глазах выскочил на улицу и побежал к Булаку. Я за ним. Громко всхлипывая, он кричал:

— Не хочу жить, лучше утопиться.

Произошедший случай встревожил детдом. Директор товарищ Бикчурин собрал всех ребят.

— Вы все — единая семья одного большого дома,— сказал он,— и драка в нем — это позор, настоящий позор...

Из детского дома Рашид ушел, когда Кави Гибятович вернулся в Казань. Но мы по-прежнему часто встречались, бывал я и у них дома. Однажды, когда жена Кави Сарвар Сабировна отлучилась ненадолго, оставив нас одних, мы открыли банку с вареньем и с аппетитом расправились с ней. Так как мы сделали это без разрешения, Сарвар разгневалась.

— От домашнего вора не убережешься,— сказала она мужу.

Кави Гибятович остро почувствовал отношение жены к брату, но постарался ее успокоить:

— Ведь дети, а какой ребенок не любит сладкое.

В двадцатые годы мы расстались с Рашидом. И снова встретились только после войны. Работая директором геолого-поисковой конторы треста «Татнефтегазразведка», однажды вечером я зашел в красный уголок, вижу: за столами сидят шахматисты, а один из них ходит от одного к другому. Когда он повернулся в мою сторону, я узнал Рашида.

— Галиахмет, вот так встреча! — воскликнул он и бросился ко мне. Мы обнялись.

— Потерпите минутку,— обратился он к шахматистам.— Я встретил давнего друга.

Вскоре Рашид снова ходил от стола к столу, а я с интересом наблюдал за игрой.

Когда она завершилась, мы вышли на улицу.

— Зайдем в ресторан,— предложил я,— посидим, поговорим, вспомним наше далекое детство.

А вспомнить действительно было что. В те далекие годы мы многое пережили, хлебнули горя, как говорят, до края. Иногда не обходила нас и радость.

— А помнишь,— спрашиваю я у Рашида,— как первый раз ты пришел в пионерский отряд?

— Разве такое забудешь. Тогда Иосиф Малкин был тверд и категоричен: «Мал еще, приходи через год»,— сказал он мне и проводил до дверей.

На следующее утро Рашид снова пришел в Центральный коммунистический клуб и, стараясь не попадаться на глаза вожатого (им был Иосиф Малкин), подошел к ребятам.

— Возьмите меня к себе, хочу быть пионером.

Настроение и желание Рашида легко понять. В те годы мальчишки в 12 — 13 лет уже стучались в двери комсомола, а те, что поменьше, хотели стать пионерами. Конечно, им отказывали, велели «малость подождать», но настойчивые не сдавались.

К Иосифу Малкину пришли ребята.

— Прилип, как смола. Говорит: хочу быть пионером — и баста.

— Это вы о мальчишке, который вчера приходил?

— О нем, вожатый. Может, возьмем?

— Пусть ходит, а надоест — сам уйдет.

Но Рашид не ушел. Он каждый день стал приходить в клуб. Что привело его сюда? Может, ему посоветовал пойти старший брат, а возможно, сам Рашид интуитивно потянулся к детям, которые собирались вместе?

Эти вопросы и привели меня к первому вожатому пионерии Казани, персональному пенсионеру, коммунисту, заслуженному учителю Татарской АССР Иосифу Ильичу Малкину.

— Ответить категорично затрудняюсь. Скажу только одно: детство ребят, пришедших в пионерский отряд, было суровым и необычайно ярким. Они твердо верили в революцию, мечтали о будущем — порой еще неясном, но обязательно светлом. Эти чувства детворы хорошо выразил поэт Михаил Светлов, который писал:

Нам в детях
ходить надоело!..
И я обращаюсь к
стране:
«Выдай оружие
смелым,
И в первую
очередь —
мне!»

Революционная романтика, стремление хотя бы как-то походить на героев революции и гражданской войны и вели, на мой взгляд, детвору в пионеры. Ведь все, что мы тогда делали, было новым, необычным. Вспоминаю, каким торжественным стал для детей день 23 июля 1923 года, когда в лесу, за Козьей слободой, был поднят флаг первого отряда пионеров города Казани. Обком комсомола вручил отряду Красное знамя, а комсомольцы повязали всем ребятам пионерские галстуки. И когда мне предоставили слово, комок подкатил к горлу, но, кое-как переборов волнение, я сказал ребятам:

— В ваших галстуках — цвет крови, пролитой борцами трех революций. Помните это и не запятнайте гордое имя пионера.

Почти шестьдесят лет минуло с того дня. Много за это время забылось, но память хранит тот день, и я его вижу ясно, четко, будто произошло все это вчера.

После торжества мы возвращались к себе в клуб по Проломной улице. Люди останавливались, с удивлением глядели на нас, на красные косынки на шее, на Красное знамя, на барабаны, выбивающие дробь. А какие были лица самих ребят?! Возбужденные, радостные, счастливые. И как тут не гордиться, когда солидные военные, милиционеры вставали в стойку смирно и отдавали честь их пионерскому знамени.

Необычность нашей жизни и работы состояла еще и в том, что все, за что мы брались, делали своими руками, даже сочиняли пьесы. К написанию пьесок и инсценировок пристрастился Николай Кульков. Их обсуждали на сборе отряда, ставили, передавали в другие отряды. Это были пьески и инсценировки о Парижской коммуне, о первой русской революции, о гражданской войне. На спектакли приглашали ребят из детских домов, школьников. Мы хотели, чтобы о нас, о наших делах знало как можно больше детей.

Переплетали книги, по договоренности с магазинами делали для них пакеты, а на вырученные деньги покупали книги. Брались и за более серьезные дела: ремонтировали дороги, засыпали ямы, строили мостки через канавы. Время-то было ой-ой какое! Казань пережила голод, всюду разруха, и пионеры, по мере сил, помогали взрослым.

Большинство ребят отряда перенесли эту страшную беду. Именно поэтому они так энергично взялись за сбор средств помощи голодающим детям революционных рабочих Германии. Ребятам выдали закрытые кружки с отверстием для монет, и они ходили по улицам города. Чтобы не выглядеть попрошайками, надевали парадную форму. Сборы проводили на улицах, в садах, парках, на трамвайных остановках.

На пионерских сборах, кроме чтения книг, занимались различными играми, суть которых заключалась в том, чтобы развивать в детях любознательность, наблюдательность, память. Вели такую игру «что у кого в кармане есть». Ключ, карандаш, гайка, резинка и т. п. выкладывали ребята на стол (всего 16 предметов), их накрывали газетой. И тому, кто должен был назвать предметы, давалась одна минута. На первых порах ребята запоминали 7—8 предметов, а вот Рашид сразу изумил нас, назвав десять предметов. Позднее у ребят наблюдательность усилилась, стали называть по 14—15, а то и все 16 вещей, но насколько мне память не изменяет, Рашид частенько выходил победителем.

Вели мы и такую игру. Девочка садилась за стол, занимала позу, которую следовало запомнить. Потом все отворачивались, девочка меняла позу и надо было сказать, какие изменения произошли.

Больше всего любили ребята походы. И когда я предложил им пойти на субботу и воскресенье в Троицкий лес, ликованию не было предела.

— Жаль только палатки нет у нас, вдруг дождь.

— Шалаши сделаем! — послышались голоса.

— Палатки будут, — неожиданно для всех сказал Рашид.

И в тот же день принес две палатки. Оказывается, он сходил к Кави Гибятовичу, который в то время был комиссаром Татаро-башкирской военной школы, и попросил палатки для похода. А мы не знали, что Рашид брат Кави. Он об этом никогда не говорил. Из-за скромности, наверное.

Солнце скрылось за Услонские горы. С Казанки потянуло прохладой. Мы развели большой костер, уселись вокруг. В трепетном зареве костра была своя красота и таинственность, своя романтика.

— С чего начнем, ребята, какую песню споем? — спрашиваю.

— Нашу любимую.

И тут же зазвенели детские голоса:

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы, пионеры, дети рабочих...

Потом пели «Там вдали за рекой», «Белая армия, черный барон», «Под частыми разрывами гремучих гранат».

Утром, сварив картошку, позавтракав, мы приступили к играм. Тут и перетягивание каната, эстафеты, прыжки в длину и высоту и, конечно, футбол. Гоняли тряпичный мяч. Сколько энергии, азарта было в игре. А когда отец нашего Рэма Митропольского подарил настоящий мяч, ребята были на седьмом небе.

Любили в отряде шахматы. Ими «заразил» всех Рашид. Уже на третий день появления в отряде он принес мешочек с фигурками и картонную доску. Старшие ребята отряда Рэм Митропольский, Николай Константинов, которого все звали «Каляном», как бы свысока посмотрели на новоявленного шахматиста, зеленый, мол, еще с нами играть. Когда же Рашид вчистую разбил их, отношение круто изменилось, и он стал в отряде своим человеком.

Конечно, никто из нас тогда не думал, не гадал, что в отряде растет замечательный мастер шахмат. О будущем серьезно думать просто не могли — все мы были дети, в том числе и я. Пожалуй, только одно сидело в нас крепко — быть полезным и нужным стране. И я горжусь, что многие воспитанники отряда стали настоящими людьми, коммунистами. Среди них — Рашид Гибятович.

Много лет спустя, когда нас с Рашидом Гибятовичем приглашали на сборы, как почетных пионеров, мы с грустью смотрели на наши седины и вспоминали далекие славные годы. Разве их можно забыть?!

Существует легенда, что Капабланка научился шахматной игре, только глядя, как играют другие, не спрашивая о правилах. Нечто подобное произошло и с Рашидом. Играя в «прятки», он случайно обнаружил на ступеньках лестницы листок бумаги с совершенно непонятными для него рисунками. Как вспоминает Рашид Гибятович, листок он быстро сунул в карман, так

как его в это время уже искали и нужно было получше схорониться, а потом снова вытащил «находку» и стал ее изучать. Клетки и непонятные фигуры на них показались таинственно-притягательными. Что это могло быть? Мальчик так и не понял. Только спустя несколько дней он увидел в коммунистическом клубе людей, которые на клетчатых досках передвигали шахматные фигуры. Рашид стал молча наблюдать за играющими, внимательно следил, как они ходят той или иной фигурой, а когда понял смысл игры, рискнул попробовать.

— Можно с вами сыграть? — спросил он мужчину, расставлявшего шахматы. Тот посмотрел на мальчишку, недоуменно пожал плечами.

— А ты хоть умеешь фигуры двигать?

— Немножко умею.

— Тогда садись.

По мере развития партии к столу, где играл мальчик со взрослым, стали собираться болельщики.

Было интересно, как это «клоп» взялся за шахматы да еще и выигрывает.

Проиграв, удивленный дядя встал из-за стола, на его место садились новые игроки, а мальчишка выигрывал партию за партией.

В пионерском отряде Рашид не расставался с шахматами. Часто на лужайке «Черного озера» он собирал вокруг себя ребят и сражался с ними часами. Победы над сверстниками укрепили в нем веру, заронили надежду. И вот Рашид снова среди взрослых любителей шахмат.

Он играл и не знал, что за ним наблюдает известный тогда в Казани шахматист Самсонов. Зоркий глаз опытного человека сразу же заметил необычайно смелую, прямо скажем дерзкую игру ребенка. «Теории он, конечно, не нюхал, — заключил Самсонов, — но чутье шахматное в нем безусловно есть. Надо привлечь в кружок».

После игры он остановил мальчишку, поинтересовался:

— Кто научил тебя играть?

— Никто, сам смотрел, как дяди играют, а потом сел за доску.

Любопытство Самсонова еще больше возросло.

— И когда ты научился?

— Нонче вот.

Шахматист тут же вырвал листок из блокнота и написал: «Прошу принять, подает надежды. Самсонов».

Так с рекомендацией известного шахматиста пришел Рашид Нежметдинов к вратам царства древней игры. Он мысленно произнес: «Сезам, отворись!». И перед ним открылась дверь в шахматный мир.

— В первый день, когда я появился в шахматном клубе с запиской Самсонова,— вспоминал Рашид Гибятович,— меня крепко побили. Теперь даже трудно припомнить, сколько партий проиграл. Шел домой и дороги не видел. Но приходил новый день, и я снова открывал двери клуба и играл одну партию за другой. Удача словно отвернулась от меня. Обидно было слышать:

— Ты, Рашид, еще мало каши ел. Подкрепись как следует, а потом за шахматы берись.

Темпераментный мальчишка не выдерживал:

— А ты садись на «блиц», тогда посмотрим, кто кого.

Летели с доски фигуры, пешки, рука едва успевала нажимать на кнопку часов. Но и «в блице» Рашиду не улыбалась фортуна. И вот тогда он остановился, сказав себе: «Хватит, пора браться за ум». Он стал читать одну за другой книги о шахматах. Хотя это и было бессистемное чтение, оно не прошло даром.

— После почти годичного перерыва,— отмечает Рашид Гибятович в своей книге,— я снова начал играть: Получил сразу третью категорию, минуя четвертую.

Зимой 1927 года, участвуя в первом городском чемпионате по шахматам среди пионеров, Рашид Нежметдинов завоевал первое место, выиграв все пятнадцать партий. Лед тронулся! Но тут неожиданно появилась страсть к шашкам. Мальчишка так увлекся этой игрой, что забыл свою первую любовь — шахматы. В 1928 году он уже занял второе место на чемпионате Казани, спустя пять месяцев, он — чемпион Поволжья, а в октябре за успехи в первенстве Российской Федерации, которое проходило в Москве, ему присваивается первая категория. Непостижимо,

но факт остается фактом: менее чем за год Нежметдинов прошел путь от новичка шашиста до перворазрядника.

Заговорили о случайности побед Рашида. Просто повезло парню — вот и весь сказ. Молодости свойственна горячность, порыв.

— Даю сеанс одновременной игры! — заявил шашист.

Одиннадцать участников-шашистов сели за столы. Перворазрядник из Казани выиграл все партии. Вот тогда в газете «Шахматы и шашки в рабочем клубе» появилась заметка: «Вундеркинд из Казани».

Заметка в несколько строк, но как бережно хранил ее Рашид Гибятович, как дорожил ею! Позднее о нем будут писать журналы и газеты: как-никак, пятикратный чемпион России, известный тренер страны. Его партии напечатают многие журналы мира, но эта заметка останется самой дорогой, потому что она была первой.

В скупой биографии Рашида Гибятовича есть такие слова: «Серьезное влияние на мое творчество оказало в 1931—1933 гг. общение с ведущими шахматистами Одессы. В ту пору я там жил и работал». Как оказался в Одессе Нежметдинов, что привело 18-летнего юношу в южный город, теперь уже никто не ответит. Но не этот вопрос сейчас волнует. Интересно другое, как отразился период жизни в Одессе на становление шахматиста?

В декабре 1982 года, когда отмечалось 70-летие Рашида Гибятовича, мне посчастливилось встретиться с международным мастером Самуилом Марковичем Жуховицким, который хорошо знал Рашида Гибятовича, когда он жил в Одессе.

В первом туре мемориала Нежметдинова С. М. Жуховицкий оказался свободным от игры — так сложились обстоятельства. Кстати, это был единственный международный мастер, который принял участие в соревновании, посвященном памяти нашего земляка.

— С Рашидом Гибятовичем, — рассказал Самуил Маркович,— мы встретились, когда мне не было и пятнадцати лет. Много, очень много времени прошло с тех пор, но те далекие годы сохранились в памяти. Сохранились потому, что мы часто бывали вместе.

Даже не верится: давно ли я отмечал свое 55-ле-

тие, а прошло уже одиннадцать лет. Я вспомнил об этом неспроста: мой юбилей мы отмечали вместе с Рашидом Гибятовичем в Москве, — пояснил он мне. — Дело в том, что мы оба родились в декабре: я 12-го, а он 15-го числа. Поэтому нет-нет да и приходилось нам справлять дни рождения вместе.

Судя по всему, какая-то острая нужда или случай привели Рашида в наш город. Помнится, он где-то работал кочегаром, а потом устроился в шахматно-шашечный клуб.

Рашид, как метеор, мелькнул на шахматно-шашечном небосклоне Одессы. Почему? Потому, что сумел стать чемпионом Одессы по шахматам и шашкам. Причем за какой срок!

И хотя в Одессе в те годы не было мастеров по шахматам, но сильные кандидаты и первокатегорники имелись. Рашид оказался сильнейшим. Да, он играл, если можно так выразиться, шахматно-шашечной рукой. Позднее Рашид Гибятович стал мастером и по шахматам и по шашкам — уникальное явление не только в нашей стране, но и в мире. Только Василий Соков, знаменитый шашист, погибший в 1944 году под Нарвой, близок к нему: он был кандидатом в мастера по шахматам.

Словом, Рашид произвел переполох в стане одесских шахматистов и шашистов. Его смелая азартная игра подкупала. Он мог проводить за шахматами и шашками целые сутки, без сна, еды. Где он чувствовал себя сильнее? Мне думается, что шашки ему лучше удавались. За шахматной доской я в те годы встречался с Рашидом и даже выигрывал, но он все же был сильнее.

Жизнь — это не только шахматы. А она у него была очень трудной. Однажды его спросили:

— Хватает ли тебе зарплаты?

— Она уходит быстро, как песок сквозь пальцы. Через пятидневку смотрю, уже пусто в кармане. Люблю очень пирожное, а оно в Одессе превосходное!

Часто живя впроголодь, Рашид не терял бодрости духа. Таким я и запомнил его навсегда: оптимистом, человеком широкой души.

В Казань Рашид Нежметдинов вернулся повзрослевшим, познавшим жизнь.

ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ РОССИИ

Один из декабрьских дней 1968 года Рашид Гибятович позвонил мне на работу.

— Просьба есть большая, — сказал он. — Школа, которую в свое время я окончил, отмечает 50-летие. Как ты знаешь, партийную организацию школы возглавляет моя супруга — Тамара Ивановна. Она подготовила доклад, но он, на мой взгляд, суховат, не очень эмоционален. А школа наша особая — ленинская!

В интонации голоса Рашида Гибятовича чувствовалась гордость за родную школу, которой еще при жизни Владимира Ильича было присвоено его имя.

— Будь другом, помоги, влей в доклад «живую, горячую кровь».

Так впервые попал я в дом Нежметдиновых, хотя знаком был с Рашидом Гибятовичем несколько лет.

За чашкой чая хозяин вспоминал учителей, своих друзей и особенно тепло отзывался о Мансуре Абдрахманове.

— Удивительный был человек. Как и я — сирота, воспитанник детского дома, он упорно шел к цели, которую намечал. Прав был Некрасов: «Воля и труд человека дивные дивы творят». Мансур стал доктором философии, проректором нашего университета, депутатом Верховного Совета Татарской республики, его председателем. Вот как высоко поднялся человек: и ученый, и общественный деятель! А шагать по ступеням жизни ему было ох как тяжело — инвалид войны. Но сила характера, воля победили недуг, помогли Мансуру Ибрагимовичу брать высоты в мирные дни, как и на фронте. А сколько еще талантливых людей вышло из стен школы! Ученые, крупные организаторы производства, партийные и советские работники, художники, писатели... Разве об этом можно говорить сухо, протокольным языком?!

Его глаза чуть прищуренные, с эдакой хитринкой, ожидающе смотрели на меня. А я в это время думал о Рашиде Гибятовиче. Всех именитых школьников назвал, всех перечислил; а о себе ни слова. Скромность украшает человека, что правда, то правда. Я все же не утерпел, спросил:

— А себя вы не относите к знаменитым ученикам школы?

Рашид Гибятович на какое-то время умолк, как бы раздумывая, искал слова, чтобы без рисовки, без ложной скромности ответить.

— Видите ли, каждому из нас всегда легче говорить о своих знакомых, близких, но о себе... Тут лучше послушать, что скажут другие. Моя жизнь отдана шахматам, я просто фанатик этой мудрой народной игры, но об этом кричать не станешь.

Потом «фанатик» показал мне кубки, призы, полученные им за победы на шахматном поле, алую ленту чемпиона России, на которой сияли пять золотых медалей.

Пятикратный чемпион России, участник многих чемпионатов СССР Рашид Гибятович сыграл сотни блестящих партий. Даже во встречах с чемпионами мира Михаилом Ботвинником, Василием Смысловым, Михаилом Талем, Тиграном Петросяном, Борисом Спасским он имеет свои плюсы. Выиграл шесть партий, девять завершились мирным исходом и только в пяти наш земляк потерпел поражение. Почему же такой блестящий шахматист не поднялся на Олимп шахматного искусства, не стал гроссмейстером? Стараясь быть как можно деликатнее, я задал этот вопрос хозяину дома.

Рашид Гибятович, разглаживая чемпионскую ленту, собирался с мыслями, потом сказал:

— Многие любители шахмат частенько задают мне этот вопрос. Их удивляет, что я не добился высшего звания. Скажу откровенно: ничего особенного тут нет. Чтобы все было ясно, начну с первых моих шагов в шахматах. Дебют состоялся в 1927 году, когда мне было почти 15 лет. Встречаясь со своими сверстниками, я победил всех, набрав 15 очков. Дошел до первой категории и даже участвовал в Российском первенстве. Выступил неудачно, потом увлекся шашками. Серьез-

Рашид Нежметдинов.

но занялся шахматами лишь после демобилизации из армии. В 1949 году выполнил норму мастера по шашкам, а год спустя — по шахматам. Норму мастера международного класса завоевал в Бухаресте в 1954 году. Давайте посчитаем: в 38 лет стал мастером, а в 42 международным мастером. Поздно? Конечно. Выдающиеся шахматисты Ботвинник, Смыслов, Таль, Спасский, Фишер уже в пятнадцать лет показывали блестящие результаты на международной арене, у себя в стране. А я, как видите, только начинал. Все современные гроссмейстеры к двадцати годам имели солидную теоретическую базу и становились мастерами. У меня же по сравнению с ними разница оказа-

лась почти в двадцать лет. И это, безусловно, стало решающим на пути к высшему шахматному званию. В отдельных партиях я играл по-гроссмейстерски, но в целом не смог добиться этого уровня. Все закономерно, все справедливо.

Удивительно просто и ясно ответил на поставленный вопрос мастер. И пусть наш земляк не стал гроссмейстером, но шахматный мир знает его не меньше, а даже больше, чем иных мастеров, удостоенных этого звания.

Поглядим на путь Рашида Гибятовича к шахматному Олимпу России. Он был тернистым, сложным.

Шахматному дарованию сегодня проще: для него открыты двери Дворцов пионеров, специализированные школы, где с ребятами занимаются мастера, опытные педагоги, а наиболее одаренные проходят знаменитую школу Михаила Ботвинника. В блестящем взлете нынешнего чемпиона мира Анатолия Карпова, а также юного гроссмейстера Гарри Каспарова и еще многих гроссмейстеров видна твердая рука Михаила Моисеевича.

В годы, когда загоралась звезда Нежметдинова, ничего подобного не было. Правда, ребятам помогали старшие, но разве их можно сравнить с сегодняшними наставниками молодых шахматистов! Поэтому Рашиду и его сверстникам приходилось полагаться на себя. И они сражались самозабвенно, азартно.

В 1935 году в клубе «Советской торговли», где тогда размещался городской шахматный клуб, проходило первенство Казани. Звание чемпиона оспаривали двадцать ведущих шахматистов, имеющих первую и вторую категории. Все они были молоды, полны сил. Среди тех, кто сел за столы и пустил шахматные часы: Рашид Нежметдинов — неоднократный чемпион Казани; Михаил Еремин — постоянный соперник Нежметдинова в турнирах; Петр Колчурин — весьма «неудобный» для Рашида шахматист, неоднократно побеждавший чемпиона в личных встречах; Алексей Хрусталев — первокатегорник, игрок хитрый, но не достаточно знакомый с шахматной теорией; Петр Ермолин — шахматист второй категории, общительный человек, балагур и большой шутник, близкий друг Рашида.

По воспоминаниям Рустема Файзулгаяновича Киль-

матова, успешно играли в те годы в шахматы Михаил Сегель, Николай Косолапов, Ошанин и Вашш.

Заметной фигурой в шахматной Казани 1930—1941 годов был Николай Иванович Косолапов. Являясь инструктором республиканского спорткомитета по шахматам, он умело направлял шахматное движение республики, сам участвовал в состязаниях в качестве игрока или судьи.

Итак, шахматные часы отсчитывают время. Шесть пар соперников обдумывают ходы.

Помещение, в котором играли участники чемпионата, тесное, а поэтому болельщиков немного, но наиболее страстные — вплотную стоят у столиков. Их побольше там, где играют Нежметдинов, Еремин, Колчурин. Они — лидеры: Рашид и Михаил идут вровень, а Петр на полочка позади. До конца чемпионата остается два тура. Кто будет победителем? Острая игра будоражит воображение болельщиков. И вот наступил день, когда все должно решиться в партии Нежметдинов — Еремин.

Рашид, играя белыми, как обычно сделал первый ход королевской пешкой *e2 — e4,* соперник ответил *e7 — e5.* Испанская партия. Рашид избрал путь медленного, методичного развития фигур, накапливая силы для решающего штурма позиции черного короля. Еремин несколько задержался с контригрой на ферзевом фланге, и угрозы белых с каждым ходом нарастали. Запас времени у соперников достаточен, но никто из них не встает из-за стола, оба сосредоточены, внимательны.

Рашид, стройный молодой человек с густой шевелюрой, одет так, как тогда одевались многие: юнгштурмовская гимнастерка, темный пиджак и такого же цвета брюки. На Еремине серый костюм, белая рубашка — *он* студент университета. Временами игра идет оживленно, соперники быстро делают ходы, переводят часы, а порой, обхватив голову, не реагируя на окружение, подолгу сидят, обдумывая ход.

Партия перевалила экватор. И тут Рашид пожертвовал слона, получил атаку. Еремин принял жертву и сразу же был наказан. Через 3—4 хода под угрозой неизбежного мата он остановил часы. Бледный, взволнованный, Михаил тотчас стал доказывать, что в партии он стоял ничуть не хуже.

— Тише, ребята,— просит Николай Иванович Косолапов,— анализируйте спокойно.

И после того, как тур завершился, Рашид и Михаил еще долго сидели за доской, находя новые и новые варианты для нападения и защиты.

Раздосадованный неудачей в партии с Рашидом, Еремин в последнем туре проиграл Колчурину и остался на третьем месте.

— Мне сейчас трудно сказать,— вспоминает Рустем Файзулгаянович,— обратил ли внимание на меня как шахматиста Рашид Гибятович? Однако некоторые обстоятельства дают повод ответить на это утвердительно. Дело в том, что в декабре 1935 года, выиграв чемпионат Казани среди пионеров и школьников, я должен был в зимние каникулы поехать в Ленинград на второе Всесоюзное первенство по шахматам среди пионеров и школьников! Буквально за три дня до отъезда меня пригласил в клуб Николай Иванович Косолапов. Он по-отечески поговорил со мной, а потом сказал:

— Рашид хотел дать тебе кой-какие советы.

Рашид Гибятович в это время играл пятиминутку.

После того, как противник Нежметдинова проиграл партию, Рашид пригласил меня за стол.

Мы играли как бы тренировочную партию. После моего очередного хода Рашид Гибятович заметил:

— Не торопись, вот этот ход у тебя гораздо сильнее,— и тут же поставил моего коня под бой пешки.

Я сразу не понял замысла Рашида. И тогда он несколькими ходами показал, к чему приведет жертва коня.

— Не торопись, будь собраннее,— снова подчеркнул Рашид, давая мне напутствие перед ответственным для меня экзаменом. Видимо, он наблюдал за моей игрой в клубе и заметил мою спешку в форсировании выигрыша, когда совершались непростительные «маски».

— И еще один эпизод из шахматной жизни Казани довоенных лет мне хотелось бы вспомнить,— продолжает рассказ Рустем Файзулгаянович.— Произошло это в конце января 1938 года. Я уже был студентом Казанского института инженеров коммунального строительства и только недавно получил первую категорию. Словом, формально мы были равноценными шахматистами, но только формально. Качество же игры, конечно, отличалось. К этому времени Нежметдинов уже прошел несколько

Всероссийских турниров сильнейших первокатегорников, успел завоевать звание чемпиона Поволжья.

И вот когда зимняя сессия была позади (Рашид тогда учился на физико-математическом факультете пединститута), мы договорились о его сеансе одновременной игры в нашем институте, где я руководил шахматной секцией. В профкоме мне поручили провести эту встречу на 30 досках. Сдается, что Рашид Гибятович волновался перед встречей. Только этим можно объяснить его вопрос, есть ли у нас в институте сильные шахматисты. Я не покривил душой, признался: половина участников играет весьма прилично, на уровне второй и третьей категории.

В воскресный день актовый зал института был заполнен многочисленными болельщиками. Мне выпала честь быть организатором и судьей состязания. Среди записавшихся играть десять профессоров и доцентов, среди которых были такие известные в Казани ученые, как Николай Михайлович Пауткин, Халид Музафарович Муштари, Петр Максимилианович Дульский и другие. Студент — против профессуры! Но тут — шахматист против шахматистов.

Одетый празднично, Рашид Нежметдинов вначале рассказал о своем участии во Всероссийских турнирах, поделился впечатлениями о поездках по городам страны, а затем началась игра.

Как организатор сеанса, я имел доступ во внутренний круг, куда, кроме сеансера, обычно никто не допускается. А так как я сам никогда не давал сеанса, мне было интересно посмотреть, как ведет игру Нежметдинов. На первых трех досках последовали ходы: 1. *e2 — e4*; 1. *d2 — d4*; 1. *c2 — c4*. Такая же серия на последующих трех досках и т. д.

— Чтобы партнеры не копировали друг друга,— так объяснил мне потом Рашид.

Сеанс шел своим чередом. Через час-полтора соперники начали выходить в «тираж» — сдавались под угрозой мата или же их позиция не давала им никакой надежды на успех. Но были партии, где соперники Рашида стояли крепко, надежно. Так, профессор математики Николай Михайлович Пауткин искусно парировал все выпады сеансера, и в итоге Рашиду пришлось согласиться на ничью.

Профессор Муштари тоже завязал сложную игру. Партия получилась острой, интересной. И все же комбинационный расчет у Нежметдинова оказался выше: он пожертвовал фигуру и создал неотразимую атаку на черного короля. К ничейному результату пришла партия с доцентом Сафиным.

Студенты тоже показали «зубы». Один из них заставил Рашида произнести «сдаюсь».

Сеанс завершился великолепным для Нежметдинова результатом — 25 побед, четыре ничьих и лишь одно поражение.

До войны на первенстве Казани довелось встречаться с Рашидом Гибятовичем трижды, но, увы, все эти встречи были для меня безрадостные. И все же сегодня, много лет спустя, я с удовольствием вспоминаю уроки, которые он мне преподал.

1937 год. Казань принимает шахматистов Поволжья. К поединку сильнейших шахматистов, живущих на Волге, Рашид готовился серьезно. Он понимал, что соревнования потребуют большой физической и нервной нагрузки, и поэтому каждое утро его можно было встретить или на Казанке, или же на Кабане. Плаванье, гребля, бег — все способствовало закалке организма.

«Хозяева поля» победили шахматистов Сталинграда, Саратова, Куйбышева. Рашид Нежметдинов, набрав десять очков из двенадцати, занял первое место.

Через год, сдав летнюю экзаменационную сессию, он едет в Свердловск на турнир сильнейших шахматистов-первокатегорников России.

Начало сложилось для Рашида весьма удачно. Больше того, он просто удивил многих: почти кряду девять побед!

— А на финише подкачал,— рассказывал позднее Нежметдинов,— не хватило выдержки, умения черными разыгрывать некоторые сложные дебютные системы, вести эндшпиль партии. И все же считаю: Свердловск был для меня первой ступенью к званию мастера. Здесь я получил первый кандидатский балл, завоевав второе место в турнире. Второй балл присудили мне в Горьком, где проходил Всесоюзный турнир первокатегорников.

Турниры в Свердловске и Горьком, несомненно дали Рашиду Гибятовичу богатый материал для творческой работы. Он стал готовиться к новым сражениям. И тут

случилась беда: шахматист надолго попадает в больницу. Но как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. В больницу Рашид захватил с собой книгу избранных этюдов Л. Куббеля и «на досуге» решал их в уме, по диаграммам.

Куббель открыл для Нежметдинова как бы новую страницу в шахматах. Решение задач оказалось весьма полезным для лучшего понимания эндшпиля, без умения разыгрывать который в шахматах делать нечего.

Приехав в июле 1939 года в Ростов-на-Дону на Всесоюзный турнир первокатегорников, Рашид на практике убедился, как здорово помог ему Куббель. Восемь побед и две ничьи — таков был его результат на этом турнире, лучший во всех довоенных соревнованиях. В Казань Рашид Гибятович возвращался уже кандидатом в мастера спорта СССР. Друзья горячо поздравляли его с победой и полученным званием.

Принимать поздравления, конечно, приятно, но не менее приятно для Рашида Гибятовича было услышать добрые слова от брата, который к этому времени уже стал широко известным писателем. С вокзала Рашид сразу поехал к нему.

Кави Гибятович крепко обнял младшего брата:

— Молодец! Теперь даешь — в мастера!

Но осуществить эту мечту Рашиду Гибятовичу удалось не скоро.

...Закончив в 1940 году физико-математический факультет пединститута, он вскоре призывается в армию. Серьезные занятия шахматами пришлось надолго отложить. Правда, в начале 1941 года Рашид принял участие в чемпионате Забайкальского военного округа и вышел победителем, набрав 15 очков из 16 возможных. А потом началась война. И следующее шахматное соревнование, в котором принял участие Нежметдинов, проходило через пять с половиной лет, в другой стране.

1946 год. Военная судьба забросила Рашида Гибятовича в Германию, уже отгремели бои, город поднимался из руин, и молодые офицеры гарнизона нет-нет да и присядут за столик сыграть партию, другую. Благо, заместитель Главнокомандующего Группой советских войск в Германии Василий Иванович Чуйков — большой любитель шахмат. О герое Сталинграда среди солдат и офицеров ходили легенды, говорили, что во время жесто-

ких боев на волжской твердыне он не расставался с шахматами. Позднее это подтвердил и писатель Иван Падерин. В сборнике «200 огненных дней» он рассказывает один из эпизодов битвы за Сталинград. Среди защитников города прошел слух, что командарм В. И. Чуйков тяжело ранен и армией командует кто-то другой. И тогда рядовой 284-й дивизии Иван Крушинский, в прошлом чемпион Донбасса по шахматам, получает приказ от своего командира полка сходить на командный пункт армии, передать пакет с донесением и заодно проверить, действительны ли слухи.

«Был уже вечер, а может, еще день. Небо заволокло черными тучами дыма... Недалеко от Банного оврага нашел командный пункт армии. Часовой остановил меня у входа:

— Куда?

— Вот с пакетом. Приказано передать лично командующему.

— Проходи.

Вхожу в блиндаж. На столе карта и... шахматы. Вдоль стены ходит угрюмый человек. Он или не он, не могу определить: в блиндаже тускло горит фронтовая коптилка. Докладываю: такой-то прибыл с пакетом.

Вручаю ему пакет, а сам посматриваю на шахматы. Генерал обратил внимание:

— Играешь?

— Давно не играл...

— Садись.

Едва я успел сделать ход, как блиндаж закачался, в углах что-то заскрипело.

— Ходи, ходи...

Сделал еще ход, а сам смотрю: он или не он?

Где-то, кажется, перед десятым ходом, он задумался. И в этот момент потолок задрожал, посыпались крошки земли. Вбежал адъютант:

— Товарищ генерал, танки...

Мой партнер даже не посмотрел на адъютанта, помолчал, подумал, сделал ход:

— Шах... Так, значит, танки?

— Сюда, прямо на КП прорываются.

— Так и должно быть. Паулюс выдохся, хочет нас ночью танками напугать. Ступай-ка да посмотри, как

наши действуют. Захвати с собой противотанковую гранату. — И ко мне: — Ходи, ходи.

Мне было не до шахмат. Я чувствовал, что вблизи блиндажа происходит что-то неладное.

Прошло еще несколько минут, я сделал два или три явно неудачных хода.

Вернулся адъютант без гранаты, весь в пыли. Доложил:

— Один танк подбили, горит, остальные повернули обратно...

Пришел я к командиру части уже поздно ночью, доложил все как было. Тот, облегченно вздохнув, сказал:

— Тебе повезло, на двух Чуйковых сразу напоролся. Адъютанта Федором звать. Младший брат командующего. Знаю его сызмальства... А ты, Иван Крушинский,— шахматист первой категории, а продул, на пятнадцатом ходу мат получил...»

Вот такой боевой генерал и тонкий ценитель шахмат был теперь здесь, в Германии. Иногда он приходил в Дом офицеров, где открылась шахматная комната, следил за игрой.

— Однажды,— вспоминает подполковник в отставке Борис Павлович Наглис,— за мной пришел посыльный и передал приказ: немедленно явиться к командующему. Как известно, к начальству зря не вызывают! Пока шел к Дому офицеров, терялся в догадках. Когда вошел в комнату и увидел на столе шахматы, понял, в чем дело.

Чуйков встретил меня приветливо:

— Давай сыграем, Ботвинник!

До пяти утра горел в окнах свет. Играл командарм азартно, переживал каждую партию. С шахматной теорией он, по-видимому, не очень был знаком, но смекалки ему было не занимать: когда представлялась возможность, атаковал весьма искусно.

С его помощью весной 1946 года был организован первый армейский турнир, в котором мне посчастливилось завоевать первый приз и получить из рук самого командующего охотничье ружье...

Потом были еще турниры. В июле—августе 1946 года проводилось первенство Советской военной администрации, в котором принял участие Рашид Гибятович. Соскучившись по настоящей игре, наш земляк отлично провел соревнование, набрав 13 очков из 14 возможных. Он

на пол-очка опередил майора Липницкого и занял первое место.

О шахматных баталиях гвардейцев узнали не только в наших армейских частях, но и частях союзников. Возникла идея провести матч с командой американской военной администрации. Василий Иванович Чуйков поддержал это предложение и со своей стороны сделал все, чтобы встреча состоялась. Нежметдинов, Липницкий и Наглис возглавляли нашу команду.

Перед игрой Чуйков пригласил шахматистов к себе:

— Не посрамите чести страны и армии. Шахматное поле — это тоже поле напряженной борьбы. Желаю удачи.

И вот наши шахматисты едут в гости к американцам. Хотя матч проходил в американской зоне, гости «недружелюбно» обошлись с хозяевами: матч завершился полным разгромом — 10:0. Так Рашид Гибятович сыграл свой первый матч с иностранными шахматистами. Потом было много встреч с мастерами зарубежных стран, но тот день навсегда остался памятным для Нежметдинова.

Пришел срок, когда уже привычную армейскую жизнь пришлось сменить на гражданскую. И как ни жаль было расставаться с теми, с кем столько времени находился рядом, но такой час пробил. Возвращались домой многие. В купе вагона царило веселье, офицеры поднимали кружки за встречу с родной землей.

«Тук-тук, тук-тук» — монотонно стучали колеса. Поезд мчал Рашида Гибятовича все ближе к просторам Отчизны. Вот он прогромыхал по мосту речушки. Видны пограничные столбы, слепят белизной родные березки, слышится русская речь.

Тревожно бьется сердце, на глаза накатываются слезы. Рашид Гибятович стоит у окна вагона и шепчет: «Я вернулся к тебе, Родина!».

Показались до боли знакомые места. Вот и широкий разлив Волги.

— Эх, Волга, Волга! — вздохнул Рашид Гибятович.— До чего ты хороша, с утренними зорями да туманами. Сколько тысяч верст исколесил я по просторам родной страны, за границей, но не встретил реки краше. Могуч Енисей, полноводна Обь, но ты мне дороже и милее.

В его памяти всплыли детские и юношеские годы, проведенные здесь, на берегу великой русской реки.

Семь лет пролетело с тех пор, как он покинул Казань. Как встретит его родной город, как сложится его дальнейшая судьба? Рашиду уже шел тридцать пятый год. Кем быть? Стать учителем, воспитывать детей или навсегда посвятить себя шахматам? Думал об этом Рашид Гибятович, еще будучи на службе в армии, каждый раз давнишняя мечта стать мастером захватывала его воображение, не давала покоя.

Казань жила нелегкой послевоенной жизнью. Страна залечивала раны, нанесенные войной. Рашид Гибятович пришел в свое родное общество «Спартак». Замечу, что с этим обществом связана вся его жизнь. Он защищал его честь на многих соревнованиях, был чемпионом страны.

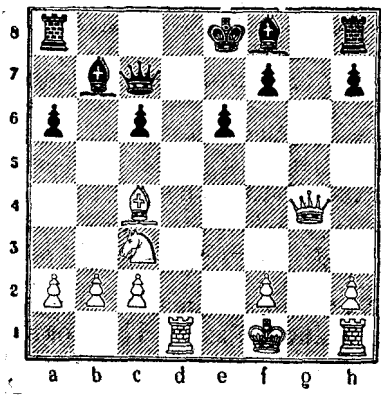
Шахматы, как и поэзия, если берут в плен человека, то раз и навсегда. Рашид Гибятович прекрасно понимал, какие трудности, лишения ждут его на пути шахматиста, но он ничего не мог сделать с собою — шестьдесят четыре клетки шахматного поля тянули к себе как магнит.

Занятие в кружках, сеансы отнимали много времени. Рашид Гибятович играл много, играл неистово. Одна из старейших шахматисток Казани Галина Ивановна Сатонина вспоминает:

— Рашида всегда отличали простота и скромность. Хотя он был сильнейшим шахматистом города, но в нем никогда не проявлялось и намека зазнайства. Стоило его попросить провести где-нибудь беседу, сеанс с шахматистами, он тотчас соглашался, хотя в те годы никакой оплаты за такие встречи не было. Вместе с тем, скажу откровенно, материальное его состояние было далеко не легким. Но он шел в рабочие клубы, выступал с лекциями перед любителями шахмат, играл.

Как-то попросила я его встретиться с шахматистами швейников, где тогда работала в клубе. Рашид провел беседу, сеанс и разобрал после игры некоторые партии, отметив ошибки шахматистов.

В 1947 году Нежметдинов включается в новый цикл борьбы за шахматную корону России. В мае он едет в Горький на турнир Приволжской зоны VII чемпионата Российской Федерации. Словно соскучившись по настоящей игре, кандидат в мастера из Казани играл смело,



инициативно. Выиграв соревнование, он получает право участвовать в финале. В июне шахматисты России собрались снова вместе, на этот раз в Куйбышеве, чтобы решить спор, кто же сильнее.

Рашид Гибятович начал чемпионат блестяще: семь раз он садился за столик, и все его соперники завершали партии одним и тем же словом — «сдаюсь».

Его поединок с шахматистом из Тулы Алексеем Суэтиным ждали с нетерпением участники турнира и любители. Белыми играл Рашид Гибятович. В сицилианской партии белые избрали систему атаки, которая с развитием ходов привела к варианту с лишним темпом у белых. На 17 ходу белые (см. диаграмму) жертвуют слона за пешку в центре и обрушивают на позицию противника страшный удар. Король черных, лишенный рокировки, не может двинуться с места. Рашид Гибятович бросает в бой ладью. Она гибнет, но коварный конь белых не дает покоя черному королю — ферзь и конь крепко связали его. Когда Суэтин увел короля из-под связки, Нежметдинов сделал «тихий» ход королем. Партия черными была проиграна: они вынуждены отдать ферзя за ладью.

Как отмечал главный судья соревнований Я. Рохлин, «вся партия — образец мастерской игры Нежметдинова». Она была удостоена приза «за красоту».

В следующем туре казанец встречался с Алексеем Ивашиным, наступавшим лидеру «на пятки». Если Рашид Гибятович избегал ясных позиций и искал «бури на шахматной доске», то Ивашин обладал тонким чувством позиции, превосходной выдержкой. Очевидно, эти качества соперника в процессе борьбы выбили Рашида Гибятовича «из седла». Партия не получилась. Против староиндийской защиты Алексей Ивашин избрал белыми строгую позиционную систему и получил хорошую игру. Чтобы создать тактические осложнения, черные

предприняли рискованные действия на фланге, но чемпион Куйбышева играл хладнокровно и точно. Незадолго до перерыва Рашид Гибятович допустил ошибочный ход, который ускорил развязку. Партию пришлось сдать.

После проигрыша Ивашину игра как-то разладилась. Набрав 9,5 очка, Нежметдинов разделил второе — третье место с кандидатом в мастера куйбышевцем А. Ивашиным. Чемпионом России стал Николай Новотельнов.

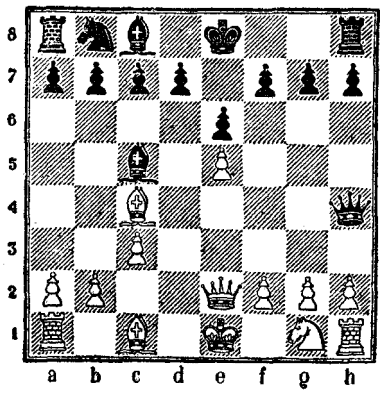
Обидно, конечно, после такого блестящего старта так сдать на финише. Но игра — есть игра. После чемпионата шахматист тщательно проанализировал свои партии, руководствуясь мудрым правилом «на ошибках учатся». Надо было позаботиться и о физической подготовке. Уж который раз Рашид Гибятович сдает к концу состязания. Он много времени отдает плаванию, занимается греблей. Время торопит. Надо снова ехать на соревнование. На этот раз оно проводилось в другом волжском городе — Ярославле. На Всесоюзный турнир кандидатов в мастера собрались сильнейшие шахматисты: Р. Холмов, В. Тарасов, Г. Бастриков, Г. Борисенко, Я. Эстрин.

Старт нашего земляка был довольно скромным: 3,5 очка из 7. На зато финиш удался. В семи партиях Рашид Гибятович набрал пять очков. Все же плаванье, гребля сказали свое слово. Набрав 8,5 очка из 14 возможных, казанский кандидат в мастера разделил второе — четвертое место. А впереди оказался Ратмир Холмов, опередив других участников на два очка.

Чем же примечателен турнир в Ярославле для Рашида Гибятовича? Победителем он не стал, но зато в этих соревнованиях применил ряд подготовленных теоретических новинок и систем, которые вполне оправдали себя. В четырех партиях, где были использованы новые варианты, Рашид Гибятович набрал 3,5 очка. Радовало и то, что черными он переиграл победителя турнира Ратмира Холмова. Хотя эта интересная партия не получила приза, но ею Рашид дорожил.

Результат, которого Нежметдинов добился в Ярославле, дал ему право играть матч на звание мастера.

В Казань Рашид Гибятович возвращался с хорошим настроением. Соперником, как ему сообщили в столице, будет мастер Лисицын. Все теперь ясно — надо готовиться к поединку. Три месяца потратил Нежметдинов



на изучение партий своего соперника, занимался эндшпилем... и вдруг телеграмма: матч играется не с Лисициным, а с мастером Владасом Микенасом. Многие дни подготовки пошли насмарку, срочно надо было перестраиваться, изучать партии, манеру игры нового соперника. Легко понять Рашида: он нервничал, метал «громы и молнии» в адрес устроителей. Его импульсивная натура протестовала, хотел было ехать в Москву, но передумал и снова сел за шахматную литературу.

Как отмечал позднее сам Рашид Гибятович, больше всего он штудировал статьи В. Микенаса о защите Алехина, которые были опубликованы в журнале «Шахматы в СССР», искал контригру, которую мог бы ему противопоставить.

Матч из 14 партий начался 14 февраля 1948 года в Казанском Доме актера. В первой партии Нежметдинов играл белыми. Как и ожидалось, Микенас применил защиту Алехина, все варианты которой им были детально разработаны. Но тут нашла коса на камень. Рашид Гибятович глубоко изучил систему этой защиты и хорошо к ней подготовился. В самом дебюте он смело пожертвовал пешку, которая была принята черными. Белые взамен получили свободную инициативную игру: ферзь, слон и ладья к семнадцатому ходу заняли такую позицию, что черные были вынуждены сложить оружие. Прекрасная партия! Все было сделано быстро и четко. Владас Микенас, как более опытный турнирный боец, понял: с казанцем надо держать ухо остро. Последующие шесть партий проходили с переменным успехом, и первая половина матча завершилась победой мастера 4 : 3.

— Матч проходил в дружеской атмосфере,— вспоминает Галина Ивановна Сатонина.— После каждой партии Рашид и Владас отправлялись в гостиницу, где жил Микенас, анализировать только что сыгранную партию. Я как судья-секретарь постоянно присутствовала при

разборе, делала записи, чтобы на следующий день вывесить на стенд результаты анализа для зрителей.

Вторую половину матча Рашид Гибятович провел сильнее и сравнял счет. Поединок завершился ничейным исходом —7 : 7.

После матча Микенас сказал:

— Я не мог предполагать, что в лице Нежметдинова встречу такого сильного шахматиста, каким показал себя соперник в ходе поединка, хотя в Москве меня предупредили, что он игрок острокомбинационного стиля и с ним нужно быть осторожным.

Первая же партия убедила меня в этом: к 17-му ходу я потерпел жестокое поражение. В дальнейшем меня выручило только то, что Рашид Гибятович, будучи хорошим тактиком, не научился еще оценивать психологическую сторону соревнования. Игра Нежметдинова — это игра зрелого мастера.

Из партий матча Микенас — Нежметдинов хотелось бы остановиться на одиннадцатой, где снова мастер применил защиту Алехина. Белые смело пошли в атаку. На девятом ходу они пожертвовали слона, заставив черного короля отправиться в «далекое путешествие» по доске. Об этой весьма острой партии авторы книги «Советская шахматная школа» А. Котов и М. Юдович писали: «...еще находятся за рубежом горе-критики, которые противопоставляют якобы «сухую» игру современных мастеров романтическому творчеству чемпионов прошлого. Подобная «критика» базируется лишь на материалах псевдонаучных зарубежных школок и не учитывает, что советская шахматная школа, развивая чигоринские идеи, выявила необычные возможности в самых известных шаблонных дебютных схемах».

Да, в одиннадцатой партии Рашид Гибятович снова блеснул комбинационным талантом и завершил партию по-чигорински.

Матч с В. Микенасом не принес Нежметдинову звание мастера, но, по признанию Рашида Гибятовича, он явился для него хорошей школой, а анализ сыгранных партий вселил уверенность, что это звание не за горами.

В то время, когда завершался в Казани матч Нежметдинов — Микенас, шахматный мир жил великим ожиданием: в столицу Голландии съезжались выдающиеся гроссмейстеры, чтобы поспорить за корону шах-

матного короля планеты. В столицу этой маленькой страны отправились советские гроссмейстеры Михаил Ботвинник, Пауль Керес, Василий Смыслов и американец Самуил Решевский. Пятый участник матча-турнира был не гостем, а хозяином — экс-чемпион мира доктор Макс Эйве.

Какие только прогнозы не строили любители шахмат в преддверии соревнования. Конечно, многие сходились во мнении: победит Ботвинник. Но находились и такие, кто безапелляционно утверждал — первым будет Василий Смыслов.

— Не беда, что молод,— говорили они.— Молодой, да ранний!

Казанских любителей интересовало, что скажут по этому поводу участники матча.

— У меня нет и тени сомнения,— заявил Рашид Гибятович,— победит Михаил Моисеевич Ботвинник.

Владас Микенас был менее категоричен:

— Конечно, Ботвинник своими выступлениями в последние годы показал огромную силу своего шахматного дарования, но разве у Пауля Кереса, которого называют «вечно второй», нет честолюбивых намерений стать первым! И вообще в Гааге нет слабых, каждый может выиграть.

Тогдашние чувства многомиллионной армии советских любителей, на мой взгляд, точно и емко выразил поэт Михаил Светлов:

В шахматы игрок не очень бойкий,
Я желаю дорогим друзьям —
Пронеситесь грозной русской тройкой
По голландским шахматным полям!
Мучимый метафорою снова,
Вижу я, как ринулись в бои,
Три богатыря — не Васнецова,
Три богатыря — друзья мои!
И еще одно сравненье — третье
(этим отличается поэт) —
Я хочу вас на вокзале встретить,
Как встречают мастеров побед.

Согласно регламенту матча, первые десять туров проходили в Гааге, а вторые — в Москве.

Конечно, легко понять волнение участников матча и поклонников Каиссы.

Первый день марта 1948 года. Главный судья соревнований гроссмейстер М. Видмар пригласил на сцену

Пауля Кереса, Василия Смыслова, Макса Эйве; Самуила Решевского и пустил шахматные часы, борьба началась. Михаил Ботвинник в первом туре был свободен от игры.

Шли дни. Одним они приносили удачи, другим огорчения. С первых же партий советские гроссмейстеры настроились по-боевому: бескомпромиссно вели между собой борьбу; яростно сражались с зарубежными шахматистами. Никто не хотел уступать. Поразила разве только слабая игра экс-чемпиона.

Михаил Ботвинник оказался на высоте. Уже там, на «голландских полях», он подтвердил свою репутацию сильнейшего. Набрав шесть очков из десяти, он возглавил борьбу за лавровый венок чемпиона.

Журналистам, людям дотошным, нетерпеливым, хотелось узнать, как будет складываться ход соревнования на втором этапе. Они поспешили к гроссмейстерам. Всегда спокойный и рассудительный Михаил Ботвинник ответил, что он, по обыкновению, до окончания чемпионата избегает высказываться о ходе соревнования. Пауль Керес был более разговорчив: «До начала турнира я предполагал, что для победы будет достаточно набрать 12 очков из 20. Попробуйте это сделать, если ваши противники старательно мешают, особенно Ботвинник».

— Я самый молодой участник матча,— сказал Смыслов,— и оказался после двух кругов в близком и почетном соседстве с двумя чемпионами (имеются в виду Ботвинник и Решевский.— Автор). Я доволен. Не знаю, довольны ли они.

Более пространны были в ответах Решевский и Эйве. Первый ответил так:

— Больше всего неприятностей мне причинил цейтнот. Все же я горжусь, что лидер турнира Михаил Ботвинник в партии со мной был еще в большем цейтноте. Правда, играл он в цейтноте превосходно, и борьба закончилась не в мою пользу. Я думаю, что предстоят еще горячие схватки и рано делать прогнозы об исходе турнира.

— Меня удивляет,— не без иронии заметил доктор Эйве,— что при такой плохой игре мне еще задают вопросы. Все было бы хорошо, если бы не было турнирной таблицы. Но я могу еще поправить дела, если мои русские друзья будут так же «гостеприимно» играть

со мной в Москве, как я играл с ними в Гааге. К сожалению, турнир закончится накануне моего дня рождения, и я не могу рассчитывать на ответный «подарок» Смыслова. Я, во всяком случае, доставил ему удовольствие в день его 27-летия.

По поводу игры Эйве местные шахматисты острили, что по существу проходит матч четырех, так как партии Эйве не отражаются на положении участников.

Так о чем говорил Решевский? О цейтноте, в котором промахнулся? Да, эта партия доставила немало волнений. Оба противника затратили много времени на своеобразно разыгранный дебют. Белые, которыми вел борьбу Михаил Моисеевич, после неудачного маневра конем потеряли инициативу. Решевский постепенно добился серьезного позиционного преимущества. Вот здесь-то и проявилась несгибаемая воля советского гроссмейстера. Несмотря на жесточайший цейтнот, Ботвинник защищался весьма эффективно: он не только отражал угрозы черных, но и все время ставил перед ними сложные задачи. Неожиданной жертвой пешки наш гроссмейстер добился активной позиции. Решевский, чувствуя, что его преимущество ускользает, не нашел правильной защиты и потерял в цейтноте фигуру. Вот так остро протекала партия: то один атакует — другой защищается, то наоборот. Уже в безнадежном положении Решевский просрочил время.

Закончился первый акт драматического спектакля. С каким багажом ехали в Москву его участники: М. Ботвинник имел 6 очков, С. Решевский — 4,5, П. Керес и В. Смыслов — по 4, М. Эйве — 1,5 очка.

Самым довольным, судя по результату, в Гааге был Михаил Ботвинник. Однако, как писал в те годы гроссмейстер Сало Флор, еще больше, чем лидер турнира, был доволен директор «Дирентоуна», где проходила игра. Он говорил:

— Шахматисты и зрители очень волнуются, пьют много кофе, пива... Пожалуй, мне турнир дал больше, чем всем шахматистам, вместе взятым.

В чем секрет успеха Ботвинника? Эту «военную тайну» выдал после окончания первой половины турнира все тот же Сало Флор. С присущим ему юмором он поделился этой «тайной» с читателями газеты «Советский спорт». Оказывается, все очень просто: все

участники матч-турнира жили в «Курхаузе» в Шевенингене, а Михаил Ботвинник остановился в гостинице Гааги.

Перед первым выступлением Ботвинника хозяин гостиницы дал распоряжение повару приготовить гроссмейстеру жареную курицу. После партии хозяин встретил Ботвинника:

— Ну, как?

— Я выиграл,— сказал гроссмейстер.

Хозяин был в восторге.

— Чему вы радуетесь, ведь я выиграл у вашего соотечественника, у Эйве!

— Ничего,— ответил хозяин гостиницы.— Это меня не шибко волнует. С кем выиграли, у кого выиграли — это ваше дело. Главное, чтобы вы выигрывали. Ваша победа — это и моя победа.

Ботвинник недоуменно глядел на хозяина отеля.

— Да, да, и моя победа. Вы живете у меня, значит должны побеждать жильцов моего конкурента — хозяина «Курхауза». Теперь вам все понятно?

— Понятно,— рассмеялся Ботвинник.

Так перед очередным туром Михаил Моисеевич получал на обед курицу. И каждый раз хозяин ожидал вечером своего жильца. Он сиял от радости, когда слышал:

— Ваша курица победила.

Когда Ботвинник сделал три ничьих, хозяин расстроился: «Вероятно, курица была плохо зажарена».

Но когда турнир в Гааге завершился, хозяин снова торжествовал.

— Ага, лидером соревнования все-таки стал жилец моего отеля!

Партии в Гааге протекали исключительно напряженно, остро. Порой трудно было оценить позицию. В зале находились любители шахмат из советского посольства, торгпредства в Голландии. Они постоянно спрашивали: «Как дела у наших?» Кто-то высказал мнение: Видмару и Котову виднее — они находятся непосредственно на эстраде и могут лучше оценить позицию, чем те, кто следит за демонстрационной доской. Но Александр Котов опроверг это мнение:

— Нет, я не гляжу на доску. Обычно я смотрю в зрительный зал, на лица секундантов. По ним лучше определить, как идут дела у наших шахматистов. Когда,

например, у Алаторцева веселый вид, значит, у Смыслова все в порядке.

В десятом туре после 22-го хода Керес оказался перед неизбежным матом в партии с Ботвинником. Кто-то из зала обратился к секунданту Кереса — мастеру Александру Толушу:

— Скажите, что теперь делать Кересу?

Всегда бодро настроенный Толуш на этот раз был мрачен. Он закрыл свою папку и сказал:

— В этой партии уже делать нечего, надо сдаваться.

Истинные ценители шахмат знают, что на матче в Гааге Самуил Решевский часто попадал в цейтнот, чем заинтересовал журналистов, и они не замедлили справиться у гроссмейстера. Чемпион Соединенных Штатов Америки ответил, что это его хроническая болезнь. Он даже в жизни попадает в цейтнот.

— Турнир еще не начался,— продолжал Решевский,— а я уже был в сильнейшем цейтноте. Пора вылетать в Голландию, но жена не может разродиться, я не могу дождаться появления на свет сына! Теперь, как вы догадываетесь, должен говорить с ним по телефону. Но на таком расстоянии он, конечно, не все понимает...

Закончился десятый тур в Голландии. Главный судья профессор Видмар объявил «антракт» на двенадцать дней в связи с переездом в Москву. Он пожимал плечами и говорил:

— Никаких конфликтов, инцидентов — что за турнир? Даже ни одной болезни не было. Только у Решевского маленький грипп, и то его быстро вылечил врач советской делегации доктор Демин.

Никаких инцидентов! Но если бы Видмару довелось судить матчи с участием Фишера или Корчного, то он бы не пожимал плечами и не задавал подобных вопросов. Тут бы ему работы хватило. Нервного напряжения — тоже.

Четвертого апреля все участники уже были в Москве — «летчики» Керес и Решевский, «железнодорожники» — Ботвинник, Смыслов и Эйве.

Кончились мучения москвичей: они проявляли неистощимое терпение, дожидаясь вестей из Гааги до поздней ночи. Теперь, пожалуйста, шахматные звезды играли в Колонном зале Дома Союзов. Я предвижу,

говорил гроссмейстер Флор, будет много интересного: теоретические новинки, позиционная борьба, смелые атаки и цейтноты. Я знаю все, кроме одного: как вам достать билет в Колонный зал! С удовольствием дал бы полезный совет, но что я могу поделать, если билетов мало, а москвичей-любителей шахмат — так много!

В торжественной обстановке началась вторая половина турнира. Лидер турнира Михаил Ботвинник, подобно Антею, на родной земле еще больше усилил игру. Набрав восемь очков из десяти, а в общем итоге — 14 очков, он на три очка обогнал Василия Смыслова. Третье и четвертое место поделили Керес и Решевский, отстав от второго призера на пол-очка. Последним был экс-чемпион мира Макс Эйве, набравший всего четыре очка.

Шахматная корона чемпиона мира была теперь в руках советского шахматиста! При закрытии турнира профессор Видмар сказал:

— Шахматный мир может быть доволен — звание чемпиона мира находится в верных руках. Я не могу назвать ни одного гроссмейстера, который имел бы шансы ближайшее время отнять у Ботвинника это звание. Для меня бесспорно лишь одно, что самым опасным претендентом на звание чемпиона и впредь будут представители советской шахматной организации.

Что верно, то верно. Уже через три года советский гроссмейстер Давид Бронштейн настойчиво осаждал крепкие бастионы шахматной крепости Ботвинника, но тщетно. Правда, второму призеру турнира Василию Смыслову удалось-таки победить шахматного Властелина, но он снова вернул корону в матч-реванше. Та же участь постигла и Михаила Таля. Пророческие были слова профессора Видмара!

Матч-турнир оказал на Рашида Гибятовича огромное впечатление. Теперь в его руках был богатейший материал: анализируй, изучай партии. И он ночами просиживал над доской, разбирая партии выдающихся гроссмейстеров. Однако результаты сказались не так скоро.

В соревнованиях 1948—1949 годов счастье улыбнулось ему лишь наполовину.

В августе 1949 года Кави Гибятович уговорил младшего брата поехать с ним в санаторий.

— Отдохнешь, попьешь ижевской воды, развеешься, — настаивал Кави.

Рашид Гибятович согласился. Он, конечно, не думал, что семнадцать дней, проведенных в санатории, так благотворно скажутся на его самочувствии.

Мудрый и дальновидный был брат у Рашида. Каким-то только ему свойственным чувством он угадывал настроение брата, его душевное состояние и вовремя приходил на помощь. Писатель-психолог и здесь проявлялся в полной силе.

Строгий режим дня, бег, отличное питание, подобно бальзаму, подействовали на спортсмена. Рашид Гибятович окреп, набрался сил. Когда он приехал в Казань, то его тут же посадили за стол играть... в шашки.

В столицу Татарии съехались на полуфинал XII первенства страны ведущие шашисты. Один из мастеров не явился. И вот вместо него и сел за стол Нежметдинов.

— Давненько не держал в руках шашки,— шутил Рашид Гибятович. — Тряхнем стариной.

И тряхнул, да так, что не проиграл ни одной партии. Набрав 12 очков из 16, первокатегорник из Казани занял первое место. А ведь действительно «давненько не держал в руках шашки» Рашид Нежметдинов — пятнадцать лет не участвовал в серьезных соревнованиях. Тут вдруг — удача: к лацкану пиджака прикрепили значок «мастер спорта СССР по шашкам».

Настроение отличное! Теперь в самый раз ехать в Архангельск осуществлять давнишнюю мечту.

В студеный январь 1950 года наш земляк отчаянно сражался на севере. За окном трещали морозы, а в помещении, где играли шахматисты полуфинал X первенства России, было жарко. Белокурым северянам по нраву пришелся смугляк из Казани. Его партии, особенно с Б. Романовым, держали в напряжении любителей. Турнир завершился победой Нежметдинова. Путевка на финал лежала в кармане.

В марте Рашид Гибятович держал путь в Горький. Этот древний город на Волге, пожалуй, был самым дорогим после Казани. Когда-то он получил здесь второй кандидатский балл, а теперь ехал с надеждой стать мастером. На первенство России собрались: гроссмейстер И. Болеславский, международные мастера Л. Аро-

нин, Л. Дубинин, И. Кан, Г. Иливицкий, Н. Новотельнов. Но именитость соперников не смутила кандидата из Казани. За доской он просто-напросто забыл «кто есть кто».

Первые восемь туров дали великолепный результат — 6,5 очка! Рашид Гибятович опережал ближайшего соперника на полтора очка. Во время игры шахматисты — народ строгий, малоразговорчивый. Другое дело, когда тур окончен. Но Иливицкий не удержался. Во время «перекура» он подошел к Рашиду Гибятовичу.

— Поздравляю! — И крепко пожал руку.

— С чем? — Нежметдинову показалось, что мастер поздравляет его с успешной защитой в партии с Новотельновым, но все же, несмотря на упорство, он стоит хуже.

— Как с чем, с мастерским званием. Вот шагнешь сегодня всего на полшага и рубеж взят,— заключил Иливицкий.

Но этих полшага Рашид Гибятович сделать не сумел. Николай Новотельнов довел партию до победы.

Три года назад точно в такой же обстановке, проиграв в Куйбышеве в восьмом туре Алексею Ивашину, Рашид Гибятович растерялся и упустил инициативу из рук. Этим хорошо воспользовался Новотельнов и завоевал чемпионское звание.

На этот раз нервы у Рашида Гибятовича оказались покрепче. Он не ринулся сломя голову в омут атаки в следующей партии. Мудро рассудив, сделал «железную» ничью. Теперь он мастер!

Одолев один рубеж, Рашид Гибятович замахнулся на большее. Теперь и сам черт ему не страшен! Подняв забрало, он кинулся в схватку...

Казань встречала чемпиона России.

На перроне вокзала люди говорили ему теплые слова, пожимали руки, обнимали, и он со слезами на глазах благодарил их, благодарил за веру и долгое ожидание.

И снова, как много лет назад, Рашид Гибятович мчался с вокзала в дом брата, чтобы поделиться радостью, счастьем.

Обычно степенный, Кави Гибятович растрогался:

— Вот обрадовал, так обрадовал, браток! А помнишь, что я тебе говорил после возвращения из Ростова?.. И теперь мой совет такой же, только на этот раз — даешь гроссмейстера!

В ДОРОГЕ И ДОМА

венчанный однажды лаврами, любой шахматист мечтает о новых поединках. Вкус победы порой двояко действует на человека: или пьянит до головокружения, или же заставляет еще больше работать, критически оценивая пройденное.

Победа в Горьком только подлила масла в огонь. Дни и ночи проводил Рашид Гибятович за шахматной доской, анализом партий. Он понимал: трудно завоевать титул чемпиона, но еще труднее его отстоять.

И вот уже снова пути-дороги вели его в старинный русский город Ярославль. Здесь состоялся финал XI первенства России. Вероятно, как-то дал знать груз шахматного короля республики: на первых порах старт у Нежметдинова получился посредственный, что позволило главному конкуренту, мастеру Николаю Крогиусу, обогнать его на целое очко. Это подействовало: Рашид Гибятович нашел в себе силы собраться, показать свою игру. Да еще какую! Он набрал пять очков из шести, заслужив в заключительный день турнира аплодисменты ярославцев. Вторая золотая медаль засверкала на алой чемпионской ленте.

После закрытия чемпионата мастер Николай Новотельнов писал:

«Нежметдинова считают опасным тактиком. Он обычно стремится к сложным, острым позициям, в которых чувствует себя весьма уверенно. Не по душе ему позиции, где нужно осторожно и продуманно маневрировать. Однако в этом турнире замыслы Нежметдинова основывались на более зрелой позиционной базе, чем было раньше. Это говорит о творческом росте мастера.

Немало помог спортивному успеху Нежметдинова его дебютный репертуар. Победитель первенства предпочитает своеобразные, оригинальные системы разви-

тия, что ставит его противников перед трудными задачами».

Начало пятидесятых годов круто изменило личную жизнь Рашида Гибятовича. Нет, шахматы он не оставил. Об этом не могло быть и речи. Он встретил человека, с которым связал свою дальнейшую судьбу. Произошло это в марте 1952 года, когда темнеющие сугробы снега уже оседали под лучами солнца. Во встрече Рашида и Тамары, казалось бы, не было ничего особенного. Посидели, поговорили и разошлись. Но на следующий вечер, не отдавая себе отчета, Нежметдинов снова шел в дом, где в скромной комнате жила молодая учительница с матерью и бабушкой.

Сорок лет — возраст серьезный, а Рашид Гибятович приближался именно к этому рубежу жизни. И вспыхнувшее, как факел, чувство захватило его. Он не читал Тамаре стихов о звездах и луне, какие шепчут юные влюбленные, он больше говорил о себе, своей жизни, рассказывал забавные истории, над которыми оба смеялись от души. Им было хорошо, они были счастливы.

— Знаешь, Тома,— сообщил он однажды,— женится мой племянник, сын Кави. Я сказал, что приду на свадьбу с тобой. Вот и повод познакомить тебя с моими родными.

В разгар веселья поднялся Кави Гибятович:

— Сегодня мы собрались, чтобы поздравить моего сына и его подругу, решивших соединить сердца. Верю, что Сания и Тансык пронесут чистоту своих чувств через все невзгоды жизни. А жизнь прожить — не поле перейти. Хорошо сказал об этом Степан Щипачев:

...Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

— Но сдается мне,— продолжал Кави Гибятович,— скоро у нас будет повод снова сесть за праздничный стол.— И он с улыбкой поглядел на сидящих напротив Рашида и Тамару.

— Поздравляем Рашида,— не утерпел кто-то из гостей.

— Пока рано. Давайте выпьем за новобрачных,— мягко поправил нетерпеливого Кави Гибятович.

Через несколько дней Рашид Гибятович и Тамара Ивановна справили скромную свадьбу. У молодых не было свадебного путешествия, если не считать поездки Рашида и Тамары в Новосибирск, где проводились соревнования по шашкам.

— Поездка в Сибирь,— рассказывает Тамара Ивановна,— была интересной. Во-первых, я своими глазами увидела этот удивительный край. Стояло лето. За окном вагона — поля, реки и леса, леса... В свободное время от соревнования мы ездили за город. Какие удивительные сибирские цветы! Яркие, броские.

Не обошлось и без приключений. Задержавшись на двое суток после турнира, Рашид играл в сеансах. Уже вечером он согласился провести сеанс на сорока досках (шахматы и шашки). Больше двух часов длилась игра, а потом проигравшие стали просить сеансера показать их ошибки. Начался разбор партий. Заведующий павильоном, спешивший домой, требовательно заявил:

— Я ухожу, помещение закрываю.

— Но ведь время не вышло,— возмутились любители.

И снова началась игра. Тогда заведующий привел постового. Но тот, не обнаружив никаких нарушений, строго глянул на зава и сам увлекся игрой.

На другой день кто-то из шахматистов-любителей позвонил в горком партии, и заведующему павильоном пришлось выслушать далеко не «ласковые» слова. Мы же на другое утро уехали в пионерский лагерь. Но самое интересное было в поезде на обратном пути. С билетами в те годы было трудно. Нас поместили в общий вагон. Когда мы вошли в него, то двое мужчин сидели за шахматной доской. Разговорились.

— Хотите сыграть на пиво,— предложил один из них Рашиду, выставляя бутылки.

— К чему такой азарт,— с улыбкой заметил Рашид.— Давайте сыграем просто на «высадку». Кто проиграет, тот уступает место, а моя жена в это время отдохнет на свободной полке. Идет?

— Конечно,— охотно согласились шахматисты.

Сколько часов длилась игра, мне трудно сейчас сказать. Играли долго, потом сходили в ресторан покушать и снова сели за доску. Чувствовалось, что оба

они умели играть, но одолеть Рашида никак не могли. Горячились, спорили, подсказывали ходы друг другу, но итог был один и тот же: проигрыш.

Поезд подходил к Казани. Один из любителей, провожая нас, у выхода спросил меня:

— Скажите, какой разряд у вашего мужа?

— Он мастер спорта по шахматам и шашкам,— ответила я.

— Так что же вы раньше не сказали нам об этом...

Став семьянином, чемпион России много работал над книгой — первым учебником по шахматам на татарском языке. И когда в 1953 году книга увидела свет, то первый экземпляр Рашид Гибятович подарил жене, второй отнес брату с автографом: «Гроссмейстеру литературы от мастера спорта».

Надпись не случайна: Кави Гибятович был в зените славы. Он только что получил Государственную премию СССР за роман «Весенние ветры».

Дороги, дороги... Их трудно все учесть. Сдается мне, что Рашид Гибятович по крайней мере треть жизни провел в дорогах и других городах, где играл. А когда приезжал в Казань и переступал порог квартиры, с радостью восклицал:

— Наконец-то я дома!

В канун Первого мая 1953 года Тамара Ивановна снова провожала мужа. На этот раз в Саратов, где 12 мастеров и 4 кандидата в мастера вступали в борьбу за титул сильнейшего шахматиста России.

Поразительным был старт самого молодого участника турнира — восемнадцатилетнего кандидата в мастера из Куйбышева Льва Полугаевского. После десятого тура он оказался впереди Нежметдинова на полтора очка.

Если в ряде видов спорта молодость — необходимое условие больших успехов, то в шахматах зачастую не менее важным фактором является опыт, то, что называется зрелостью мастерства.

Поединки проходили в бескомпромиссной борьбе.

После 13 туров у Крогиуса, Нежметдинова, Полугаевского имелось по 9 очков. На пол-очка меньше имели в активе Аронин и Суэтин. Таким образом, пять участников претендовали на первенство. В оставшихся двух встречах наибольшего успеха добился ка-

Р. Г. Нежметдинов дает сеанс игры в редакции газеты «Советская Татария». 1954 г.

занский мастер. Он выиграл обе партии. Заметим, что в шести последних играх Рашид Гибятович собрал «стопроцентный урожай»!

В свободные от игры и анализа партий минуты Рашид Гибятович думал о доме, о жене. Ему хотелось быть с ней рядом. В одном из писем он писал:

«Дорогая Тома! Идут дни, и я, погруженный в шахматы, все же не могу забыть тебя. Если бы ты знала, какая это мука — не видеть тебя целыми неделями. Почему я не имею право смотреть на тебя, радоваться вместе с тобой, смеяться. Пойми, как мучительна для меня эта разлука. И всему виной шахматы — моя «любовница»,— которые захватывают меня всецело и не отпускают даже к родной жене.

Я часто думаю о чуде доброты, которая дает человеку огромное богатство: взаимопонимание, духовную близость, любовь. Твоя доброта, простота, твои чувства отогрели мою душу. Мы прожили с тобой год, но как круто изменилась моя жизнь. И я благословляю тот день, когда мы встретили друг друга...

Дела у меня идут неплохо. Думаю, привезти тебе подарок — третью медаль чемпиона. Соперники мои тоже чертовски напористые. Жмут на все педали. По

вечерам пью чай с куличом, который испекла мама. Большой ей привет и бабуле. Крепко обнимаю. Рашид».

В ответном письме Тамара Ивановна старалась поддержать хорошее настроение мужа.

«...Милый Рашид! Твое письмо снова воскресило в памяти дни первых встреч. И пусть они хранятся в наших сердцах, как залог верности друг другу. «Обидно», конечно, мне, молодой женщине, терпеть «любовницу», но такова моя доля. И хотя ты сейчас далеко, но знай: мыслями я с тобой рядом. Твоя победа — наше общее торжество. Это ты знай и впредь. Я хочу только одного, чтобы ты быстрее с победой возвращался домой.

У нас все по-старому: уроки, домашние дела отнимают много времени. О нас не беспокойся. Будь больше на воздухе и играй в свое удовольствие... Желают успеха и шлют привет мама и бабушка. Крепко целую. Твоя Тома».

И вот заключительный тур соревнования. В центре внимания зрителей, собравшихся в актовом зале Саратовского медицинского института — встреча Нежметдинова с мастером из Подмосковья Арониным. Белыми играл наш земляк. Первые дебютные ходы прошли по известным теоретическим путям и не предвещали каких-либо неожиданностей. Однако после рискованного пешечного выпада черных на фланге борьба усложнилась. Рашид Гибятович чувствовал, как говорят спортсмены, «дыхание за спиной» молодого кандидата в мастера. Последняя партия подводила итог соревнований. Белые остроумно пожертвовали центральную пешку и создали позицию, наполненную острыми комбинационными мотивами. Перебросив затем ферзя на королевский фланг, Нежметдинов перешел в решительное наступление. На 30-м ходу он снял пешку ладьей на *e5*! Красивая жертва, но Аронин не хотел «кушать» фигуру, уведя ферзя из-под боя. Бегство не помогло. Через два хода черные остановили часы. Рашид Нежметдинов в третий раз поднялся на вершину шахматного Олимпа России!

Забавный случай произошел с ним в Саратове. Он был так увлечен игрой, что совершенно забыл о таблице.

Когда последняя партия с Ароninым закончилась, Нежметдинов спросил судью:

— Скажите, сколько у меня очков?

Раздался дружный смех присутствующих.

Вторым, отстав от победителя на пол-очка, стал Лев Полугаевский. Он не проиграл ни одной партии. Несомненный успех молодого шахматиста, если учесть, что до сих пор Полугаевский не встречался с мастерами и его турнирный опыт ограничивался только соревнованиями в Куйбышеве и юношескими турнирами. Молодой шахматист прекрасно выдержал экзамен и перевыполнил норму мастера на полтора очка. Играл он смело, особенно в контратаке.

Оценивая игру Рашида Гибятовича, мастер Я. Аронин писал:

«Рашид Нежметдинов поразил великолепным зрелым мастерством на всех стадиях партии. Сочетание подлинной зрелости с юношеским задором — характерно для творчества Рашида Гибятовича, вновь завоевавшего почетное звание чемпиона России. Нет нужды повторять, что для каждого мастера первенство в столь ответственном соревновании является большим спортивным достижением. Но такой успех у мастера Нежметдинова приобрел стабильный характер.

Наблюдая за игрой Рашида Гибятовича в первенствах Российской Федерации, приходим к выводу, что в этих соревнованиях он играет как-то особенно собранно, напористо, интересно. Своеобразная тактика дебютной стадии, тонкая игра в окончании, и что особенно характерно — мастер использует малейшие возможности для развития инициативы. Словом, чемпион — есть чемпион!»

В один из студеных дней февраля 1954 года Рашид Гибятович выехал в Москву. Здесь он вместе с Семеном Фурманом и Ратмиром Холмовым готовился к зарубежной поездке. Подготовка мастеров к турниру проходила под руководством гроссмейстеров Давида Бронштейна и Иссака Болеславского. Предстояло ехать в столицу Румынии Бухарест на международный турнир, в котором должны были принять участие гроссмейстеры и мастера девяти стран.

Почему только мастера ехали на этот турнир? Дело в том, что кое-где за рубежом стали поговаривать, что от Советского Союза в международных соревнованиях играют только гроссмейстеры. Советы, мол, бо-

ятся посылать мастеров, так как они по силе значительно уступают старшим по шахматному званию.

Стучат и стучат колеса по рельсам, унося все дальше на юг шахматистов.

— Ты что такой угрюмый, о чем задумался?— поинтересовался у Рашида Ратмир.

— Небось задумаешься, когда оставляешь жену в таком положении. Тамара должна рожать.

— Так это же здорово. Будет повод тост провозгласить за первенца. Чего же ты скрываешь?

И за обеденным столом в вагоне-ресторане Ратмир объявил:

— Друзья, а Рашид ждет первенца!

— Да ну, правда?

— Правда, правда,— с застенчивой улыбкой отвечал Нежметдинов.— Что-то неспокойно мне, боюсь за Тамару.

— А ты не бойся, наши женщины здоровые, крепкие.

В то время, когда друзья успокаивали будущего отца, Тамара Ивановна шила распашонки. Первого марта ее увезли в клинику имени Груздева. Третьего у Нежметдиновых родился сын.

Первой прибежала поздравить молодую маму жена Кави Гибятовича Сарвар Сабировна. «Дорогие наши Тамарочка и (пока условно) Искандер! — писала она в письме.— Привет вам обоим от всех Нежметдиновых и Юсуповых. Принесла тебе бульон и апельсины, кушай, поправляйся. Спешу порадовать тебя успехами Рашида. «Советская Татария» сообщает, что в первых встречах он три партии выиграл и одну свел вничью.

Сегодня мы послали ему телеграмму и поздравили с сыном. На центральном телеграфе нас просили составить двойной текст: один обычный, а второй латинскими буквами. Помучились, но составили.

Как ты себя чувствуешь, как мальчик? Теперь об имени: Рашид хотел, если родится мальчик, назвать его Гаруном, но это имя никому из родных и друзей не понравилось. По приезде Рашида мы постараемся переубедить папу и выбрать для мальчика более звонкое имя, а пока пусть будет Искандер. Главное сейчас ваше здоровье. Целую Сарвар-апа».

Получив известие из Казани, Рашид Гибятович был на седьмом небе.

— Сын, сын!— говорил он всем членам команды.

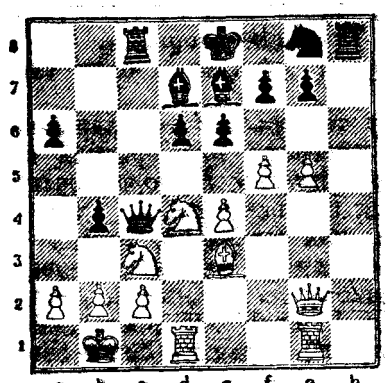
Рашида Гибятовича поздравляли:

— Ну вот, а ты волновался. И самое главное — сын, наследник!

В день, когда пришла телеграмма, Нежметдинову предстояло вести поединок с чемпионом Италии Паоли. Черными играл итальянский мастер. В сицилианской защите был разыгран один из актуальных вариантов современной теории дебютов. Несмотря на то, что черные из первых шести ходов пять сделали пешками, у них вполне надежная позиция. Дело в том, что они имеют определенное позиционное достижение (пешечный перевес в центре, полуоткрытая линия *c*), вполне компенсирующее некоторый пространственный перевес белых. Минусом для черных является отсталость в развитии.

Рашид Гибятович, трезво оценив сложившуюся обстановку, понял, что если он будет медлить, то черные без особых помех закончат развитие фигур, сами перейдут к активным действиям и перехватят инициативу.

Еще садясь за доску, Рашид Гибятович где-то подсознательно думал, что эту партию он должен подарить сыну. Ее надо сыграть так, чтобы она надолго запомнилась. И он ждал момента, когда можно будет развернуть свои силы. «Сейчас или никогда»,— подумал Рашид Гибятович. После 19-го хода сложилась весьма острая позиция. Конь белых под боем, но Нежметдинов не уважит его, а двигает вперед пешку *g5—g6!* Паоли нападает на второго коня — *e6—e5*. Рашид Гибятович уже кажется поймал «жар-птицу». Он не боится потери коня, ему главное оттеснить ферзя черных от защиты критического поля *f7*.



Черные хотя и задумались, но все же соблазн велик,— ударили ферзем коня, нападая еще и на слона. Белые объявили шах королю. Перед итальянцем два решения: или взять пешку королем или же отступить, но тогда теряется конь. Паоли избирает второй путь. Он уводит короля от грозы. Тогда ферзь белых стремительно атакует ладью. Черные забирают второго коня. Под боем у черных тоже две фигуры — конь и ладья, но белые, создавая матовое положение, не берут ни одной. Следует блестящий ход *Ce3 : d4!* Итальянскому мастеру ничего не остается, как объявить шах королю *Фc3 : c2*. Король белых уходит в угол доски. Но тут же ладья черных помчалась на помощь своим атакующим фигурам. Король в матовой сети. Но ход за белыми. Их слон шахует. Выход черным один: закрыться ладьей. Шах королю! Ему деваться некуда — слоны бессильны прикрыть властелина. Мат через два хода неизбежен. Паоли поздравляет Нежметдинова. По окончании тура Рашид Гибятович послал телеграмму Тамаре Ивановне: «Поздравляю рождением сына, ему посвящаю партию с Паоли».

Все шахматисты, специалисты были единодушны в оценке: партия по праву заслуживает приза «За красоту игры».

Игру в Бухаресте Рашид Гибятович вел поистине вдохновенно. Что ни говори, а психологический фактор играет громадную роль. Рождение сына подобно допингу прибавляло ему силы. Он сражался смело, энергично. И подтверждением тому партия с хозяином турнира мастером Чокылтя. И хотя на этот раз черными играл. Нежметдинов, он не стал отсиживаться в засаде. Первые десять ходов белые сделали по сути одним конем и слоном, что позволило черным теснить эти фигуры пешками и фигурами, успешно развивая инициативную игру. На 21-м ходу Рашид Гибятович предложил коня за пешку, нападая на вражескую ладью, но румынский мастер не стал обольщаться такой жертвой и увел ладью в безопасное место. Теперь оставлять коня под ударом бессмысленно, и Рашид Гибятович отошел им. Черные нападают на «вредного мустанга», который не дает им покоя. И тут начинается игра, которая так импонирует любителям шах-

мат: над доской «дым сражения». Когда он малость рассеялся, все было ясно. Белые капитулировали.

Нежметдиновские комбинационные удары на этом турнире испытали на себе международные мастера, а также гроссмейстеры С. Сабо, М. Филипп, Г. Штальберг. О партии со шведским гроссмейстером Г. Штальбергом мы еще поговорим. Здесь же хочется сказать, что первый международный турнир (если не считать встречу с американцами в Берлине) Рашид Гибятович провел с блеском, завоевав второе место. В июле того же года конгресс Международной шахматной федерации, отмечая творческие и спортивные успехи Рашида Гибятовича Нежметдинова на турнире в Бухаресте, присвоил ему звание международного мастера по шахматам.

Нежметдинов продолжал играть в столице Румынии, а в Казани родные и близкие его то и дело появлялись в клинике, чтобы справиться о состоянии здоровья Тамары Ивановны, малыша. И больше других хлопотала Сарвар Сабировна. На другой день вместе с гостинцами Нежметдинова получила ее вторую записку: «Родная наша Томочка! Снова пишу тебе, чтобы еще раз поздравить и рассказать, как идут у нас дела. Думаю, что завтра могу тебя увидеть. Итак, Ахмет Закирович съездил и сообщил о рождении внука бабушкам, а я бегала на телеграф, чтобы переговорить с Талгатом. Хотела направить его в Российский спорткомитет и организовать телеграмму Рашиду. Вдруг наша не дойдет. И не успела я одеться, как звонок из Москвы. Звонил Кави. Все получилось как по заказу! И Талгат был рядом с ним. Так что родные все знают теперь, какая у вас и у них радость. Получилось как нельзя лучше, как в кино: все с головокружительной быстротой! Теперь я спокойна и тебе советую не волноваться. Будь здорова, поправляйся, а Искандер пусть быстрее растет. Обнимаю. Сарвар-апа».

Турнир завершился. В спешке молодой отец бегал по магазинам, покупая распашонки для сына, подарки жене, родственникам. Ему хотелось, чтобы Бухарест остался надолго в памяти не только у него, но и близких ему людей.

31 марта один из победителей международного турнира прибыл в Казань.

— Встречать Рашида пришли многие,— вспоминает Тамара Ивановна.— Кто-то повел мужа к одной машине, меня к другой, вещи понесли в третью. Рашид взмолился: «Дайте мне возможность поздороваться с женой».

Родным и близким хотелось скорее показать отцу сына, посмотреть, как молодой папа будет вести себя. Они первыми вошли в комнату, где лежал в кроватке малыш.

Когда отец поднял сына, тот заплакал:

— Голосистый, весь в меня,— проговорил торжествующий отец.— Не плачь, роднуля, к тебе папа приехал.

Чуть позднее за домашним столом утрясли вопрос с именем.

— Искандер, Искандер! — повторил несколько раз отец имя сына.— Искандер — это победитель. Что ж, по-моему, неплохо? И давайте поднимем бокалы за сына, Пусть растет здоровым и сильным.

Поездка в Румынию положила начало встреч Рашида Гибятовича с зарубежными шахматистами. Через три года его путь лежал снова в Бухарест. Срок небольшой, но как изменилась столица народной Румынии. Выросли новые здания, похорошели бульвары. Зелень садов и парков, веселые жизнерадостные люди как бы заставили вспомнить, что Бухарест — «Балканский Париж». Хотелось снова погулять по улицам, вспомнить те счастливые дни творческого взлета и вдохновения, но время торопит. Надо ехать в Болгарию.

В архивных делах Рашида Гибятовича, хранящихся в Государственном музее ТАССР, мне удалось найти запись Нежметдинова. «Ночь. Проезжаем великолепное сооружение — мост Дружбы. Все восхищаемся красивым освещением Дуная — настоящий муравейник огней. Чуть вздремнули и снова на ногах. Разве можно проспать изумительные красоты Балкан. До самой Софии не отходим от окон. Проезжаем 22 туннеля, переливающие серебром горные речушки, полные задумчивости и достоинства озера, а поверху над ними свисают диковинной красоты громады скал.

На полях плоды труда земледельцев: хлебные поля, виноградники, пасущиеся стада.

Встречать нас на вокзале в Софии пришли болгарские шахматисты во главе с государственным тренером

Международные мастера спорта — Р. Нежметдинов и В. Сергиевский с болгарским журналистом Д. Жулевым. Варна. 1967 г.

товарищем Станчевым. Букеты цветов, улыбки. Нас рассаживают по машинам и везут в гостиницу «Славянская беседа» (чудесное название), и здесь в вестибюле начинается неторопливая «славянская беседа».

В записях Рашида Гибятовича нет рассказа о том, как разыгрывались партии, но можно смело сказать: встреча эта была интересной и полезной. Радушие болгар так покорило Нежметдинова, что он позднее еще несколько раз приезжал в эту страну. Об одной из таких поездок и встреч с шахматистами Болгарии рассказывает заслуженный работник культуры РСФСР Валентин Федорович Мещеряков.

— Сентябрь 1967 года. Старенькая редакционная «Волга» неторопливо бежит вдоль берега Черного моря, которое при восходе солнца кажется бирюзовым. Море спокойно и величаво катит волну на знаменитые золотые пески.

Вместе с болгарскими журналистами я спешу в красавицу Варну. Здесь неделю назад начался международный шахматный турнир, в котором принимал участие Рашид Гибятович.

Находясь в то время в служебной командировке, я попросил болгарских коллег выкроить хотя бы часа

три-четыре из плотного командировочного маршрута и побывать на интересном соревновании. Часов в семь утра мы пошли в гостиницу, где жили участники турнира. Как узнали, здесь же они сражались в одном из вестибюлей за шахматным столиком. Мои болгарские друзья обратились к швейцару, и тот любезно назвал номер комнаты, где жил Рашид Гибятович.

Меня поразила обстановка и атмосфера гостиничного нежметдиновского приюта. Несмотря на открытые окна, терпкий табачный запах почувствовал даже я, заядлый курильщик. На двух столиках находились шахматы и пепельницы, заполненные окурками. Рядом стояли пустые бутылки из-под кока-колы. «Вот только закончили анализировать с Володей,— как бы оправдываясь, устало произнес Рашид Гибятович.— Целых четыре партии накопилось...»

Как выяснилось, всю ночь Нежметдинов вместе с соседом по комнате, вторым участником турнира от нашей страны, международным мастером Владимиром Сергиевским провели бессонную ночь за анализом отложенных партий.

С присущей энергией Рашид Гибятович быстро восстановил на доске отложенную позицию, если мне память не изменяет, в партии с венгерским шахматистом Барца. У белых, которыми играл венгерский гроссмейстер, было некоторое позиционное преимущество. Нежметдинов, как говорится, оказался на коне, найдя оригинальный и форсированный путь к ничьей, жертвуя две пешки.

Так и хотелось как-то выразить свое одобрение и восхищение мудрости Рашида Гибятовича, но меня отвлек Сергиевский.

— Вот посмотри,— сказал он,— показывая расставленную на доске позицию, на этот раз свою.— Ведь такое под силу только кудеснику.

Партия была отложена в сложном, обоюдоостром окончании. И здесь, при совместном анализе, Нежметдинов нашел блестящую комбинацию, связанную с жертвой ладьи, обеспечивающую победу.

Как выяснилось позднее, бессонная ночь дала свои плоды при доигрывании. Наши мастера заработали три очка из четырех и заметно поправили свое турнирное положение.

Когда мы вышли из комнаты и направились завтракать в кафе, я обратил внимание на осунувшееся лицо Рашида Гибятовича и подумал еще раз о его фанатичной преданности шахматам, корни которой уходили в повседневный титанический труд этого неуемного человека. Титанический бескорыстный труд и развил самобытный талант, которым десятки лет восхищались и будут еще долго восхищаться поклонники древней и мудрой игры.

В этом сильном по составу турнире Рашид Гибятович разделил III—IV место, снова блеснул красивой игрой.

К 60-летию Нежметдинова Валентин Федорович готовил статью и поинтересовался у юбиляра его «географией» как шахматиста, лектора и сеансера. Рашид Гибятович ответил:

— С востока на запад — от Улан-Батора до Гдыни, а если быть точнее, то до Берлина, с юга на север — от Багдада до Архангельска, а также расположенные между ними на разных меридианах и широтах: Чита, Одесса, Москва, Казань, Дубна, Баку, Ленинград, КамАЗ, Трехгорка...

Наш путь — в крайние точки востока и юга, указанные Рашидом Гибятовичем.

Природа Монгольской Народной Республики поразила Нежметдинова своеобразием. Хотя в начале сороковых годов он служил в Забайкалье и достаточно поездил по степным местам и горным перевалам, но здесь как-то особо почувствовал полупустынный характер Центральной Азии.

Колючий караганник, жесткие травы — унылая картина. И чем дальше отъезжали от столицы, тем разнообразнее становился пейзаж. Быстрая горная речка, по берегу которой ехали, шумела на перекатах. Прошло еще полчаса, и путники оказались в зеленом оазисе, где все радовало глаз: косматые сосны, остроконечные ели, могучие лиственницы. Красота!

— Страна наша многолика,— с улыбкой сказал гид-монгол.— У нас соседствуют степь и горы, тайга и полупустыня, горные и чистые, как хрусталь, реки и соленые озера. Вы впервые у нас?

— Да, но на границе нашей страны я бывал раньше. И все же поражен такой первозданной красотой природы.

Всюду в Монголии советских шахматистов встречали приветливо, радушно. Во время поездки в один из аймаков Рашид Гибятович увидел впервые, как целого барана жарили на большом вертеле. Мясо готовили особо, и «блюдо» получилось превосходнейшее. Бывали в школах, библиотеках, где в кожаных переплетах хранятся древнейшие фолианты.

Шахматы в Монголии имеют свою многовековую историю. В некоторых монгольских легендах упоминается о том, что они были известны в этой стране еще в глубокой древности. Из поколения в поколение рассказывается об огромной шахматной доске тысячелетней давности, высеченной на скале юго-восточной части страны. Однако точные координаты этого исторического памятника, к сожалению, неизвестны.

Международный турнир в Улан-Баторе не был таким успешным, как в Бухаресте или Варне. Рашид Гибятович поделил здесь V—VI места. Но он позволил Нежметдинову узнать еще одну страну, познакомиться с ее народом и культурой.

Интересной была поездка в дружественную Венгрию. Будапешт произвел на Рашида Гибятовича такое впечатление, что после возвращения в родную Казань он часто рассказывал близким и знакомым об этом городе, о поездке по стране, о жемчужине Венгрии — озере Балатон.

В ноябре 1971 года Рашида Гибятовича провожали в последнюю зарубежную поездку. Он ехал в Ирак.

Нежметдинову — как человеку любящему историю, конечно же, интересно было побывать на месте древнего Вавилона, помечтать на берегах Тигра и Евфрата, почувствовать дух далеких эпох.

Гостеприимные иракцы сделали все, чтобы советский мастер мог как можно больше познакомиться со страной и ее людьми. В Багдаде Нежметдинов встретился с медицинскими работниками, которые подарили ему кинжал из дамасской стали в серебряной оправе.

С лекцией о советской шахматной школе Рашид Гибятович выступил перед студентами и преподавателями Багдадского университета.

— Кого из современных шахматистов вы считаете самым талантливым и великим? — задали вопрос лектору.

— Выдающихся гроссмейстеров сегодня немало: это и советские шахматисты Спасский, Петросян, Таль, на западе Фишер, Ларсен, Любаевич. И все же великим был и остается Михаил Ботвинник, который по сути дела является основоположником советской шахматной школы.

В Ираке Рашида Гибятовича часто называли «Абу Искандер» (отец Искандера). Так арабы обращаются к человеку, если хотят выразить ему глубокое уважение.

В поездке по стране его всюду сопровождал переводчик Абдель Латиф Аббасе. Он не только много рассказывал гостю, но и много расспрашивал о нашей стране.

— У меня есть мечта поехать учиться в Москву,— сказал он с откровением...

В марте 1975 года Тамара Ивановна получила из Москвы письмо от Латифа. Оказалось, что он приехал учиться в аспирантуру МГУ. «В Москве я узнал,— писал он,— что Рашида Гибятовича нет в живых. Очень скорблю по этому поводу и выражаю вам искреннее соболезнование».

— По рассказам Рашида Гибятовича я узнала,— говорит Тамара Ивановна,— что во время поездки по Ираку муж подружился с Латифом и очень сожалел, что не смог ему тогда подарить тюбетейку. В мае я поехала в Москву и встретилась с Латифом и его семьей, привезла им подарки, в том числе тюбетейку и книгу Рашида «Избранные партии».

В феврале 1957 года Центральный Дом культуры железнодорожников столицы гостеприимно распахнул двери перед участниками XXIV чемпионата страны по шахматам.

С первых же туров развернулась упорная борьба, которая заставила зрителей поволноваться. Всех поразил блестящий старт Михаила Таля, выигравшего четыре партии подряд, в том числе у таких гроссмейстеров, как Тайманов, Бронштейн. И вдруг — осечка. В следующих шести партиях рижанин не выиграл ни одной, сделав пять ничьих. Что же произошло? А произошло следующее: в шестом туре Михаил Таль встречался с Рашидом Гибятовичем. Играя черными, он несколько рискованно разыграл дебют, очевидно, не оценив по дос-

тоинству казанского мастера. Нежметдинов же готовился к встрече с лидером тщательно. Он применил заранее заготовленное продолжение, цель которого — оживить работу чернопологo слона. И как признался позднее Таль, Рашид Гибятович быстро опроверг рискованное начало черных и к 18-му ходу у них сложилась тяжелая позиция. Михаил Таль сдался.

Поражение Таля позволило Александру Толушу «достать» юного беглеца. В партии с Микенасом он превосходно провел эндшпиль. Толушу и Микенасу по 47 лет, они старейшие участники турнира. Когда Микенас остановил часы, всегда бодро настроенный Толуш сказал: «Молодость победила»! (Толуш на 13 дней моложе своего соперника). И в этой связи гроссмейстер С. Флор припомнил забавную историю.

Гроссмейстер Мизес в 85 лет встретился в турнирной партии с голландским мастером ван Форестом, который был еще старше. Когда партию выиграл Мизес, корреспондент попросил его рассказать что-либо о ходе борьбы.

— Что я могу сказать? Все очень просто — молодость, конечно, победила,— с улыбкой ответил Мизес.

В следующем туре соперником Рашида Гибятовича был именитый Давид Бронштейн. Гроссмейстеру пришлось в цейтноте пережить несколько тяжелых минут.

Будучи большим мастером комбинационной игры, Бронштейн хорошо знал Нежметдинова и поэтому старался учесть урок, который преподал Рашид Гибятович рижанину. Правда, на этот раз белыми играл гроссмейстер. Как же развивался поединок? Позднее Давид Бронштейн писал:

«Каждый из нас до начала партии с Нежметдиновым намечает определенный план ограничивающей стратегии, то есть такой, при котором самому комбинации будет осуществить легко, а партнеру трудно.

Каждый понимает, что подобный план можно реализовать разве лишь в мечтах, на практике все намного сложней. Однако бесспорно одно: при встрече с таким на редкость одаренным комбинационным талантом мастером, как Нежметдинов, каждый из нас старается подчинить свои усилия самому главному — разгадать, предвосхитить и ликвидировать комбинационный взрыв».

Гроссмейстер предугадал намерения Рашида Гибя-

товича. Семнадцатым ходом он принял выпад черных и ответил на него встречным уколом, не дав Нежметдинову осуществить задуманное. На двадцатом ходу казанский мастер, жертвуя коня, сходил им на *d4*, намечая осуществить разгромную комбинацию. Однако он не учел весьма «тихого» хода слоном белых на *c2*. Маленький нюанс, но он сразу дал возможность белым отвести атаку на короля. Сам же гроссмейстер вскоре приобрел ладью. И хотя ему пришлось отдать за строптивого коня черных главную фигуру — ферзя, партия была уже предрешена. Белые фигуры всей мощью обрушились на бесприютного короля. И хотя ценой ферзя Рашиду Гибятовичу удалось уйти от мата, позиция черных оказалась крайне тяжелой, после тридцать шестого хода мастер поздравил гроссмейстера с победой.

О том, что делалось в тринадцатом туре, рассказать не просто. На сцене происходило страшное шахматное побоище. Болельщикам было на что посмотреть! Только три партии завершились миром.

Снова яркой игрой блистал наш земляк. «Похоже,— писал Флор,— что молодые мастера плохо выдерживают штыковые атаки Нежметдинова, оригинального, своеобразного шахматиста. Не успели мы уточнить, у кого лучшая позиция — у Нежметдинова или у Спасского, как последний попал под атаку».

Вторая половина турнира. Любителей шахмат все больше интересовал вопрос: кто будет чемпионом. Кто из восьми гроссмейстеров? На мастеров никто не надеялся. Только Александр Котов постоянно твердил, что первым будет Миша. «Какой Миша? Миша ведь не участвует в чемпионате (имелся в виду Михаил Ботвинник). Котов отвечал: «Нет, не большой Миша, а маленький, тот, что из Риги». Прогнозы Котова вызывали улыбку и удивление.

Однако Таль все же играл здорово. Он дал несколько замечательных партий, но, пожалуй, лучшей была партия с Арониным. Она завершилась вничью, но какая ничья! В критический момент Таль долго думал, а когда сделал ход, зрители ахнули: рижанин пожертвовал ферзя!

Правильно? Неправильно? Одни говорили: «Да», другие скептически морщились: «Нет, не может быть». Анализ партии полностью «оправдал» Таля. Как отме-

тил тогда С. Флор, эта партия — одна из интереснейших ничейных партий за последние десятилетия.

Шахматисту, как артисту, нужна человеческая теплота. Ему всегда приятнее играть, когда рядом сидящие люди сопереживают события, происходящие на шахматном поле. Их волнения передаются игрокам.

Рашид Гибятович знал, что в зале сидит человек, который следит за каждым его ходом: кровный брат Талгат, как он радовался победе Рашида над Талем!

— Знай наших,— говорил он, обнимая Рашида Гибятовича.— Молодец!

Горько переживал он неудачу в следующем туре, но старался по мере сил подбодрить Рашида. Дома за ужином сказал:

— Не горюй, брат, ты проиграл не кому-нибудь, а гроссмейстеру Бронштейну.

Рашид Гибятович вяло улыбнулся. Дело не в том, кому проиграл, заботило другое: как он не заметил этого «тихого» хода.

Не знал Рашид Гибятович, что в зале у него есть еще один поклонник, который вскоре обнаружил себя. Казанский любитель, ярый болельщик Рашида Гибятовича, не выдержав напряжения, вдруг воскликнул:

— Дорогой Рашид! Ты, наверное, проголодался! — И тут же полез на сцену с бутербродами, которые предварительно купил в буфете.

Его, конечно, вежливо остановили и усадили в зале. А когда завершилась игра, Рашид Гибятович поблагодарил за заботу, но при этом напомнил болельщику, как нужно вести себя в зале.

Болельщики... Каких только не встретишь в турнирных залах. Одни бурно переживают события и — дай им волю — в минуту высочайшего накала сорвались бы с места и побежали к столику, сделали бы ход за своего кумира (со стороны всегда виднее). Но есть истинные болельщики — умные, серьезные. Они спокойно наблюдают за поединком, внутренне переживают и получают истинное наслаждение, когда шахматисты создают красивую партию.

Есть и такие, которые «все знают», из их уст так и сыплются реплики:

— Жертва пешки за инициативу.

— Так играл еще Капабланка в матче с Алехиным.

— Явный просмотр! Надо было пожертвовать фигуру.

— Белым пора сдаваться, чего они тянут?

И тут в самом деле один из партнеров остановил часы.

— Ну, что я говорил! Сдался-таки.

Демонстратор вывесил табличку. На ней было написано:

— Белые выиграли.

Пророка как ветром сдуло...

Чемпионат в Москве завершился победой Михаила Таля. Впервые рижанин стал шахматным королем страны. Второе и третье места поделили Пауль Керес и Давид Бронштейн, набравшие по 13,5 очка и отставшие от победителя на «половинку». Рашид Гибятович был близок к тому, чтобы войти в десятку лучших, но не сумел: он поделил 11—12 места. Оценивая игру Нежметдинова, мастер В. Панов писал:

«Талантливый представитель Казани мастер Нежметдинов играет блестяще, но иногда чересчур рискует, без учета реальных шансов. Его дублером подобно казаку и делибашу пушкинского стихотворения, является мастер Кламан. Про них можно сказать словами поэта:

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Дрожь пробирает, когда смотришь иногда на партии этих двух интересных и своеобразных мастеров. Все висит! Король блуждает по доске, его конвой фигур и пешек ринулся на короля противника...»

Счастливец Таль при закрытии чемпионата был словоохотлив с журналистами:

— Турнир прошел необычайно оживленно,— сказал он.— Все играли с большим подъемом, с большой «спортивной злостью». Соперники охотно шли навстречу друг другу в стремлении обострить борьбу. Многие партии сыграны красиво, интересно. В таком соревновании приятно играть. Бронштейн, Петросян, Нежметдинов, Толуш многое сделали для повышения накала спортивной борьбы.

Может быть, именно здесь, в Москве, познав горечь поражения от Рашида Гибятовича, Михаил Таль по

достоинству оценил комбинационный дар Нежметдинова. А когда пришла пора готовиться к матчу на первенство мира с Ботвинником, претендент вспомнил казанского мастера и пригласил его в тренеры-помощники.

Рашид Гибятович считал 1957 год удачным, хотя из-за переутомления он не смог в отдельных партиях реализовать свои творческие замыслы. Памятным этот год был и тем, что вместе с выдающимися шахматистами страны он удостоился правительственной награды — медали «За трудовое отличие».

Жизнь сложна и противоречива. Человек не живет только одними радостями, случаются и тяжелые удары судьбы. И такой удар обрушился на Рашида Гибятовича и его семью. В расцвете творческих сил скончался Кави Гибятович, старший брат и воспитатель. Рашид Гибятович глубоко переживал потерю. Вся сознательная жизнь его проходила под присмотром старшего брата, который все сделал, чтобы укрепить в нем веру в свои силы, талант. Были нелегкие времена, когда он спотыкался, делал ошибки и в эти трудные минуты шел за советом к Кави Гибятовичу, зная, что брат найдет нужные слова, подскажет решение.

...Прошло пять лет после первой встречи Рашида Гибятовича с юным кандидатом Львом Полугаевским. И вот снова их пути скрестились. Но теперь перед Рашидом Гибятовичем был не безусый мальчик, а зрелый мастер. Их поединок в Сочи дал миру блестящую по красоте партию. Рашида Гибятовича в пятый раз увенчали алой лентой чемпиона. И с тех пор никому из шахматистов России не удалось повторить успех Нежметдинова.

Сразу же после игры Рашид Гибятович отправил сыну Искандеру открытку: «Посылаю тебе Лису Патрикеевну хи-и-трущую и мышонка. Папа снова выиграл. Расти большой. Целую крепко. Папа».

Эту открытку послал отец сыну, когда ему было только четыре года. Теперь Искандер Рашидович — взрослый, преподаватель университета, кандидат физико-математических наук, недавно женился.

Мы сидим в квартире, где многое напоминает о Рашиде Гибятовиче. Разбираем письма, открытки.

Рашид Гибятович с сыном Искандером.

— С малых лет,— рассказывает Искандер,— я привык встречать и провожать отца. Перед отходом поезда, помнится, машу ему рукой и показываю на пальцах: «Папа не привози «баранок» (нулей), а вези единицы». Он утвердительно качает головой, смеется.

Всюду, где отец играл, он обязательно присылал мне открытки с видами городов или с видами зверей, птиц. Их было не меньше сотни. Вот три открытки из Баку. Здесь в 1961 году проходило первенство страны.

«Родной любимый Искандер! Получил от тебя письмо. Большое спасибо. Папа выиграл 3 партии подряд, а у экс-чемпиона мира Таля красиво выиграл. Папа чувствует себя хорошо, скоро приеду домой. Посылаю тебе

дом, в котором мы играем (на открытке Центральный шахматный клуб Баку). Поцелуй за меня маму и бабулю. Крепко обнимаю и целую. Папа».

В другой открытке Рашид Гибятович писал: «Посмотри, какую ребята снежную бабу слепили. Вы, наверное, с ребятами тоже из снега строите крепости, интересно ведь! Папа сделал три половинки, а две выиграл. Порой я как таракан — щелкнут и лечу вниз, а потом снова карабкаюсь наверх. В Казани, наверное, зима, а здесь снега нет, идут дожди. Учись, сынок, на пятерки, хорошо кушай и слушайся маму. Поцелуй ее. Большие приветы бабуле, дяде Володе и дяде Коле. Крепко целую. Папа».

Из Тбилиси текст открытки весьма лаконичен: «Папа поставил мат Бронштейну. Ура!!!»

Едва научившись писать, Искандер отвечал отцу на каждую его открытку. В одном из писем он писал: «Открытку получил, спасибо. Есть некоторые сдвиги вверх. Желаю хорошо сыграть. У меня все в порядке, готовлюсь к экзаменам. Мог сократить их число: освобождали от английской литературы. (Искандер заканчивал 8-й класс в английской школе.— Автор), так как все четыре четверти у меня пятерки, но я отказался и бросил вызов. Первый экзамен 28 мая. Дома все хорошо, все живы и здоровы. Мама сегодня уезжает с ребятами на экскурсию в Ульяновск, мы с бабушкой остаемся одни. Погода плохая — идут дожди, очень холодно. Крепко целую, Искандер».

— Мне всегда доставляли огромную радость прогулки с отцом,— продолжает Искандер.— Он хорошо знал Казань и рассказывал, где что было раньше, как называлась та или иная улица, кто жил на них из знаменитых людей и знакомых папы. Мы с ним исходили весь наш город. Часто отец говорил о прочитанных книгах, рассказывал забавные истории, которые случались на турнирах, а рассказчик он был отменный.

Отец не хотел меня учить шахматам очень рано, но когда мне исполнилось пять лет, шахматисты из сборной команды РСФСР научили меня этой игре. Одно время папа брал меня к себе в отделение шахмат Казанской школы высшего спортивного мастерства, но вскоре посоветовал заняться легкой атлетикой — «полезно для здоровья». Шахматист из меня не вышел.

В декабре 1962 года спортивная общественность республики отмечала 50-летие Рашида Гибятовича. Большой зрительный зал Дома работников просвещения был заполнен до отказа. В президиуме рядом с юбиляром гроссмейстер В. В. Смыслов, вице-президент Всесоюзной шахматной федерации Я. Г. Рохлин. В зале сверстники Рашида Гибятовича «ветераны-болельщики», не изменившие юбиляру ни в пору взлетов, ни в дни неудач.

... Под аплодисменты Нежметдинову вручается Почетная грамота Президиума Верховного Совета ТАССР.

После теплых слов приветствия В. Смыслов сообщил о присуждении юбиляру высокого звания заслуженного тренера СССР.

— Сегодня мы чествуем одного из интереснейших шахматистов страны,— сказал Я. Г. Рохлин.— Издревле знаком татарский народ с прекрасной и мудрой игрой — шахматами. Но такое яркое дарование, как Рашид Гибятович Нежметдинов, шахматиста с грандиозным комбинационным талантом, он выдвигает впервые. Пожелаем же нашему юбиляру крепкого здоровья и вечной молодости в шахматном искусстве.

Растроганный, взволнованный поднялся Рашид Гибятович, когда ему предоставили слово.

— Сегодня, —сказал он,— мне хочется говорить не столько о триумфе советских шахмат, сколько прежде всего о триумфе ленинской национальной политики. Разве можно было бы думать о расцвете шахматного искусства у больших и малых народов без торжества этой политики, без дружеской культурной работы совместно с русским народом? Как много мне еще нужно сделать, чтобы оправдать всю ту теплоту, все то доверие, все те почести, которые воздали здесь сегодня мне, рядовому советскому шахматисту.

Уходил май. Буйная зелень деревьев уже властно шумела вокруг. В низовьях Дона нет еще угнетающей жары, воздух чист и прозрачен. Хочется без конца бродить по улице, любоваться южными теплыми вечерами.

В Ростов-на-Дону съехались шахматисты многих стран на турнир памяти выдающегося русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина.

Михаил Иванович Чигорин родился 31 октября 1850 года в семье мастера порохового дела. Шахматами ув-

лекся по-настоящему в двадцать три года. Пять лет спустя он уже был лучшим шахматистом России.

С именем М. И. Чигорина связаны большие победы русского шахматного искусства. 1889—1896 годы — период высшего расцвета таланта Чигорина. В эти годы он играет свои знаменитые матчи с лучшими мастерами мира. Самому непобедимому Стейницу он наносил такие удары, каких до того ему не наносил никто.

Скончался М. И. Чигорин 25 января 1908 года в Люблине. В 1914 году его прах перевезли в Петербург.

Смерть Чигорина была тяжелым ударом для шахматного искусства. Вот как отметила шахматная печать мира его кончину:

«Скончался последний из великих мастеров эпохи Стейница. Подобно Стейницу, Чигорин был истинным гением. Он всецело посвятил себя шахматному искусству... Чигорин стоял, пожалуй, даже выше чемпиона мира, ибо не в его духе было отказываться от комбинационной игры и побеждать своих противников на турнирах простым переигрыванием...

Наследие его так велико и блестяще, что имя его никогда не будет забыто». Так писала немецкая печать.

А шахматный английский журнал отмечал:

«Чигорин был одной из популярнейших и интереснейших фигур в шахматном мире. В течение последней четверти века его имя было связано со всеми значительными событиями в истории шахмат, мало кто оставил по себе такой яркий след, как он».

29 мая 1961 года. Малый зал окружного Дома офицеров заполнили любители шахмат, журналисты, фотокорреспонденты. В центре сцены — портрет М. И. Чигорина, рядом — демонстрационные доски, национальные флаги семи стран, представители которых прибыли в этот южный город.

Представитель исполкома городского Совета народных депутатов Ростова-на-Дону Г. Коновалов сердечно приветствует участников турнира.

— Я надеюсь,— сказал он в заключение,— что в предстоящих шахматных боях вы проявите в полной силе свои возможности, умение вести атаку и оборону, а так же уважительное отношение друг к другу — одно из главных качеств игры Михаила Ивановича Чигорина.

На сцену выходит чемпион Уругвая мастер Вальтер Эстрада. С темпераментом южноамериканца он благодарит за любезное приглашение играть в столь представительном турнире.

— Я первый из шахматистов моей страны приехал в Страну Советов. Меня радует все, что здесь я увидел, и главное люди — такие приветливые, сердечные.

Главный судья турнира В. Виноградов оглашает регламент и представляет участников, когда очередь дошла до Нежметдинова, он сказал:

— Рашид Гибятович самый старший среди участников этого турнира, на будущий год он будет справлять свое пятидесятилетие. Но я хорошо знаю Рашида Гибятовича, когда он садится за шахматный столик, его душа молодеет. Так пожелаем ему этой вечной молодости и красоты в шахматах, на которую так щедра его натура.

Начинается жеребьевка. На сцену выходят двенадцать пионеров с большими букетами цветов, внутри которых конверты с номерами. Вызываются сначала зарубежные, а потом советские участники. Каждый выбирает свой «живой» номер. Рашиду Гибятовичу выпал восьмой.

30 мая состоялся первый тур. Рашид Гибятович играл черными с уругвайским мастером Эстрадой. Как считают специалисты, Нежметдинов не совсем удачно разыграл староиндийскую защиту и вскоре вынужден был отдать пешку. Но кто может точно определить направление мыслей соперников? Ведь пешки порой отдаются в качестве «данайского дара», чтобы потом развернуть атаку и одержать победу. Не берусь утверждать, так ли было во встрече с Эстрадой, но одно знаю наверняка: партия у Рашида Гибятовича получилась. Пожертвовав ладью за пешку, он в присущем ему стиле развернул такую атаку, что вся крепость неприятеля рухнула, а после того, когда Рашид Гибятович сделал прекрасный ход конем, затем и слоном, уругвайцу ничего не оставалось, как остановить часы.

Неприятности ждали Нежметдинова в четвертом туре, где он встречался с гроссмейстером Марком Таймановым. Баловень судьбы, щедро одаренный различными талантами — шахматным, музыкальным, кинематографическим,— Тайманов еще в семилетнем

возрасте сыграл главную роль юного музыканта в кинофильме «Концерт Бетховена». После этого блестящего успеха, в отличие от некоторых других артистов, он больше не искушал судьбы участием на съемочных площадках, но зато стал превосходным пианистом и одним из ведущих гроссмейстеров страны. Играя белыми, Тайманов уже в дебюте ферзевых пешек добился некоторого позиционного перевеса. Гроссмейстер знал силу атаки мастера и поэтому «плел тонкие кружева» маневра, а такие партии не в характере Рашида Гибятовича. Пришлось уступить шахматисту более высокому по званию.

Зато в восьмом туре талант нашего земляка развернулся во всем блеске. На этот раз он играл с мастером из Югославии Драголюбом Чиричем. Партию назвали украшением турнира. До этого югославский мастер держался очень стабильно и все семь встреч свел вничью. В испанской партии (защита Стейница) белые избрали вариант, не рекомендуемый теорией. На седьмом ходу Чирич допустил ослабленные позиции королевской рокировки, и Нежметдинов немедленно приступил к пешечной атаке. На 14 ходу черные неожиданно и красиво пожертвовали ферзя. Все их фигуры осадили вражеского короля, и белые, чтобы спастись, вернули ферзя, но остались без пешки в тяжелой позиции.

Рашид Гибятович и дальше играл весьма энергично и еще одной жертвой, но на этот раз коня, обеспечил решающий материальный перевес. На 30-м ходу Чирич поздравил казанца с победой.

К десятому туру группа лидеров турнира — Тайманов, Нежметдинов, Тарасов — опередила остальных соперников на полтора-два очка. Это обстоятельство оказало влияние на ход борьбы в девятом туре.

Партия Ричард Дрозд — Рашид Нежметдинов была такой скоротечной, что уже на десятом ходу она завершилась миром. Чем объяснить такое обстоятельство? Мне думается, что, имея перед последним туром семь очков и отставая от лидера гроссмейстера Тайманова на пол-очка, Рашид Гибятович решил приберечь силы для встречи с гроссмейстером Бондаревским. Что ни говори, а мастер встречался с шахматистом старшим по званию, опытным стратегом. И надо

было поберечь силы. А может, в этом была ошибка нашего мастера? Но ведь он играл с Дроздом черными, а черный цвет — не любимый цвет для мастеров, им белые подавай! Правда, со многими мастерами из-за рубежа именно черными побеждал Нежметдинов. Но психологический фактор таков, что от него никуда не уйдешь. Он давит, словно камень. И в последней партии с Бондаревским Рашид Гибятович заработал половинку. А поскольку к такому же итогу пришла партия Тарасов — Чирич, то и Тайманов не стал искушать судьбу — подписал мир с мастером из Болгарии Радко Бобековым.

Турнир в Ростове-на-Дону сложился очень удачно для советских шахматистов: им достались все четыре первых места... и половина пятого. Мастер Ходос — хозяин турнира — разделил 5—6 место с югославским шахматистом Чиричем.

Победителем после отчаянной борьбы на финише стал Марк Тайманов. Набрав по 7,5 очка и отстав от победителя только на одну «половинку», 2—3 места разделили Нежметдинов и Тарасов, а четвертое осталось за гроссмейстером Львом Полугаевским.

Корреспонденты, освещающие ход турнира, отмечали: «В атакующем стиле провел соревнование Рашид Нежметдинов, которого слишком рано пытались записать «в старички». Своей энергичной игрой он внес свежесть и молодость в шахматную борьбу».

...Летом 1982 года в Казани собрались юные шахматисты на традиционный турнир памяти Рашида Гибятовича Нежметдинова. Главным судьей соревнования был приглашен из Иванова международный арбитр, мастер спорта Николай Дмитриевич Овечкин. Мы познакомились.

После одного из туров вышли на улицу. Лето — в разгаре, погода чудесная.

— А не прогуляться ли нам к Волге,— предложил Николай Дмитриевич.— Я хотя и не живу на берегу нашей матушки-реки, но считаю себя волгарем и страсть люблю полюбоваться ею, когда приезжаю в город, стоящий на «главной улице» России. Река заряжает особым духом. Знаю из рассказов Рашида Гибятовича, что он как-то особо любил Волгу и Казань.

Встречались мы с ним часто, а вот играть мне довелось с Рашидом Гибятовичем немного. Но его партии восхищали меня, он был настоящий художник, в самом лучшем значении этого слова. Правда, позиции, таившие в себе скрытые комбинации, у Нежметдинова были далеко не в каждой партии, часто, очень часто его соперники предпочитали играть на упрощения, вынуждали к размену фигур, стремясь обезопасить себя от молниеносных атак.

— Моя первая встреча,— вглядываясь в речную даль, продолжал Николай Дмитриевич, — произошла с Рашидом Гибятовичем в Чебоксарах, где разыгрывался финал командного первенства Российской Федерации в 1950 году. Я возглавлял команду Ивановской области. Поединок выдался упорный. После 30-ти ходов на доске была равная позиция. Но более глубокое проникновение в самую суть игры, некоторые нюансы и острое комбинационное зрение в сочетании с «безобидным» маневрированием привели к тому, что на 76-м ходу матовая сеть моему королю была уготовлена.

Через год, в Ярославле, на финале личного первенства РСФСР он нанес мне второе поражение на 96-м ходу. Я героически спасал партию и был близок к ничьей. Осложнения, затеянные Рашидом Гибятовичем, до поры до времени парировал, но в конце концов ошибся.

Какое-то время Николай Дмитриевич молчал, глядя на Услонские горы, припоминая, очевидно, новые детали, которые более ярко характеризовали бы Нежметдинова.

— Дело в конце концов не в том, что Рашид Гибятович побеждал меня. От его ударов, бывало, капитулировали выдающиеся гроссмейстеры нашей страны и зарубежные мастера. Мне он дорог, как человек, с которым всегда было интересно. На какой бы турнир он не приезжал, в комнате, где останавливался, всегда было многолюдно, весело. Здесь, как правило, пили его любимый напиток — душистый чай, который он всегда заваривал сам. С собой даже возил набор чайников для заварки. Сколько интереснейших шахматных и житейских историй можно было услышать от Рашида Гибятовича во время чаепития! На дворе уже ночь, и вроде бы у хозяина иссяк запас «историй»,

но вдруг за стаканом чая он как бы снова «оживал» и — лилась беседа. Он мог держать у себя гостей ночи напролет.

Оставив шахматы как игрок, я много раз судил соревнования. И почему-то сегодня мне вспомнился турнир в Сочи 1965 года, который был посвящен памяти М. И. Чигорина. Вспомнился, возможно, потому, что теперь я сужу турнир памяти Нежметдинова. Не покривлю душой, если скажу: Рашид Гибятович на этом турнире был одним из интереснейших шахматистов. Его партии и партии участника финального матча на первенство мира гроссмейстера Бориса Спасского неизменно были в центре внимания посетителей турнира. Нежметдинов привлекал глубиной замысла своих комбинаций, а от Спасского ожидали убежденных побед над соперниками.

К огорчению зрителей Спасский особенно их не порадовал. Видимо, он приберегал силы для матча с Талем. Гроссмейстер вяло начал турнир (одна победа и пять ничьих) и финиш его был не бурным.

Полной противоположностью была игра Рашида Гибятовича. Неистовый ветеран, которому тогда шел 53-й год, сражался, не взирая на лица. Из 15 партий у него двенадцать оказались результативными и только три закончились вничью. Любопытно, что белыми Рашид Гибятович выиграл шесть и столько же проиграл черными.

Но самое интересное, что, играя в остроатакующем стиле, он в каждой партии не останавливался перед жертвой ладьи, слона, коня, если это давало шансы развить инициативу против неприятельского короля. Вдохновение Нежметдинова, когда он атаковал короля противника, трудно передать на словах. Это надо видеть...

После закрытия мемориала один из журналистов попросил Рашида Гибятовича ответить на вопросы.

— В вашей игре мы часто наблюдаем то стремительный взлет, то падение. Чем это объяснить?

— Для хорошей игры мне нужно вдохновенье. А оно, как капризная женщина, то посетит меня, то не придет на свидание. А без хорошего настроя игра не идет. Я недостаточно рационален и поэтому партии, где надо играть позиционно, захватывать нужные поля, сдерживать противника, складываются чаще всего

для меня неблагополучно. Делаю какие-то вялые ходы, иду на поводу у противника. Но давайте не будем о этом, просто посидим перед шахматной доской и поговорим. Итак, ваш ход.

— Что значат для вас шахматы?

— О, с началом каждой партии передо мной открывается дверь в неведомый мир фантазии, приключений, загадок и точных математических расчетов. Правда, первые тропинки давно протоптаны и имеют свои названия — испанская партия, староиндийская защита, защита Каро-Канн, дебют Рети и так далее. Но очень скоро мы сходим с этих проторенных дорог и попадаем в ситуации, которые испытывают наш разум и воображение, требуют умения считать все до мелочей и бросают нас в самые рискованные авантюры.

Еще автор «Дон Кихота» Сервантес заметил, что шахматы напоминают жизнь. Действительно, каждая партия — в миниатюре жизнь человека. При этом имеются в виду не только действия фигур на шахматной доске, но и весь характер шахматного сражения. Тут и надежды, и напряженные поиски путей к цели, и борьба за ее достижение.

Думаю, многие мои собратья по шахматам испытали такое чувство: кажется, ты близок к успеху, стоит протянуть руку и «жар-птица» поймана, но вдруг все рушится. Рука пуста, птица счастья улетела к другому.

За несколько часов игры шахматист переживает от начала до конца полную самых острых коллизий и столкновений, страстей и борений жизненную драму. И в этой драме он не зритель, а прямой участник, познающий всю радость торжества победы или пьющий до конца чашу поражения.

Шахматы для меня — это вечная тайна, чудо. Сегодня меня не удивляют космические полеты, они стали обычными. Ход же в шахматной партии почти всегда предугадать невозможно. Даже фигуры способны вести себя иной раз самым непостижимым образом как для игроков, так и для сторонних наблюдателей.

— Вот конь, Рашид Гибятович. Что вы скажете об этой фигуре?

— Нет ее загадочней. Возможности коня в определенной ситуации превосходят любое воображение. Конь представляется порой драконом, силой, которую

нельзя ни удержать, ни укротить. Помню, в партии с Михаилом Талем на первенство страны 1961 года мой конь на доске творил чудеса. Для гроссмейстера это был необузданный мустанг, преодолевающий все барьеры на пути. Ради его спасения я жертвовал другие фигуры. Он по сути дела решил исход партии.

А возьмите слонов. Откуда у них столько изящества в передвижении по диагональным линиям? А фигура, которая на языке персов именуется ферзем? Ее еще называют королевой, так как она в начале партии стоит рядом с властелином и является главной ударной силой в шахматном королевстве. Мы храним вечную любовь к этой даме и с глубокой болью переживаем ее потерю, даже когда речь идет о размене.

— Какой же представляется вам судьба пешек?

— Еще более удивительной, пешки — простые труженицы. Всем известна их горькая судьба, неустойчивость перед натиском короноватых фигур. Но надо видеть и их неимоверную мощь. Еще Филидор сказал, что пешки — душа шахмат. Только они создают атаку и защиту, от их хорошего или плохого расположения зависит победа или поражение. Восемь пешек, застывшие на одной горизонтали — в начале игры, нам кажутся одинаковыми. Но начинается движение, и каждая проявляет свой характер. Одни растут, превращаются даже в ферзей, другие теряют силу и гибнут. Представьте себе судьбу пешки, продвигающейся по центру доски. Фигуры противника ее атакуют, свои поддерживают и помогают идти вперед. К ней приковано всеобщее внимание. Если она удержится, партия, возможно, будет выиграна. Вспоминаются строчки:

Иногда и выгорает дело...
Со сноровкой, без особой спешки,
Но упрямо и чертовски смело
Лезут в драку яростные пешки.
Короли — стратеги, пешкам — рыть траншею.
Дура-смерть со всех сторон грозит,
Многие себе сломают шею.
Кто-нибудь да выйдет во ферзи.

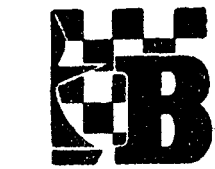
Если падет пешка, с ней может погибнуть и все остальное — материальный перевес, активность фигур, нужное развитие партии, а заодно и надежды на выигрыш.

— К слову, давайте поговорим о победе, — предложил журналист. — Для вас она играет большую роль?

— Какой же шахматист не рад победе,— усмехнулся Рашид Гибятович.— *За доской, как и в жизни,* встречаешься с трудностями, иногда стоишь на грани гибели и вдруг находишь спасение. Значит, жизнь продолжается, она снова будет дарить радость, пьянить триумфом. К тому же достойный выигрыш — это не только победа над соперником, это и *победа над собой.* В каждом из шахматистов, как сказал Александр Котов, уживаются инженер и архитектор, имеющие планы и материалы для строительства. Но против них — другой инженер и другой архитектор, строящие дом на том же месте. И они соревнуются: чей проект окажется лучшим. Цель этого соревнования — победа, красиво, честно одержанная победа.

— А поражение?

— От него не застрахован никто. И все-таки неудачи огорчают, выбивают из седла. Но шахматы, повторяю, это чудо, и поэтому миллионы играют в них, забывая обиды. А потом они столько удовольствия приносят людям, особенно детям. И пусть с каждым днем все больше и больше ребят приобщаются к этому миру чудес. Будучи тренером, я с удовольствием наблюдаю за ребятами, когда они застывают за шахматами в позе роденовского «Мыслителя», начинают думать, принимать решения, сомневаться. В этот момент они как бы готовятся стать взрослыми.



ГРОССМЕЙСТЕР КРАСОТЫ

Вот уже много веков шахматы являются для людей притягательной силой. В чем же вечная «тайна» этой игры, почему ею так страстно увлекаются? Спросите любого большого мастера, что для него шахматы? Думаю, на этот, казалось бы, простой вопрос не сразу найдется ответ. Ему, «вдоль и поперек» знающему шахматную игру, трудно ответить. И тут можно понять: у каждого человека свой характер, своя манера игры, свои взгляды на шахматы. Одни больше ценят спортивную сторону поединка, другие — исследовательскую, где шахматы сродне науке, третьи — эстетическую. Словом, у каждого свое мнение. И все-таки известные мастера древней игры сходятся в одном: шахматы — это и спорт, и наука, и искусство.

Мне бы хотелось раскрыть только один аспект игры, а именно: ее эстетическую прелесть, и рассказать, как Рашид Гибятович ценил эту сторону шахматной борьбы. Ведь если говорить просто, мы садимся за шахматы, чтобы культурно провести досуг. Порой в поединках любителей создаются интереснейшие и красивейшие партии. Рождаются они потому, что играющие не ставят перед собой цель — добиться результата, а играют в свое удовольствие.

Шахматы в какой-то мере характеризуют и нравственный облик человека. Вспомните одного из героев Василия Шукшина: «В шахматы тоже учись, Славка. Попадешь в какую-нибудь кампанию: кто за бутылку, кто фигли-мигли, а ты раз — за шахматы: желаете? К тебе сразу другое отношение».

И пусть больше людей садятся за шахматы, познают «тайны» игры. В шахматах творчество и искусство не скрыты за семью печатями. Радость творческого успеха доступна каждому. Шахматы, как гласит

индийская поговорка,— это море, из которого комар может пить и в котором слон может купаться. Очень верно подмечено.

Мы любим шахматы прежде всего за их красоту, за драматизм поединка, когда шахматисты, не взирая на потери, вызывают настоящую «бурю», заставляют нас переживать. Мы будто забываем, что смотрим шахматную игру, а не находимся в зале и слушаем музыку Моцарта или Шопена, наслаждаемся творениями великих мастеров живописи и ваяния. И как был прав Иван Сергеевич Тургенев, когда, любуясь игрой одного из корифеев шахмат, воскликнул: «Он не играет, он точно узоры рисует, совершенный Рафаэль!».

Гениальный русский шахматист Александр Алехин однажды в беседе со старейшим чехословацким мастером Карелом Опоченским заметил: большие мастера шахматной игры страдают ограниченностью свободного шахматного духа. «Мы мыслим шаблонно,— говорил он,— мы думаем только о том, как решить позицию техническим путем, мы слишком уверовали в непреложные законы игры. Все это мешает нашему самостоятельному мышлению, ограничивает наши возможности, сковывает нашу волю. Менее же квалифицированные шахматисты, напротив, свободны от этих оков».

Конечно, гроссмейстер, выступая на крупном соревновании, имея такого же соперника, не может вести борьбу, как любитель. И все же сама практика опровергает высказывания великого шахматного маэстро. В поединках он не раз ставил такие партии, которые облетели потом весь мир. Отсюда, прежде всего, большие мастера и дают возможность созерцать жемчужины красивой шахматной игры.

Как правило, шахматная партия запоминается своей остротой, жертвами, и чем они неожиданнее, тем красивее. Не зря считают: «Риск — благородное дело». Тот, кто рискует перед лицом опасности, вызывает у окружающих чувство восхищения. Он словно совершает подвиг. А когда его жертвы не напрасны, когда его стратегия торжествует победу, такого шахматиста любители приветствуют громом аплодисментов.

Интуитивные жертвы требуют не только смелости, но и глубокого понимания позиции, недюжинной фантазии и, конечно же, комбинационных способностей.

Поэтому далеко не каждый шахматист отваживается на такие жертвы.

Рашид Гибятович Нежметдинов относился к плеяде тех шахматистов, кто смело поднимал забрало и шел в бой, врукопашную, не боясь острокомбинационных осложнений.

Чемпион мира Эммануил Ласкер, характеризуя стиль игры выдающегося шахматиста Михаила Чигорина, писал: «Игра, основанная не на универсальной, общепринятой для всех логике, а на индивидуальных оценках и суждениях,— вот характерная особенность творчества Чигорина».

Мне думается, что точно так же можно охарактеризовать и стиль игры Нежметдинова.

Каждый, кто был знаком с Рашидом Гибятовичем, запомнил его темперамент, страстную влюбленность в шахматы. Стоило ему склониться над шахматной доской, и он забывал все на свете, погружаясь в мир бесконечных расчетов и вариантов. Обычные фигуры на доске в его воображении оживали, словно обретали плоть и, подобно героям шекспировских драм, заставляли мастера страдать и радоваться.

Рашид Гибятович огорчался, когда фигуры не были так послушны его воле и партия протекала не в том русле, какое он намечал. А как он радовался, как был счастлив, если хотя бы одну партию проводил понежметдиновски! Все забывалось: утраты, поражения. Эстетическая удовлетворенность игрой всегда брала верх над практическим холодным расчетом.

В коллекции спортивных наград пятикратного чемпиона России много всяких призов и чуть ли не на каждом надпись: «За самую красивую партию турнира...»

Рашид Гибятович сел за стол. Спокойно и деловито посмотрел на шахматную доску, на часы. На какое-то мгновенье задумался.

Они стояли перед ним — его войска. Белые фигуры — такие послушные его воле и такие непокорные. Стояли торжественно, величаво. Ждали приказа, чтобы ринуться в бой. Кажется, где тут развернуться битве, где взять простор для атак, если поле сражения ограничено квадратом в шестьдесят четыре клетки? Какая

может быть здесь захватывающая борьба? Но в том и «секрет» древней и вечно молодой игры, что возможности шахматных фигур неисчерпаемы.

Сколько различных комбинаций было проведено на шахматной доске? На этот вопрос не сможет ответить даже ЭВМ — подсчитать количество разнообразных жертв и острых тактических схваток в шахматных баталиях не представляется реальным. Не раз случалось, что в самом начале игры, когда главные силы еще не покинули исходных позиций, нередки разнообразные и красивые дебютные удары. А в середине партии, после полной мобилизации фигур, их контакты между собой становятся настолько многообразными, что создаются поистине бесчисленные возможности для проведения неожиданных и эффективных комбинаций.

За долгие годы, когда шахматы стали ареной сражений мастеров, разыграны тысячи комбинаций, но до сих пор лучшие шахматисты мира не могут раскрыть их до конца. Порой один единственный ход решает судьбу сражения — а их много в каждой партии. В соседстве с какими только эпитетами не услышишь это слово «ход»; каких только оттенков ему не придают. Ходы бывают не просто верные и неверные, но еще, оказывается, рискованные, опрометчивые, смелые и осторожные, даже «тихие».

Какой первый ход сделает сегодня мастер из Казани, какое выберет начало? Спокойное, чтобы не искушать судьбы, или бурное, которое сразу потребует от него большой выдумки, взволнованности и бесстрашия.

Да, да, бесстрашия. Ведь черными играет Михаил Таль, тот самый Таль, чей ошеломляющий взлет произвел сенсацию в шахматах.

Михаила Таля называют волшебником шахматных комбинаций, которые часто возникают у него, как птица Феникс из пепла. Действительно, поразителен расчет его вариантов! Когда Таль находится в своей стихии, он видит всегда на ход дальше своего соперника.

Таль стремится создавать такие позиции, в которых заметно только кажущееся равновесие сил. Это — его излюбленный «конек». Он верит в свои силы и поэтому страстно ищет острых продолжений. Его игра поражала

всех — острая, смелая, полная презрения к опасности. Он часто создавал такие головоломные позиции, подобно канатоходцу ходил на краю пропасти, где чуть промахнулся — гибель. Но волшебник Таль именно в таких позициях заставлял противника спотыкаться, теснил на край обрыва. И последний, потеряв много сил, падал.

Людям, плохо знающим шахматы, психологию борьбы шахматистов, стало казаться: Талю страшно везет, мол, его противники по воле рока ошибаются на «ровном» месте. Заговорили о случайности его побед, о везучести. Да, Таль часто шел на риск, понимая, что без риска нет победы. На XXV чемпионате СССР, когда он отстаивал корону шахматного короля страны, рижанин дважды рисковал в партиях с Борисом Спасским и Ефимом Геллером, но в обоих случаях одержал победу.

В испанской партии Геллер, играя черными, нашел новое продолжение. Таль понял: соперник тщательно готовился к встрече, и он может попасть на заготовленный вариант. Как быть? Идти проторенной теорией дорогой, значит оказаться в руках соперника. И Таль сворачивает с протоптанного многими шахматистами пути. Завязалась острейшая борьба. Геллера стали одна за другой подстерегать неприятности, он то и дело натыкался на «подводные рифы».

Таль жертвует ладью за слона, чтобы еще больше замутить воду. Его противник принимает дар и, казалось, спокойно может вздохнуть. Но бесстрашный рижанин снова подбрасывает в огонь хворост. Он хочет, чтобы ярче горел костер шахматного сражения. Идет жертва второй ладьи. На сей раз Геллер мудро проходит мимо щедрости соперника. Но чтобы принять такое решение, ему потребовалось сорок минут! А Таль, не думая уже об атаке, решает разменять слона на коня, чтобы только перейти в чуть лучшее окончание. И тут случилось непоправимое: Геллер поставил ладью под бой. Обидно. Благополучно миновав столько «подводных рифов», он, казалось, шел к мирной гавани... и вдруг.

Нет, не вдруг. Таков закон шахматной борьбы. Силы человека не беспредельны. И даже такие опытные мастера, как Ефим Геллер, имеют право на ошибку. Но

эта ошибка — не роковая случайность, а результат напряженнейшего поединка, в котором кто-то должен уступить. Уступил Геллер.

Своим подходом к шахматной борьбе Таль разрушил некоторые обычные представления в шахматах, влил в эту древнюю игру «бунтарскую кровь». И вот он приехал в Баку, чтобы завоевать шахматную корону страны.

За столиком напротив сидит Рашид Гибятович Нежметдинов — мастер, чьи тяжелые удары испытали на себе многие гроссмейстеры, десятки партий которого облетели весь мир: они — образец красоты, вечности. Рашид Нежметдинов и Михаил Таль хорошо знают друг друга.

Накануне встречи с Талем Рашид Гибятович мысленно уже сражался с рижанином. Обдумывал начало партии. Он хотел, чтобы их встреча протекала в острой, искрометной борьбе, запомнилась.

Гроссмейстер сделал ход и, улыбнувшись, встал, ушел от доски. Неужели ему так легко? Ну что ж, можно позавидовать такому хладнокровию. А ты должен сидеть и думать, думать, думать.

Очень легко и просто — взять и передвинуть фигуру. Только легко ли? Уж кто-кто, а он-то знает, как это мучительно трудно и сложно. Нужно понять ход соперника, почему он сделал именно этот ход, а не другой. Тут надо порыться в памяти, вспомнить игранные где-то, когда-то, кем-то партии, проверить, принять или отвергнуть неизвестные, а также опробированные на практике продолжения. Если же в «архиве» не найдется ничего подходящего, остается одно — пробовать, творить, идти неизведанным путем.

Легко сказать, творить, искать непроторенные дороги! Попробуй сделай это, когда соперник сам что-то замышляет и, кажется, именно этим ходом хочет начать заготовленную дома новинку. Эх, если бы еще не так быстро спешили часы — немые свидетели побед и поражений.

«Тик-так, тик-так»,— отсчитываются секунды. Они складываются в минуты, часы. А на первые сорок ходов шахматисту дано по регламенту два с половиной часа — в среднем около четырех минут на каждый. Но это лишь «в среднем», теоретически. В действительности

иной из них вынуждает задумываться на полчаса, на час и более.

Время идет. Рашид Гибятович просчитывает вариант за вариантом, на смену одной идее приходит другая. Сколько продумал минут над ходом, неизвестно. Об этом он узнает после, когда переведет часы и запишет свой ход.

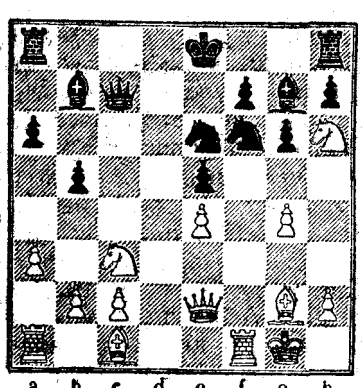
«Ага! Вот, кажется, нашел,— в глазах мастера вспыхнул огонь торжества.— Как же я сразу не увидел такого красавца?»

Конь белых стремительно, озорно помчался вперед.

Теперь черед пришел думать гроссмейстеру. Как бы он хотел сейчас поменяться местами с мастером. Знанием, чутьем он уже понял замысел Нежметдинова. Необузданного коня он теснит пешками, но тщетно. И тогда он бросает в бой против храбреца своего верного слона.

Как спасти коня? Он сейчас так дорог Рашиду Гибятовичу. Вот уж поистине можно воскликнуть: «Полцарства за коня!». Мастер жертвует ладью. Видел ли Рашид Гибятович весь ход дальнейшей борьбы? Этот вопрос задавали после партии Нежметдинову корреспонденты, а позднее его ученики, любители шахмат. Рашид Гибятович отвечал: «Врать не стану, многое было еще неясно, но чутье подсказывало: жертва необходима».

Теперь гроссмейстер надолго задумался. Его часы отсчитывают секунды, минуты. Таль ищет контригру. Он понимает: один неверный ход мастера может круто повернуть поединок, но белые атакуют и атакуют. Их центральная пешка бесстрашно, решительно двинулась на врага. С улыбкой идет на смерть.



— Руби мне голову! — гордо говорит она черному слону.

Делать нечего, приходится рубить. И тут же ладья белых, словно спрут, связала слона по рукам и ногам.

Пешка черных, пытавшаяся помочь слону, бесславно погибла. Но погиб и гордый конь. Погиб как герой. Вызывая «огонь на себя», он расстроил оборону черных, появились зияющие бреши в их крепости.

Если раньше Таль сам обрушивал на противника шквал атаки, то теперь, как говорят боксеры, он находился в глубоком нокдауне. Гроссмейстер еще пытается спасти свое королевство. Он уводит короля в более надежный бастион, но поздно. Снова жертва ладьи. И Михаил Таль вынужден принять дар, хотя прекрасно знает: он коварен. Рашид Гибятович снимает ладью черных и объявляет шах королю. Шах, еще раз шах! Это уже катастрофа. Гроссмейстер сдается. Он от души поздравляет мастера за чудесную партию. В такие минуты люди обычно чувствуют себя, попросту говоря, не в своей тарелке. Но Таль оставался Талем. Он был счастлив не менее, чем победитель этого захватывающего поединка, он как бы разделял лавры победителя. И четыре года спустя на вопрос одного югославского журналиста, какой самый счастливый день в его жизни, ответил:

— Когда я проиграл Нежметдинову.

Была ли бравада в словах гроссмейстера? Вряд ли. Подтверждением этому служат высказывания Михаила Таля в предисловии к книге Рашида Гибятовича «Избранные партии», которая вышла в свет в 1978 году, где он писал:

«Удивительный творческий подход отличал Нежметдинова. Он мог играть спокойно, мог остро, но всегда это было очень интересно, очень самобытно. Требовалось лишь одно: чтобы позиция привлекала его. И тогда он играл и анализировал поистине вдохновенно. Могу об этом судить на основании опыта наших встреч. Мы сыграли с Рашидом Гибятовичем четыре партии. Три из них я проиграл: но, честно говоря, должен был проиграть и четвертую. И каждая проигранная, как ни парадоксально это звучит, доставила мне немало удовольствия. В первой — он тонко опроверг мою несколько рискованную постановку дебюта, а в третьей — ничего подобного в жизни не испытывал — настолько эффективной, неожиданной и впечатляющей была ее концовка, с удивительной энергией проведенная Нежметдиновым. Прошу поверить, что это так. Во всяком

случае, именно после поражения от Рашида Гибятовича моя неклеившаяся на чемпионате СССР в Баку игра «пошла»: ни одной ничьей в оставшихся партиях у меня уже не было. Такой вот творческий заряд передал мне в нашей личной встрече Нежметдинов».

Партия, которую проиграл Михаил Таль нашему земляку, стала украшением турнира, ее признали самой красивой. За нее Рашиду Гибятовичу вручили специальный приз.

Там же, в Баку, международный мастер Панов, познакомившись с партией, показал ее ярому болельщику Таля.

— Да,— сказал тот с чувством глубокого удовлетворения,— сразу видно: белыми играл Таль! Его почерк!

— Таль играл не белыми, а черными...— с улыбкой заметил талевцу мастер.

На шахматном чемпионате СССР в Баку Рашид Гибятович не занял высокого места, но каждый его участник, все поклонники древней игры высоко оценили комбинационный дар мастера из Казани. В день закрытия чемпионата корреспондент обратился с вопросом к победителю, гроссмейстеру Борису Спасскому.

— Какую свою партию вы считаете лучшей?

— На это ответят сами читатели,— заметил Спасский.— Я охотнее назову самую трудную партию, которую мне пришлось играть на чемпионате. Эта партия с Рашидом Гибятовичем Нежметдиновым. Он полностью переиграл меня, и ничья была для меня просто подарком! Кстати, говоря о выступлении старейшего мастера, я не могу не заметить, что его шахматной молодости может позавидовать любой, даже самый молодой участник турнира. А создавать такое произведение искусства, как партия с Талем,— это мечта каждого шахматиста.

...Шахматист сыграл красивую партию. Ее не просто выделили из общего числа. Судьи, шахматисты отдали за нее голос, чтобы ее создателю вручить специальный приз. Это добрая традиция. И начало ей было положено в 70-х годах прошлого века.

Может показаться странным, почему в работах по истории шахмат часто упоминается турнир, проведен-

ный в 1876 году в американском городе Филадельфии. Ведь среди участников этого соревнования не было знаменитостей, сильнейших шахматистов того времени. И все же говорят и пишут об этом турнире вполне оправданно. Дело в том, что именно в 1876 году родилась традиция, которая сохранилась и до наших дней: присуждать приз за «красоту». По решению специального жюри этого приза удостоилась наиболее красивая партия турнира. Белыми играл английский мастер Г. Берд, черными — американский мастер Д. Месон.

На доске сложилась такая ситуация, что ферзь и ладья белых оказались под ударом черных фигур. Английский мастер глубоко задумался. Жаль, конечно, главной фигуры в королевстве, но ради спасения короны короля на все пойдешь, и Берд, оставив на гибель ферзя, уводит из-под боя ладью. И как часто бывает в шахматной игре, жертвы открывают для других фигур удивительную силу. Черные оказались в страшной теснине, им некуда двигаться, они по сути дела мертвы. И это в конце концов привело их к гибели.

Неверно представлять, что до поединка Берд—Месон история шахмат не знала красивых партий. Их было очень много. Истинные произведения шахматного искусства создали в середине прошлого столетия такие прославленные мастера, как Адольф Андерсен, Пол Морфи. А какие замечательные партии дал миру выдающийся русский шахматист Михаил Чигорин.

Шахматисты хорошо знают «бессмертную» и «вечнозеленую» партии. Именно так назвали современники партии А. Андерсена с С. Л. Кизерицким и с Д. Дюфренем. Ослепленный прелестью комбинаций, Андерсен мог пройти мимо более простого и ясного пути к победе. Неистовая вера в силу комбинаций позволила ему создавать шедевры и в то же время подавляла волю противника, не находившего правильной защиты. Как справедливо писал М. Чигорин, комментируя партию Андерсен — Кизерицкий (Лондон 1851 г.), «...каждый, прочтя ее внимательно, заметит, с какой последовательностью и основательностью ведена Андерсеном атака от начала до конца». Но сколько ошибок и просчетов противника обнаружили позднейшие аналитики в этой партии!

Идут годы, новое поколение шахматистов, поднявшись на новую ступень, все находит и находит в партии просчеты, но она живет и будет жить, ибо она «бессмертна».

Специальных призов «за красоту» эти блестящие партии не получили. Их просто тогда еще не вручали.

Но первый шаг был сделан, и в конце прошлого века специальные призы «за красоту» стали присуждаться почти во всех международных турнирах. Одним из первых обладателей такого приза стал русский мастер Э. Шифферс, разгромивший белыми немецкого шахматиста М. Гармониста на международном турнире во Франкфурте в 1887 году.

Присуждение наград за яркие творческие достижения встретило полное понимание и признание широкого круга любителей шахмат.

В наше время ни один более или менее значительный турнир не обходится без того, чтобы его участник не получил приз за «красоту»

Рашида Гибятовича можно по праву назвать блестящим мастером комбинаций. Ради атаки, ради красивой комбинации он порой увлекался так, что просматривал контратаку противника, оставался в худшем положении, проигрывал — и все же художник часто брал верх над шахматистом-прагматиком, который борется за очки и за высокое место в турнирной таблице.

Мне вспоминается апрель 1963 года. Шел матч на первенство мира между Михаилом Ботвинником и Тиграном Петросяном. Рашид Гибятович с присущим ему талантом рассказчика на встрече с журналистами поведал о себе, о поединках, которые ему пришлось вести за многие годы и, разумеется, поделился впечатлениями о матче.

— Я только прошу учесть одно обстоятельство,— заметил он.— Все суждения о борьбе за мировую шахматную корону между выдающимися советскими шахматистами сугубо личные. Возможно, я ошибаюсь в своих оценках. Сыграно одиннадцать партий. Петросян имеет в своем активе одно очко. Это, так сказать, спортивная сторона матча. Ну а как оценить сыгранные партии в творческом отношении, войдут ли они в золо-

той фонд шахматного искусства? Боюсь, что нет. Вся прелесть шахмат и, более того, почти вся их сущность не в борьбе за пункты, поля, а в красоте комбинаций. Шахматы без комбинаций — все равно, что картина без свежести красок. Ведь шахматная партия подобна спектаклю, где зрители сопереживают и испытывают наслаждение. Без накала борьбы, без острых комбинаций, без того драматизма, когда все кажется висит на волоске, шахматная партия превращается в заурядное состязание спортсменов.

В нынешнем матче комбинации пока не выходят на авансцену, они с нетерпением ждут своего выхода за кулисами.

Партии матча психологически интересны, они имеют и теоретическое значение. Этого у них нельзя отнять. Ведь играет-то Михаил Ботвинник, а противостоит ему «непробиваемый» Тигран. Оба они блестящие мастера позиционной игры.

Отсюда вывод: соперники борются за поля, за лучшую позицию, а это всегда приводит к скучным партиям. В этом отношении протекающий ныне матч мне чем-то напоминает поединок Капабланка — Алехин. Там тоже были серии скучных ничьих, в которых трудно было разобраться, кто из соперников играет белыми, а кто черными. Говорят, что однажды Капабланка даже заснул во время игры. Но эти серии перемежались прекрасными взлетами фантазии Алехина, великолепными произведениями логики Капабланки. Если же говорить о более близких временах, то предыдущие матчи Михаила Моисеевича Ботвинника отличались высоким накалом, острой борьбой. Но не будем брюзжать. Надо ведь понять и участников матча. Для них основная и единственная цель — одержать победу. Хорошо бы, конечно, при этом блеснуть красивыми комбинациями. Но красота не возникает из воздуха. Подождем — и комбинации вскоре появятся. Они должны появиться. Это — не заклинание, а трезвый расчет.

Итак, шахматная партия для Рашида Нежметдинова — это прежде всего высокий накал борьбы, спектакль, полный страсти и драматизма, картина, написанная яркими красками. И все творчество Рашида Гибятовича — тому подтверждение.

Шло командное первенство Российской Федерации. Шахматисты Татарии, возглавляемые Нежметдиновым, играли с горьковчанами. Лидеры команд Рашид Нежметдинов и Олег Черников хорошо знали друг друга. Их поединки всегда проходили остро, бескомпромиссно.

Ученик Рашида Гибятовича мастер спорта СССР Виль Волошин, принимавший участие в турнире, позднее вспоминал:

— На доске возникло такое положение, когда ферзь белых, находясь под ударом слона противника, вынужден был рыскать по вертикали, а слон все время его преследовать, но такое двиганье фигур «туда-обратно» не устраивало Нежметдинова. Как быть? Отступить еще дальше, тогда второй черный слон развивает страшную силу и белые обречены на прозябание. Прошло двадцать, тридцать минут. Часы знают свое обычное дело: «тик-так, тик-так — отсчитывают минуты. Черников нетерпеливо прохаживается по сцене. Он уже уверен, что через минуту Рашид Гибятович поведет мирные переговоры.

— Ты не знаешь, над чем думает столько времени Нежметдинов? — обратился он к Волошину.

Тот пожимает плечами. Он тоже считает, что тут вряд ли можно что-либо придумать. Вроде бы все ясно. Еще раз передвинет ферзя и снова нападение, то есть произойдет повторение пройденного. Но Рашид Нежметдинов не раз «чудил» во время игры, делал ходы, на которые не каждый решится.

И вот тут к Черникову подошел мальчик и негромко сказал:

— Дядя, вам пожертвовали ферзя.

Мастер быстро метнулся к столику, из-за которого только что встал Рашид Гибятович. Действительно, белый ферзь побил черного слона и теперь должен был погибнуть. Конечно, партнер по партии с Нежметдиновым прежде, чем взять главную фигуру, посмотрел внимательно на доску: нет ли какого подвоха. «Все вроде в порядке. Потеряю еще коня... Две легкие фигуры за одного фезря? Игра стоит свеч! Ферзь — есть ферзь»,— размышлял Черников. Он бьет пешкой главного рыцаря белого королевства, предварительно объявив шах белому королю.

Думал ли горьковский мастер, какие последствия вызовет жертва белыми ферзя? Надо полагать, думал. Именно поэтому он не сразу ударил ферзя. И все же он не сумел глубоко разобраться в обстановке. А Рашид Гибятович не зря думал над ходом почти сорок минут. Он намного вперед рассчитал варианты, которые не мог предвидеть Черников.

Теперь оба шахматиста не вставали из-за столика. Одному нужно было защищаться, чтобы сохранить свою силу, а другому доказать, что жертва ненапрасна. Коса нашла на камень. Как только в зале прошел слух, что Рашид Гибятович пожертвовал ферзя, многие участники, оставив свои столики, пошли посмотреть позицию. И хотя каждый из них сам обдумывал ход, все же не мог усидеть на месте: не часто на соревнованиях подобного рода жертвуют ферзя.

Партия продолжалась. Черников понимает, что ему тоже надо жертвовать, чтобы ослабить натиск белых фигур. Он ставит под бой слона ладью, нападая в то же время на коня. Нежметдинов — весь внимание: один неверный шаг — и все пропало для белых. Следует кинжальный ход слоном! Шах королю! Перед Черниковым два выбора: брать слона ладьей или же начать путешествие королем. И то и другое опасно. Последовал ход ладьей. Рашид Гибятович тут же отвечает «любезностью», шахует ладьей. Уходить из-под шаха — теряется ферзь. Черный король в полном отчаянии, «потеряв» голову, он кинулся на злополучную ладью. Тогда неудержимо понесся вперед конь белых, сметая с доски фигуры. Все кончено, и хотя ладья Черникова в агонии еще сделала два хода, партия была им проиграна. Белые торжествовали блестящую победу.

Комментируя партию Нежметдинов — Черников, Виль Волошин отмечает:

«Мог ли Нежметдинов точно рассчитать все последствия жертвы ферзя? Во время анализа партии сразу после ее окончания я поразился тому, как много видел Нежметдинов за доской. Но никакой гений не способен рассчитать все возможные в этой позиции варианты нападения и защиты, даже если бы рядом не тикали часы, безжалостно отсчитывающие время. Когда, вернувшись в Казань, мы снова занялись анализом партии, то убедились лишь в одном: все рас-

считать невозможно даже во время анализа! Перед нами типичный пример интуитивной жертвы, когда на первый план выступают интуиция, фантазия, позволяющие еще глубже осознать богатство и красоту шахматного искусства».

Шахматисты бывают разные по характеру и стилю игры. Одни любят вызвать «бурю на доске», импровизировать, уходить с проторенных троп, а другие — спокойно оценивать позицию, вести борьбу маневренную, находить слабые места в стане противника, методично бомбардировать их, навязывать сопернику как раз такие позиции, которые тот меньше всего любит. Словом, выбивать седока из привычного ему седла. Мне думается, именно такого плана игры и придерживался Лев Полугаевский во встрече с Рашидом Нежметдиновым на чемпионате Российской Федерации, который состоялся в 1958 году в Сочи.

Торжественен зал драматического театра. В храме искусства сели за столик участники, чтобы выявить сильнейшего шахматиста России. Цветы, теплые напутствия придали началу чемпионата какую-то особую окраску и взволнованность.

— Дни чемпионата, проведенные в этом «райском уголке»,— признался мне однажды Рашид Гибятович,— я никогда не забуду. И дело не только в том, что мне удалось добиться хорошего результата, стать чемпионом России, сыграть лучшую из моих партий. Главное — море, воздух. Знаменитая здравница страны встретила нас чудесным маем. Город благоухал в цветах и зелени. Согретое ласковыми лучами южного солнца плескалось море. Так и подмывало раздеться и кинуться в него. Солнце, морской воздух — все это так благотворно влияло на меня, что я даже забыл, что мне уже за сорок пять перевалило. И хотя турнир за шахматную корону России не туристская прогулка, я чувствовал здесь себя помолодевшим на много лет.

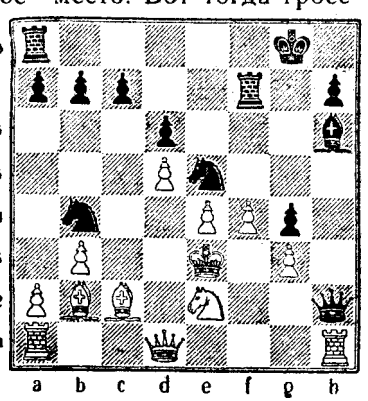
Признание Рашида Гибятовича, возможно, в какой-то мере проливает свет на то обстоятельство, что именно здесь, в Сочи, после изнурительной борьбы в предпоследнем туре чемпионата он создал настоящую жемчужину шахматного искусства.

Лев Полугаевский, игравший белыми, начал партию ходом ферзерной пешки. Черные на первых порах

избрали такой порядок ходов, чтобы избежать трудной для себя системы Земиша. Рашид Гибятович знал силу своего соперника. Еще на XIII чемпионате России, проходившем в Саратове в 1953 году, молодой Лев Полугаевский заставил о себе заговорить. Юноша из Куйбышева блестяще сыграл с ведущими шахматистами России и только на пол-очка уступил он Рашиду Гибятовичу, который и стал чемпионом. И вот их пути снова сошлись. Сегодняшняя партия может многое решить в распределении мест.

На доске с первых же ходов развернулась сложная борьба. Лев Полугаевский пытается стеснить позицию Рашида Гибятовича, не дать развернуться его силам для атаки. Он прекрасно знает мощь нежметдиновских ударов, а поэтому ставит своей целью переиграть мастера в позиционной борьбе. Первые десять ходов белые разыграли в быстром темпе. Причем на десятом ходу применили сравнительно новое продолжение. Но это не смущает опытного мастера. У него уже начинает складываться план игры. Его кони заняли центр доски...

На двадцатом ходу пошла вперед черная ладья. Она сделала только шаг. Но ее тяжелая поступь вспугнула короля. Он двинулся вперед — и тут свершилось невероятное: Рашид Гибятович взял пешку ферзем, объявляя шах королю. В испуге повелитель побежал к непроходимым топям. Тогда в лагерь белых ворвался слон, но тут же погиб. Надо спасать коня. Рашид Гибятович уводит его в надежное место. Вот тогда гроссмейстер решил, что приходит его «звездный час». Ладья белых стремительно атаковала черного ферзя. Казалось бы, надо спасаться бегством главному рыцарю черного войска, а он стоит спокойно. Больше того, ладья полезла на рожон, «прибрала к рукам» пешку. Две фигуры под боем! Какую брать? Тут, действительно, голова пойдет кругом.



Я не знаю, сколько времени продумал над этим ходом Полугаевский, но охотно поверю, не сразу снял он с доски ферзя. А когда сделал это, на шахматном поле царила красота. Белая ладья все глубже загоняла в пропасть короля. Коварно отступает назад черный слон, чтобы мертвой хваткой схватить бежавшего короля. Белые пускают в бой пехоту, чтобы как-то отогнать вражескую конницу. Рашид Гибятович не остается в долгу: его пешка смело ринулась вперед, стремясь нанести удар, но во встречном бою погибла. Ее гибель позволила черному скакуну снова обрести простор. Грозная пляска коней, неудержимая лавина пешек обрушились на короля-беглеца. Страшные грозовые тучи нависли над белым королевством. Парадоксально, но факт: в стане черных нет главной фигуры — ферзя, а они штурмуют и штурмуют осажденную крепость. В белом царстве много воинов, но никто не может прийти на помощь королю. Только слон попытался прикрыть своим могучим телом путь к властелину, пожертвовав своей жизнью, но и это не спасло короля. Кони черных решительно присекли вылазку слона, заставив бежать короля еще дальше. Одинокий и гонимый, он так и не нашел прикрытия. Заключительный аккорд партии Рашид Гибятович провел вдохновенно, неистово...

После закрытия XXX чемпионата Латвийской ССР в 1973 к Рашиду Гибятовичу, как к старейшему шахматисту, обратился с вопросом корреспондент:

— Известно, что вы сыграли много красивых партий. Какую считаете самой красивой?

— Партию с Львом Полугаевским. После поединка болельщики сказали мне: «Мы не хотим, чтобы вы умирали, живите долго. Но если это случится, то на вашем памятнике мы высечем позицию из этой партии».

Комментируя в своей книге эту партию, Рашид Гибятович писал: «Мне кажется, что это самая красивая партия из всех сыгранных мною». Что правда, то правда. Такую партию по праву можно назвать «бессмертной», «вечной».

И если когда-нибудь напишут книгу «Тысяча и одна комбинация», то рядом с Андерсеном, Морфи, Стейницем, Чигориным, Алехиным, Талем и другими блестящими мастерами атаки будет стоять имя нашего земляка Рашида Нежметдинова.

ЛИЧНОСТЬ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Загадочная красота шахмат является для нас всегда притягательной силой. Она обладает внутренним очарованием тайны, которая для одних — это тайна высокого искусства, а для других — всего лишь загадка китайского бильярда.

Рашид Гибятович всем своим творчеством доказал, что красота шахмат — главное в его шахматной стратегии. Однако он хорошо понимал, что у шахмат есть и обратная сторона медали. Они не только высокое творчество, вдохновение — это и ремесло, многотрудное, обязательное, оставляющее нередко тяжелые рубцы на душе. Сколько неудач, горьких разочарований, глубоких сомнений приходится переживать шахматисту на своем веку. Даже великие мастера, чьими именами гордится мир, не избежали таких горьких минут.

Шахматист, как врач, знает симптомы болезни и арсенал лекарств. Но вот трудный случай, симптомы не распознаются, лекарства не помогают. Все то, что знаешь, что умеешь делать, в решающий момент отказывает, и твоя одна-единственная ошибка ведет к фатальному исходу.

Надо искать новые средства, впрягаться в тяжкий поиск новых лекарств. Ищешь, ждешь, надеешься, но... снова ошибка.

Зависимость успеха от случайной погрешности, помарки, источник которой так иногда не удается понять, как считают Д. Бронштейн и Г. Смолян («Прекрасный и яростный мир», М., 1977), действует так же удручающе, как небрежность или забывчивость врача.

В шахматах ты предоставлен самому себе и в то же время жестоко зависим от другого. От его знаний и опыта, от того, насколько он внимателен, настроен на борьбу, наконец, от того, пришел ли к нему час вдохновения.

Шахматист и врач — у них много общего, но еще больше различий. Врач находит в пациенте союзника, который своим рассказом помогает ему определить болезнь, выявить недуг. Две стороны, два человека идут навстречу друг другу. В шахматах все наоборот. Каждый стремится обхитрить, найти маневр, чтобы нанести неожиданный удар, подавить своего соперника невозмутимостью, спокойствием и, может быть, даже равнодушием. На какие только уловки не идут шахматисты, чтобы одержать победу. Конечно, шахматный кодекс строг: мастера должны соблюдать этикет, придерживаться моральных норм поведения, вести честную борьбу.

Для шахматиста настроение, с каким он садится играть, много значит. Об этом пишут уже не раз, психологию шахматной игры изучают давно и тщательно, и все же никогда не было и не будет приготовлено рецептов от сомнений и глубоких раздумий шахматиста.

Ты приходишь в зал с надеждой провести партию, к которой готовился дни, месяцы. Но соперник ловко «поймал» твой дебют, и все, к чему ты готовился столько времени, пришлось отдать впустую, согласившись на скучную ничью. Ты, служитель искусства, забыл о своем высоком предназначении, играешь рядовую партию и зарабатываешь пол-очка. Обидно! Зато в следующей партии, когда «запал» еще не остыл и ты «поймал» свою игру, все вдруг меняется вокруг: симпатичен тебе твой соперник, тебе нравится публика, ты щедр и даришь ей свое искусство: смело жертвуешь фигуры, ведешь яростную атаку и, наконец, слышишь заветное слово «сдаюсь». Сегодня на твоей улице праздник!

Так и живут шахматисты на турнирах, переживая день вчерашний и думая о дне грядущем. И еще они думают о сопернике. Ведь каждый крупный шахматист — это личность, с присущей ей своеобразием психологии и характера. Напряжение мысли в шахматах, как отмечают Д. Бронштейн и Г. Смолян, есть напряжение всего духовного, внутреннего облика человека. В этом облике сплавлено все: богатство воображения, стремительность решений и действий, отношение к духовным и нравственным ценностям,

индивидуальность характера, социальная динамичность личности.

В своей жизни Рашид Гибятович стремился следовать советам патриарха советских шахматистов М. Ботвинника, который придавал огромное значение предварительной подготовке к соревнованиям, к каждой партии в отдельности.

Эту подготовку можно разделить таким образом: физическую — занятие физкультурой и спортом (гимнастика, плавание, лыжи, теннис, волейбол), соблюдение творческого режима дня (питание, сон, прогулка); теоретическую — подготовка дебютного репертуара, разбор партий противника, изучение техники реализации преимущества; практическую — тренировочные турниры, консультационные, легкие и даже «молниеносные» партии; и, наконец, психологическую — всестороннее изучение предстоящих противников, их сильных и слабых сторон.

Соблюдение этих правил — аксиома для каждого шахматного мастера. Это прекрасно знал и Рашид Гибятович, но, к сожалению, не всегда соблюдал их. Тут были причины объективного и субъективного характера. Лучше посмотрим, как Рашид Гибятович психологически настраивался на встречу с соперниками.

В декабре 1967 года в Харькове стартовал XXXV чемпионат страны. Он проводился по швейцарской системе, которую не очень-то жалуют шахматисты. При такой системе действует жребий, а он, как известно, слеп. Жребий может сводить соперников весьма и весьма разных по силе. Одним выпадает удача, а другим приходится вести трудные поединки с сильнейшими. Первенство в Харькове — единственное в своем роде.

...Шестой тур начался торжественно, аплодисментами в адрес казанского мастера. Многократный чемпион России отмечал день своего рождения — ему исполнялось пятьдесят пять. Участники турнира сердечно поздравили ветерана, пожелали ему здоровья, творческих успехов.

Только-только отгремели аплодисменты, юбиляр еще ощущал теплоту крепких рукопожатий товарищей, а неумолимый судья приглашал шахматистов сесть за столы.

Давно известно: играть в день рождения очень «опасно». Тут перед шахматистом стоит одна дилемма: «Не ударить в грязь лицом», украсить победой памятный день. Как отмечал Рашид Гибятович, в такие дни у него игра не ладилась, шалили нервы, он не мог сосредоточиться.

— Восемь раз мне приходилось играть на крупных турнирах в день рождения,— признавался Рашид Гибятович,— и только один раз одержал победу.

Свои именины в Харькове Нежметдинов провел за шахматной доской с настоящим турнирным бойцом Ю. Гусевым. Партия завершилась мирным исходом.

— На этот раз все обошлось как нельзя лучше,— пошутил после встречи казанский мастер.

На первенстве интереснейшую партию в психологическом плане провел Рашид Гибятович во встрече с харьковчанином В. Савоном, применив систему, хорошо разработанную украинскими шахматистами. Рашид Гибятович тщательно готовился к встрече с Савоном. Он идет на потерю рокировки, но укрепляет центр, создавая крепкую оборону.

Как отмечали шахматисты, хорошо знающие Нежметдинова, он виртуозно разыгрывал создавшуюся позицию и доказывал, что у черных даже небольшое преимущество из-за неудачного положения белой пешки «с» на четвертом поле. Ей бы, считал Рашид Гибятович, отойти на два шага назад, а занимаемую позицию уступить легким фигурам. Савон, предпочитая играть «обычную староиндийку», уклоняется от размена ферзей. Но уже на четвертом ходу Рашид Гибятович немало озадачил соперника, сделав ход ферзем *d8 — e7*?! Что это? Грубейшая ошибка мастера или ход с глубоким подтекстом? Ведь с точки зрения канонов позиционной игры ход, сделанный черными, следует осудить. Они поставили свою главную фигуру так, что она мешает развитию легких фигур. Но не будем спешить с выводами, посмотрим за развитием партии и послушаем, что думал на этот счет сам Нежметдинов.

Готовясь к встрече с Савоном, Рашид Гибятович сказал Вилю Волошину, что собирается сыграть ферзем на *e7*. Заметим, что на первенстве в Харькове участие принимали оба: и учитель, и ученик.

— Но это чистейшая липа,— не удержался Волошин.— Разве можно в самом начале партии ставить тормоз для развития фигурной игры. В трубу вылетите.

— Это мы еще посмотрим,— с загадочной улыбкой заметил Нежметдинов.— Расставляй шахматы.

Они стали рассматривать вариант за вариантом.

— Что тут доказывать,— горячился Волошин,— когда всем ясно: вас ждет тяжелая игра. Не понимаю, почему вы с таким упорством идете на вариант, где должны с муками спасаться?

Рашид Гибятович был невозмутим:

— Мы с тобой смотрели, как нужно играть белыми. А вот как они станут вести партию, посмотрим завтра. Сдается мне, что на десятом ходу Савон двинет пешку *d4* на одно поле вперед. Давай отложим спор. Утро вечера мудренее.

С нетерпением ждал Волошин встречи учителя с сильнейшим шахматистом Украины. Партия началась именно в том ключе, в каком ее видел Рашид Гибятович.

Волошин, наблюдая за партией Савон — Нежметдинов, волновался: «Если Савон сейчас сделает ход *c4 — c5*, Рашиду Гибятовичу не миновать беды».

И как был удивлен Виль, когда белые на десятом ходу сходили именно так, как и предполагал Нежметдинов. Любой другой ход усиливал давление белых, но увы... Савон выбрал самое слабое продолжение. Что это: телепатия, гипноз, какие-то колдовские чары? Ларчик открывается просто: Рашид Гибятович был непросто ярким самобытным шахматистом, но и тонким психологом.

— Меня не раз поражало его умение подметить слабую сторону не только в игре, но и в характере соперника,— говорит Волошин,— и в этой связи он искал план будущего сражения.

После партии Рашид Гибятович не без иронии заметил ученику:

— Так кто же вылетел в трубу?

— Разве кто-нибудь мог предполагать, что Савон сделает такой слабый ход. Сильный разрядник нашел бы лучшее продолжение, а он мастер.

— Я, как видишь, предполагал и не ошибся. Да, Савон, безусловно, талантливый шахматист, он умеет находить нешаблонные решения, но несколько легко-

мысленно относится к дебюту, стремится быстро играть в начале партии. Наблюдая за его игрой, изучая партии, я заметил, что у него слабо пока развито чувство опасности. Встретившись с новым продолжением в дебюте, Савон почти наверняка поленится считать многочисленные варианты и «убьет» мою домашнюю заготовку ходом *d5*. Вот тогда мы и поиграем.

Так черные уже на десятом ходу одержали победу... *психологическую*.

Здесь же в Харькове встретился Рашид Гибятович со старым соперником Владасом Микенасом. Почти двадцать лет назад в Казани старший по званию экзаменовал на зрелость Нежметдинова. Матч, как известно, завершился миром. Расставшись добрыми приятелями, Рашид и Владас в каждой новой встрече словно продолжали тот давний спор. И в нем немалую роль играл психологический настрой. Потерпев поражение в защите Алехина, мастер из Прибалтики, играя черными, в дебюте Рети расставил фигуры «по Ласкеру».

Однако уже после седьмого хода, как отмечал мастер Волошин, комментируя эту партию, черные начинают испытывать затруднения.

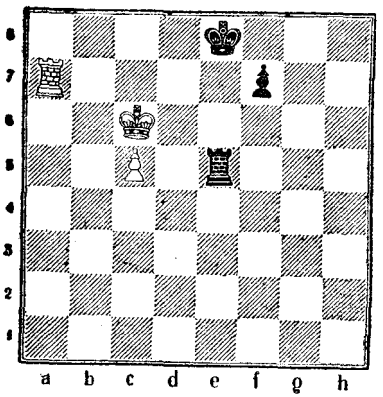
Белые стремятся захватить пространство, черные противоборствуют: их конь, хотя и пытается пресечь честолюбивые помыслы белой пешки, но аллюр его не тот. Пешки *е* и фигуры белых методично теснят противника, захватывая новые и новые «территории». Черный конь, стоящий на пятом поле *с*, и ферзь, забившийся в угол доски, чувствуют себя все менее и менее уютно.

Король черных, хотя и под прикрытием, но оно шаткое и не надежное. Он мешает своим ладьям объединить усилия. Стоять же на месте, ожидая медленной смерти, король не желает. Как быть? Рокироваться в короткую сторону смертельно опасно, а в длинную — вероятность попасть под атаку фигур противника. Но не выбрасывать белый флаг, когда войско еще многочисленно, и сдаваться на милость победителя — просто позор! Жребий брошен! Король черных с большим риском выбирает второй путь с надеждой как-то «замутить воду». Но трудно, ох как трудно ловить рыбку «в мутной воде», когда сети уже дырявые. Микенас это понимает.

Белая пешка на линии *b* гонит неудачника коня. Поддерживаемая ладьей, она рвется вперед, еще один шаг и она войдет врукопашную с главной фигурой черного королевства — ферзем. Владас Микенас пускает на пятое поле *c* своего скакуна с тем, чтобы создать ответные угрозы: конем и слоном атаковать ферзя белых. Нежметдинов все предусмотрел. Он делает ход вперед пешкой *f* и закрывает дорогу черному слону. Дерзкую пешку черные бьют слоном. В ход идет ладья. Рашид Гибятович знает, что жертва качества нужна, она ведет к победе. Угрозы ферзю предотвращены, а неугомонная пешка *b* следует вперед. У черных отданы ладья и две пешки за пару легких фигур. Но примерное материальное равенство — слабое утешение черных. В их крепостной стене огромные бреши, куда устремились белые. Они всеми силами ведут осаду. Черные вынуждены выкинуть белый флаг.

Как известно, в борьбе за шахматной доской часто сходятся закаленные в многочисленных сражениях бойцы и люди — только-только начинающие свой путь в больших шахматах. Казалось бы, верх всегда на стороне опытных и мудрых. В большинстве случаев так и происходит. Но в наш стремительный век и шахматы молодеют.

В Бухаресте в 1954 году молодой советский мастер Рашид Нежметдинов встретился с опытным шведским гроссмейстером Г. Штальбергом. Приехав впервые на международный турнир, Рашид Гибятович, конечно, волновался, но он и тщательно готовился к встречам с зарубежными шахматистами. Нежметдинов знал: шведский гроссмейстер хотя и сильный тактик, но все же неуверенно чувствует себя в неожиданно возникающих по ходу борьбы острых позициях; белыми он почти всегда избирает начало $d_2 — d_4$, что на $e_2 — e_4$ большей частью применяет французскую защиту, и в ней либо вариант Рубинштейна, либо вариант Мак-Кетчона. Зная все это, Рашид Гибятович заранее «припас» для своего соперника «сюрприз», тщательно продумав тактику борьбы. Главное — играть не шаблонно. Он не стал рокироваться, а двинул короля вперед к центру доски. Логично? Вряд ли. Но мастер видел дальше, чем кажется на первый взгляд. На 13



ходу Нежметдинов идет на ослабление центра. Снова вроде бы нелогично. Однако дальнейший ход событий показал, что эта «кажущаяся нелогичность» смутила опытного гроссмейстера, он не сумел разобраться во всех осложнениях. В эндшпиле у шахматистов осталось по пешке и ладье. Белые, которыми играл Рашид Гибятович, занимали позицию: *Кр с6, Ла7, Пс5,* черные располагались *Кр е8, Ле5, пf7.* Белые на 43-м ходу сделали невзрачный с виду маневр ладьей: *а7 — в7.* Этот выжидательный, «средний», как метко заметил после партии Семен Фурман, ничем не грозящий ход привел гроссмейстера в замешательство, заставил его надолго задуматься. Шах королю ладьей был уже ошибкой. Хитрость мастеру удалась, сработала психология борьбы. Казанский мастер играл точно. На пятьдесят втором ходу гроссмейстер признал себя побежденным. Эта партия не отличалась красотой комбинаций, силой ударов, в ней велась тонкая психологическая борьба. Тактика Нежметдинова восторжествовала. Убедительная победа!

За шахматным столиком личность встречается с личностью. И что только не заметит тут острый глаз: глубокую задумчивость и хлестаковскую беспечность, горящий взгляд и безразличие, неописуемый восторг одного и убитого горем другого. А сколько курьезов происходит во время поединков.

На турнире претендентов в 1959 году американский гроссмейстер Бенко проиграл Михаилу Талю две партии. Перед третьей встречей он пожаловался коллегам и судьям:

— Я не могу играть с Талем, он гипнотизирует меня.

На третью партию Бенко пришел в темных очках. Тогда Таль для «уравнения шансов» также потребовал себе темные очки. Так и играли соперники в темных очках всю партию. На исходе пятого часа игры Бенко

просмотрел сильный ход Таля и потерпел поражение.

— В темных очках я просто ничего не видел,— оправдывался после партии Бенко.

Это случилось на XVI шахматной Олимпиаде 1964 года во время матча СССР — Испания. Ботвинник, играя с Мединой, обратился к капитану команды гроссмейстеру Котову:

— Мой противник не дает мне сосредоточиться. Он все время свистит.

Котов немедленно пожаловался капитану испанской команды.

Тот внимательно выслушал Котова и удрученно сказал:

— Плохи дела.

— Почему?

— Видите ли, Медина начинает свистеть, когда его позиция совершенно безнадежна!

Забавный случай произошел много лет на чемпионате США. В первых турах лидерство захватили гроссмейстер С. Решевский и мастер Д. Шервин. После очередной победы Самуил Решевский заявил своему сопернику:

— Если вы будете играть в том же духе, то мне придется вас остановить...

— Может случиться и наоборот,— ответил мастер.

— Это невозможно и через миллион лет,— отпарировал Решевский.

Через несколько туров произошла развязка. Шервин нанес поражение Решевскому. После партии мастер заметил:

— Неправда ли, гроссмейстер, как быстро летит время?..

Словом, играют живые люди и ничто человеческое им не чуждо. После партии можно видеть и крепкие рукопожатия, радость обоих соперников и едкие шутки. Все это в порядке вещей. Однако сегодня, особенно в турнирах самого высокого ранга, можно заметить неэтичное поведение шахматиста.

Психология шахматной борьбы за последние десятилетия претерпела большие перемены. Она как бы стала доминирующей в соревновании шахматистов высокого ранга. Сегодня для выдающихся результатов шахматисту еще более необходимы, помимо таланта,

сила воли и физическая подготовка, крепкая нервная система. «Шахматы — не для людей слабых духом» — эти знаменитые слова Стейница лучше всего выражают характер борьбы в них.

Бороться не только фигурами с противником, но и с его волей, нервами, его индивидуальными особенностями — вот приемы, к которым прибегли мастера шахмат за последнее время. И особенно в этом преуспел американский гроссмейстер, экс-чемпион мира Роберт Фишер. Он хорошо усвоил крылатую фразу Стейница и вел борьбу с соперниками, переступая часто нормы этики. Для достижения цели — завоевать мировую шахматную корону — все средства хороши. Таково кредо Бобби Фишера. И вина здесь не только самого Фишера, но и той действительности, в которой он воспитывался и жил. Исключительность натуры, гениальность, о которых шумела вся Америка, создавали почву для быстрого роста честолюбивых намерений мальчика, ставшего уже в 12 лет чемпионом Соединенных Штатов Америки среди юношей. Через два года Бобби ставит небывалый рекорд — выигрывает сразу три чемпионата Соединенных Штатов: юношеский, открытый и среди взрослых. В это время ему предложили поехать на первенство мира среди юношей. Ответ Фишера был краток и категоричен: «Зачем? Я скоро побью всех взрослых гроссмейстеров». Плюнув на юношеский чемпионат, он едет в Югославию на межзональный турнир. Как отмечал гроссмейстер Александр Котов, «первый блин» у Бобби вышел комом — всего лишь шестое место. Но и в Порторожe не обошлось без рекорда. Впервые в истории шахмат (когда еще такое повторится) звание международного гроссмейстера завоевал пятнадцатилетний юноша, совсем еще мальчик.

В следующем межзональном турнире в Стокгольме в 1962 году Фишер одерживает победу, но в турнире претендентов в Кюрасао — осечка, ему удалось финишировать лишь четвертым. Зато в других крупных международных турнирах первые призы сыпались, как из рога изобилия.

Мир заговорил о восходящей шахматной звезде. Газеты, особенно американские, пестрели всякими историями из жизни Фишера, описывали его причуды

и капризы. И вскоре мир стал свидетелем этих причуд. Приехав в Лугано на Олимпиаду, Роберт Фишер огляделся, прикинул и уехал восвояси. Почему? Просто не понравилось освещение в турнирном зале.

Причуды причудами, а дело делом. Не теряя времени, Фишер глубоко изучает шахматную литературу, партии шахматистов, особенно советских. Он знал, кто стоит на его пути, у нас же, как мне кажется, спортивная пресса недооценивала Роберта Фишера. Много писалось о его капризах, странностях, меньше о творческой стороне шахматиста. И в этой связи вспоминается разговор с Рашидом Гибятовичем.

— Фишер — личность противоречивая. По нашим меркам в нем много вредного, наносного. Но мне порой думается, что вся эта шумиха вокруг Бобби — глубокая и хитрая тактика гроссмейстера. Он уводит шахматный мир от главного — своей лаборатории, как шахматиста. Конечно, к достижению цели он будет использовать такой мощный фактор в шахматах, как психологическая борьба. Этот его козырь мы уже наблюдали. Помните его партию на межзональном турнире в Суссе с соотечественником Самуилом Решевским? Часы пущены, время идет, а Фишера все нет. Решевский, естественно, нервничает. И вот Роберт появляется и, как ни в чем не бывало, делает ход. Игра началась, но Фишер начал ее уже давно. Он изучил противника, его характер. Итог известен: Решевский проиграл. Можно привести еще немало примеров, когда Фишер тем или иным методом подавлял волю соперника. И если мы все это суммируем: шахматное дарование, глубокое изучение советской шахматной школы, фанатизм, то не трудно заметить, что Фишер серьезный соперник в борьбе за мировую шахматную корону. Думаю, что Роберт Фишер положил начало «психологической войне» в шахматах.

И эта война принесла ему успех. Победив всех своих конкурентов на межзональном турнире в Пальме де Мальорка в 1970 году, Фишер стал одним из претендентов на матч с чемпионом мира Борисом Спасским.

Разгромив «в сухую» 6 : 0 Бента Ларсена и Марка Тайманова, Роберт Фишер готовился к встрече с экс-чемпионом мира Тиграном Петросяном. Как-то сложится поединок? Неужели не устоит перед американцем и наш

«непробиваемый» Тигран? Шахматисты-любители переживали период большого ожидания. Страсти накалились по всей стране, в том числе и Казани.

Рашиду Гибятовичу звонили по телефону утром, днем, вечером и даже ночью. Останавливали на улице и требовали ответа: «Ну, кто же? Фишер или Петросян?» Требовали ответа обстоятельного, точного и даже, я бы сказал, категоричного. Все это и побудило Нежметдинова взяться за перо и через газету ответить на поставленные вопросы.

«Весь этот интерес к соревнованию именитых шахматистов,— писал Рашид Гибятович,— вполне естествен и вызван тем, что талантливый американский гроссмейстер, после феноменальных разгромов Тайманова и Ларсена, вышел к стенам крепости, где хранится корона уже двадцать три года.

Интерес этот во многих странах еще подогревается большим количеством всевозможных публикаций типа: «Фишер выиграл», «Фишер непобедим», «Фишер сделал ход», «Фишер выставляет требования», «Фишер отвечает на вопросы», «Фишер капризничает», и т. д. и т. п. Появились даже «фишероведы», правда, часто не совсем компетентные в шахматах. Еще никогда в истории шахмат ни об одном шахматисте не было столько написано. Нет никакого сомнения, что в Америке появился пятый по счету (Морфи, Пилсбери, Файн Решевский) шахматист экстра-класса».

Дальше Нежметдинов давал ответы на некоторые заданные и не заданные еще вопросы, исходя из анализа партий Ботвинника, Спасского, Петросяна, Фишера. Может возникнуть недоумение, почему теперь автор упоминает имя Ботвинника, который сошел с шахматного Олимпа в 1963 году. Рашид Гибятович начисто отвергает такое мнение. Он считает, во-первых, что Ботвинник остался на историческом шахматном Олимпе своими изумительными партиями, по которым, кстати, учились и учатся Спасский, Петросян и Фишер и еще будут учиться многие поколения шахматистов всех рангов. Во-вторых, Михаил Ботвинник более десяти лет удерживал мировую корону. Если кто-нибудь другой повторит этот результат да еще даст шахматистам столько, сколько дал Ботвинник, тогда можно будет их сравнивать.

Изучая партии упомянутых экстра-гроссмейстеров, продолжал Рашид Гибятович, можно сказать, что все они в какой-то мере близко подходят к лучшим достижениям Ботвинника.

Ботвинник — это ярко выраженный классик. Классиками являются и Спасский и Фишер. А вот Петросян стоит несколько в стороне. Расшифруем понятие «классик». Еще в XIX веке существовало два взгляда на центр шахматного «поля». Первое, классическое — непосредственное занятие и укрепление центра (Ласкер, Стейниц, Чигорин, Алехин, Капабланка). Другое фигурное давление на центр издалека (Рети, Немцович, частично Алехин, Капабланка). Ботвинник, Спасский, Фишер могут быть отнесены к первой группе, а Петросян во многом — ко второй. Здесь имеет значение шахматный характер. Ботвинник, Спасский, Фишер — шахматисты прямого действия. Петросян стремится «держать соперника на расстоянии», чтобы затем, использовав ослабление его позиции, броситься в контратаку. Тиграна Петросяна справедливо можно считать защитником № 1. У него предельно развито чувство опасности.

Фишер — шахматист активного позиционного направления. Он сразу же, с первых ходов, стремится перехватить инициативу и не выпускает ее до конца. Всем ясно: Фишер находится в блестящей спортивной форме. Со времени прошлого цикла розыгрыша первенства мира им проделана колоссальная подготовка по всем стадиям партии, по физической закалке, по изучению психологии партнеров. Что касается спортивной формы Тиграна Петросяна, то, мне кажется, судя по матчам с Хюбнером и Корчным, он еще не дошел до своей наилучшей формы образца 1963—1966 годов. Поэтому ему предстоит трудная задача. Дело в том, что, став чемпионом, он несколько лет сдерживал свою активность. Правда, у него есть отличное качество — к 5-му часу игры сохранять свежую голову. Но ведь до пятого часа надо еще дойти.

Можно предположить, что в предстоящем матче Петросян будет стремиться держать позицию в равновесии, а Фишер склонять чашу весов в свою пользу.

Итак, кто же победит? Давайте последуем мудрой народной пословице: поживем, увидим.

В заключение Рашид Гибятович сделал ряд замечаний по поводу высказывания Роберта Фишера. Мы давно, отметил он, привыкли к раздражительным высказываниям американского гроссмейстера после фиаско на Кюрасао в 1962 году. Но с тех пор уже немало писалось, что Фишер остепенился, стал культурнее, выдержаннее. Однако после победы в матчах с Таймановым и Ларсеном вновь появляется хорошо знакомый Бобби Фишер образца 1963 года. Он считает, что, став чемпионом мира, будет играть матчи с кем захочет и когда захочет, тем самым ставя себя над ФИДЕ и всей мировой шахматной общественностью. Он делает оскорбительное заявление по адресу выдающихся советских гроссмейстеров. Вот почему всем людям, по-настоящему любящим шахматы, вряд ли было бы по душе видеть чемпионом человека, столь мало считающегося с ними, пренебрегающего элементарными принципами спортивной этики.

Рашид Гибятович со свойственной ему глубиной оценил «кто есть кто», а заключительный аккорд его статьи звучал далеко не мажорно, в нем чувствовалась тревога за судьбу мировой шахматной короны.

Победив Тиграна Петросяна, Фишер «бросил перчатку» чемпиону мира Борису Спасскому.

Как воспринял победы Фишера над своими соперниками чемпион мира? Подумал ли Борис Спасский о силе Роберта Фишера? Некоторые специалисты и журналисты обвиняют чемпиона мира в недооценке противника, в излишней самоуверенности. Возможно доля правды тут немалая. И все же, думается мне, Борис Спасский, его тренер и секунданты не раз серьезно обсуждали «проблему Фишера» за «круглым столом». Иначе не молго быть. И то, что Спасский перед вылетом в Рейкьявик на пресс-конференции в Москве заявил: «Матч с Робертом Фишером будет праздником»,— не говорит о его благодушии или недооценке Фишера. Скорее о том, что Спасский, несмотря на сенсационные итоги поединков Фишера с претендентами, поверил в себя, в свои силы. А без этой веры садиться за доску с американским гроссмейстером — пустое занятие. Другое дело: непонятна уступчивость чемпиона мира претенденту?!

И снова мне хочется вернуться к заключению статьи Рашида Гибятовича, где говорилось о Фишере, как о человеке «пренебрегающем элементарными принципами спортивной этики».

Уже с первых дней поединка за шахматную корону претендент повел «психологическую войну» против чемпиона. Он не приехал в срок на открытие матча — Спасский не заявил протеста, уступил. А будь Фишер на месте Бориса Васильевича, матч можно было бы считать законченным, он поднял бы настоящую бурю...

Проиграв первую партию, Фишер не явился на вторую. По мнению Михаила Таля, поведение претендента в матче было продумано и спланировано психологом высшей квалификации, хотя оно было и на редкость рискованным.

После неявки Фишера на вторую партию Борис Спасский должен был «сидеть и думать, какой же на самом деле счет в матче». Здесь в эпизоде со второй партией, видимо, была заложена самая главная «мина» психологического давления, рассчитанная на сугубо индивидуальные черты характера Спасского. Эффект был потрясающий — душевное равновесие чемпиона мира серьезно заколебалось. Последовал третий удар: Фишер потребовал перенести игру очередной партии в закрытое помещение. Как ни парадоксально, но со стороны чемпиона не последовало решительного протеста. В свою очередь устроители матча и президент ФИДЕ доктор Макс Эйве охотно пошли навстречу претенденту. Они просто закрыли глаза на «шалости» Фишера.

Спасский позднее признавался, что он верил в то, что не проиграет матча чуть ли не до самой последней партии. Именно поэтому он не уехал из Рейкьявика, когда не явился на игру Фишер; эта уверенность вызвала согласие чемпиона продолжать состязание в закрытом помещении.

Однако ход поединка показал, что «нервы у Спасского не в порядке». Он проигрывал партии, которые, по мнению специалистов, никак не мог проиграть. Но, увы, факты — упрямая вещь. Так, полный приключений, недовольств, протестов и извинений матч с чемпионом мира в Рейкьявике летом 1972 года принес Фишеру

высший шахматный титул, о котором он мечтал, к которому стремился.

Роберт Джеймс Фишер вернулся в США героем: он — шахматный король. Восторженно встречала победителя его родина, не скупилось на самые пылкие слова и обещания шахматное руководство Соединенных Штатов. Как отмечал гроссмейстер Александр Котов в своей книге «Уральский самоцвет», в Нью-Йорке был объявлен специальный «день Фишера». С большим почетом принял победителя в Белом Доме президент страны Ричард Никсон.

Казалось, то, к чему шел Фишер, теперь подвластно ему. Он стал независим от капризов меценатов, у него появились деньги, много денег! Началась пора «долларовой жатвы», к которой Бобби стремился чуть ли не с пеленок. Цель иметь деньги руководила всеми его поступками, являлась главной движущей силой в жизни. Об этом он заявлял многократно и открыто. И когда решался вопрос местопроведения матча Спасский — Фишер, последний заявил, что «для меня самая важная часть — это деньги, и только после этого приходит черед климата».

Став шахматным королем, Роберт Фишер на первых порах не изменил своего жизненного кредо. Когда его пригласили возглавить национальную команду на шахматной Олимпиаде в Скопле, стартовавшую через два месяца после матча в Исландии, Фишер охотно согласился:

— Я готов играть, но это будет стоить сто пятьдесят тысяч долларов.

— Это же неслыханный грабеж! — заметили ему.

— Тогда пусть играют другие,— спокойно ответил Фишер.

А как же честь страны, национального флага? Эти вопросы не занимали чемпиона. Деньги на бочку — и делу конец. В результате команда США приехала на Олимпиаду в таком ослабленном составе, что еле-еле попала в финальную группу.

Шахматный король в это время зарабатывал доллары. Вместе со знаменитым американским комическим киноактером он проводил специальное разговорное шоу перед телевизионной камерой. Минутный разговор давал большие деньги. А шахматы? Они подождут.

После всего этого, отмечает гроссмейстер Александр Котов, любители считать чужие деньги заволновались и приготовились к обычным для Америки подсчетам: «Сколько стоит Роберт Фишер? Теперь-то он развернется, покажет себя, пойдет грести миллиончики».

Но Фишер — есть Фишер. Он вдруг охладел к бизнесу. И хотя ловкие дельцы по-прежнему стремились правдами и неправдами затащить шахматного короля в свои сети и поживиться около него, чемпион мира отвергает одно заманчивое предложение за другим.

— Мы предлагаем вам сфотографироваться на фоне бутылки нашего пива. Получите за это сто тысяч долларов.

— Нет,— категорически заявляет Фишер.— Это унижает шахматы.

«Став чемпионом мира,— пишет гроссмейстер Роберт Бирн,— Фишер отверг множество выгодных коммерческих предложений на сумму почти в пять миллионов долларов. В наши дни ни один святой не способен на такое презрение к богатству».

И вот тут невольно начинаешь думать, а был ли счастлив новый чемпион, добился ли он душевного равновесия, отсутствие которого всегда так портило ему жизнь, подстрекало на неуместные поступки, причуды, капризы? Нет, чемпионские лавры не принесли спокойствия душе. И если проследить, что с детства Роберту Фишеру пришлось пережить много нападок, оскорблений, унижения и на все это реагировать криком своей души, то не трудно понять: к тридцати годам он пришел опустошенный, потерял веру во все, чему когда-то служил и поклонялся, а главное — потерял веру в людей. Не этим ли объясняется уход его в конце концов из «мирской жизни».

Что и говорить: глубоко противоречивая натура. Об этом свидетельствует его разговор с тренером советских теннисистов Семеном Павловичем Белиц-Гейманом. Когда наши теннисисты выступали в США, Фишер пришел посмотреть игру Метревели.

— Я борюсь за признание шахмат в нашей стране,— сказал он Белиц-Гейману.— Хочу, чтобы их ценили не ниже бокса, а гроссмейстера — чемпиона шахмат — не ниже чемпиона по боксу Джо Луиса.

Во время своего «царствования» чемпион мира так

и не принял участие в сколько-нибудь серьезном турнире. А по мере приближения срока, когда необходимо было отстаивать шахматный трон, Фишер снова проявил характер: стал выставлять свои требования, повел против претендента Анатолия Карпова новую «психологическую войну». Но на этот раз нервы подвели Фишера. И, поняв бесплодность своих замыслов, он не вышел на матч с претендентом.

...В сентябре 1973 года Рашид Гибятович принял участие в XXX чемпионате Латвийской ССР. Это был его последний крупный турнир. К нему, как к ветерану, обратился шахматный обозреватель Э. Домуле с вопросом:

— Кто из шахматистов, на ваш взгляд, может поколебать шахматный трон Фишера?

— В предстоящем цикле, на мой взгляд. Роберт Фишер устоит,— ответил Нежметдинов.— Наиболее реальными претендентами на матч с ним считаю Тиграна Петросяна, Анатолия Карпова и Энрико Мекинга. Хотя два последних шахматиста еще очень молоды, но по силе игры они находятся в непосредственной близости от завоевания чемпионского титула. Творческое совершенствование шахматиста — процесс длительный. А в следующем цикле розыгрыша первенства мира претендентом на шахматный престол будет кто-нибудь из молодых и, в первую очередь, вероятно, наш Анатолий Карпов.

В одном ошибся опытный мастер: не в следующем цикле стал претендентом на шахматный трон наш молодой гроссмейстер, а в текущем. Но как был прав Рашид Гибятович, называя имя Анатолия Карпова! И как жаль, что ему не удалось дожить до светлого дня, до 24 апреля 1975 года, когда в Колонном зале Дома Союзов, в том самом зале, где в 1948 году принимал корону шахматного короля Михаил Ботвинник, президент ФИДЕ Макс Эйве увенчал лавровым венком нового чемпиона мира Анатолия Евгеньевича Карпова. Правда, на этот раз на сцене не было привычного столика с часами и шахматными фигурами, не висела демонстрационная доска. Не было и побежденного, теперь уже экс-чемпион мира. Роберт Фишер был далеко за океаном.

Я глубоко убежден, что Рашид Гибятович, как истинный патриот отечественных шахмат, был бы безмерно счастлив, что корона шахматного короля снова перешла в наши руки, надежные руки!

Казалось, лавровый венок чемпиона мира достался Анатолию Карпову на завершающей стадии легко, без боя. Но сколько стоило ему нервов это непонятное «межсезонье». Уж лучше бы играть за доской. Но нервы у нашего чемпиона крепкие. Это он подтвердил на деле, участвуя в турнирах самого высокого ранга и в жесточайших поединках на первенство мира.

Те приемы борьбы, которые взял на вооружение Р. Фишер, приняли чудовищные формы и размеры. Ныне на весы кладутся все личностные факторы, которые едва удается понять. Весь шахматный мир узнал, как недостойно вел себя противник Анатолия Карпова Корчной в борьбе за шахматную корону в 1978 году на первенстве мира.

Можно только вообразить, какое испытание легло на плечи чемпиона в далеком Багио. Темные личности из команды Корчного незримо окружали Карпова. Все пустил в ход соперник — шантаж, угрозы, оскорбления. Но Анатолий Евгеньевич не дрогнул перед черной сворой. Был момент, когда всем нам показалось: чемпион не выдержал, претенденту удалось сравнять счет. Но в последней партии советский гроссмейстер показал неукротимую силу и жажду победы: его натиск был неудержим.

Через три года в итальянском городке Мерано история повторилась лишь с той разницей, что Корчной с еще большим рвением задолго до матча повел ожесточенную «холодную войну» против чемпиона мира. Все отребье, покинувшее нашу страну, подняло злобный вой вокруг предстоящего поединка. Что только не творили, какую ересь не писали. Как отмечает председатель шахматной Федерации страны летчик-космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов, группа отщепенцев перед поединком обратилась к Корчному с открытым письмом: «Вы наше знамя, вы наша надежда». Надо же, слова какие высокие — знамя, надежда! А спроси их, какое знамя, какой державы? В ответ невнятное мычание.

Составляя письмо, его авторы не предполагали,

каким эмоциональным зарядом оно станет... для Анатолия Карпова, как заставит до предела мобилизовать силы и бросить их в бой, чтобы не восторжествовать такому знамени, не сбыться такой надежде.

Накануне матча на Западе вышла книга Корчного, в предисловии которой откровенно заявлялось, что Запад обязан помочь Корчному, так как Карпов — член ЦК ВЛКСМ, идеал советской молодежи. Смысл призыва ясен: Корчному надо помогать потому, что он — своего рода знамя в борьбе с коммунистической идеологией. Вот так — ни больше, ни меньше.

«Пришельцами» назвала югославская газета «Политика» окружение Корчного, «пришельцами», которые после того, как сбежали из своего мира, бегут и сами от себя».

Издавна известно: подобное тянется к подобному. Поражение Корчного явилось и их поражением — духовным, моральным, политическим. И, безусловно, закономерным.

Победа Анатолия Карпова в сложнейшей обстановке со счетом 6 : 2 говорит сама за себя. Она не оставила и тени сомнения, кто сегодня сильнейший в шахматном мире. Выдающиеся гроссмейстеры мира единодушны: шахматный трон занимает достойный. Послушаем их мнение.

Фридерик Олафсон:

— Убедительная победа чемпиона мира! Мне хотелось бы поздравить его с хорошей игрой. У шахматного мира будет достойный чемпион, и уже это отлично.

Светозар Григорич:

— Анатолий Карпов играл отлично, и ему сейчас нет равных.

Мигель Найдорф:

— Я должен извиниться перед Карповым. До сих пор я считал его точным шахматным рабочим. В Мерано проявилась его гениальность. То, что он делает, можно сравнить с игрой Капабланки в период его высшей славы. Я отношу Анатолия к лучшим шахматистам истории.

Оценка аргентинского гроссмейстера бесспорно высокая, но все же, на мой взгляд, не совсем точная. Гениальность шахматиста Карпова проявилась задолго до Мерано. И свидетельство тому — восемь «Оскаров», присуждаемых ежегодно лучшему шахматисту мира.

Победил сильнейший, восторжествовали гуманизм и справедливость. Иначе и не могло быть. Шахматы — не поле для идеологической войны, они средство международного общения людей. Их язык интернационален, их законы подчинены великой справедливости, взаимопониманию. Немного сыщется на шахматной карте мира стран, к которым бы не вели нити от Москвы: люди, познавшие радость шахмат, щедро делятся ею. Стала общепризнанным фактом — учеба у советских шахматистов, авторов учебников и пособий. В США и Финляндии, во Франции и Югославии, да и во многих других странах легко убедиться, насколько популярны имена советских гроссмейстеров, какой интерес самых различных слоев населения вызывает их творчество. И в этом заслуга многих наших замечательных мастеров и в первую очередь таких выдающихся шахматистов, как Михаил Ботвинник и Анатолий Карпов.

Дважды в борьбе за титул чемпиона мира Карпову приходилось играть не только против оспаривающего шахматную корону соперника, но и идеологического противника. Анатолий Евгеньевич выдержал неимоверную тяжесть матчей, в которых противник использовал не столько свое шахматное мастерство, сколько чуждые спорту средства психологической атаки, инсинуаций и прямой грубости.

Оценивая итоги матча Спасский — Фишер, Рашид Гибятович говорил:

— Эта игра ничего общего не имеет с матчами на звание чемпиона мира, которые проходили до этого. Тут шла большая игра за пределами шахматной доски.

Я представляю, как бы был возмущен Рашид Гибятович поступками Корчного, опустившегося до крайней низости и цинизма.

ПОВТОРИСЬ В СВОИХ УЧЕНИКАХ

корый поезд Ростов — Москва отходил от вокзала ранним осенним утром. Пассажиры не успели еще разложить чемоданы, сумки и сетки, а в крайнем купе вагона уже слышался смех.

Шахматисты Казани и Горького возвращались домой с победой. Настроение было великолепное. Шутки, смех, песни не замолкали ни на минуту. Мгновенно возникающие викторины, игры, требующие немалых знаний, за проигрыш в которых отвечали кто чем мог, заразили, увлекли шахматистов.

Проигрывали все, и только среднего роста худощавый человек с очень живыми глазами, самый старший в команде постоянно выходил победителем, шла ли речь о французской литературе, истории кино или высшей математике.

Наконец, он проиграл и, расплачиваясь, тихо запел.

Клен ты мой опавший,
Клен заледенелый...

Горьковчанин Борис Архангельский, знаток и любитель музыки, растроганно прошептал:

— Сколько души, а?

Казанцы остались более спокойными. Они знали, что Рашид Гибятович ничего не умеет делать без души...

Знали они и другое: Нежметдинов уезжал из города, где столько памятного для него! Может быть, этим и объясняется та неподдельная есенинская грусть, которую так проникновенно выразил Рашид Гибятович. Он не знал, что скоро пути-дороги снова приведут его в этот южный город. И он приедет сюда не один, а со своим учеником.

Общее мнение перед началом Всероссийского шевенингенского турнира в Ростове-на-Дону в 1968 году было единодушным: кандидатам «не светит». Слишком уж

сильным выглядел состав экзаменаторов-мастеров: Нежметдинов, Жуховицкий, Цешковский, Тарасов, Дорошкевич, Бастриков, Терентьев. Суть состязания такова: кандидаты играли с мастерами, не встречаясь между собой. И не ясно было: у кого «брать очки», если Терентьев и Тарасов заслужили славу труднопробиваемых, ветеран Бастриков — гроза кандидатов, то аттестовать остальных просто нет необходимости.

Частично этот прогноз подтвердился. Мастера выиграли почти с двойным перевесом: 60 : 38. Но не у казанского учителя литературы Виля Волошина и омского конструктора Владимира Позднякова. «Лирик и физик» оказались «на коне» — перевыполнили установленную норму мастера.

Как отмечали ростовские журналисты, оба кандидата ровно провели состязание, в результате чего Волошин за два тура до конца соревнования успешно сдал экзамен «на зрелость». Он продемонстрировал серьезность своих намерений бескомпромиссной игрой в первом круге, когда пять его партий из семи завершились победой. И второй круг у Волошина начался двумя выигрышами, после которых можно было позволить себе финишировать на ничьих.

«Новорожденный» мастер порадовал всех и прежде всего своего учителя. В партии с Тарасовым у Волошина позиция была чуть получше: три пешки против двух у соперника и по одному слону. Объективно вроде бы ничья, но кандидат из Казани провел редкой красоты этюдную комбинацию, которой были поражены не только опытный мастер, но и зрители. Казалось бы, нет никакого материала — пешки и слон. Но именно ходом слона и «схватил» противника мертвой хваткой молодой кандидат в мастера, готовясь, как борец, бросить его на ковер. Пешки, слон, король белых «ожили», пришли в движение, черные сдались.

Пришел день, когда ученик и учитель сели за столик друг против друга. В испанской партии, которую белыми вел Рашид Гибятович, Виль избрал развитие, не связанное с обычной расстановкой фигур. На девятом ходу белые допустили неточность, которой тут же воспользовался ученик.

По выходе из дебюта Рашид Гибятович забрал у черных пешку и решил: начало есть, а там посмотрим.

Пешка, снятая белыми, относилась к «породе ядовитых», которую брать не рекомендуется. Трудно сказать, что толкнуло мастера на такой поступок. Он словно уподобился некоторым грибникам, которые утверждают, что можно есть и поганки, если их хорошо отварить... Бывает, видимо, затмение и у опытных мастеров.

Жертвой второй пешки черные оставляют фигуры ферзевого фланга белых безучастными свидетелями разгрома позиции.

Принимая поздравления от учителя, Виль не удержался (и его можно понять):

— Как, Рашид Гибятович, получилась атака?

— Здорово, блестяще! Молодец!

Нежметдинов радовался успеху Волошина и старался поддержать его боевой дух.

— Перед партией с грозой кандидатов Георгием Бастриковым,— рассказывал позднее Виль Михайлович,— Рашид Гибятович сказал мне: «Бойся атаки Георгия. Тут он очень силен, хорошо владеет инициативой. Его «ахиллесова пята» — слабая игра в эндшпиле. Любой ценой переведи партию в окончание — тут ты сильнее его».

С первых же ходов инициативой завладел мастер, но позиция не была опасной для черных. Следуя совету тренера, Волошин отдал пешку и перевел партию в эндшпиль.

— Вскоре я почувствовал,— вспоминает он,— насколько был прав Рашид Гибятович. Бастриков делал действительно не лучшие ходы, и постепенно инициатива перешла ко мне, хотя у черных на пешку было меньше.

Играя на выигрыш, свердловский мастер допустил неточность. Ему пришлось спасать партию. Не удалось. Волошин победил.

Во втором круге в партии Волошин — Бастриков решалась судьба молодого педагога из Казани: ничья приносила кандидату огромную радость — он становился мастером. Партия развивалась очень бурно. Оба шахматиста попали в жесточайший цейтнот.

— Предлагаю ничью,— сказал мастер.

Виль окинул доску взглядом: снова стоял эндшпиль. Кандидат заколебался.

— Я же предлагаю вам мастера,— в сердцах проговорил Георгий.

Ученик взглянул в сторону учителя. На его лице он увидел выражение: мол, к чему упрямиться и тут же принял предложенную ничью.

— Я согласен.

Не успел Бастриков поздравить соперника с успехом, как тот оказался в объятиях своего тренера.

Годом раньше на Спартакиаде Поволжья другой ученик Рашида Гибятовича Наиль Мухаметзянов, выступая на третьей доске за команду Татарии, провел несколько партий в остроатакующем стиле. В его игре чувствовался почерк учителя. Но не только атака — стихия Наиля Мухаметзянова, он показал себя игроком, тонко понимающим эндшпиль. И образцом такой игры может служить его партия с представителем Мордовии Васильевым. У черных, которыми играл Наиль, на легкую фигуру меньше, но белые ничего не могут поделать с крепостью, построенной Мухаметзяновым. Больше того, они терпят поражение. Игра казанца покорила всех: шахматистов, судей, зрителей.

Теперь многократный чемпион Татарии Наиль Мухаметзянов — мастер спорта, лидер шахматистов республики. И на последнем Мемориале Р. Г. Нежметдинова он вышел победителем.

Учитель и ученик... Каждый из нас свято хранит в памяти образ своего учителя, человека, который открыл дверь в широкий мир: одних он ввел в храм науки, другим открыл врата в царство музыки, третьим раскрыл удивительный мир красок природы...

Своим ученикам Рашид Гибятович открывал тайны шахматного искусства.

— Я вырос как шахматист под крылом Рашида Гибятовича,— говорит мастер спорта Яков Дамский.— Нас, желторотых птенцов, он пестовал, вкладывая всю свою душу. Об этом удивительном человеке я могу рассказывать бесконечно. О том, как часами стоит возле его дома шахматная молодежь, и прохожие невольно прислушиваются к торопливому страстному говору молодого в свои пятьдесят лет человека. О том, как, проснувшись часов в восемь в номере гостиницы — в Горьком ли, Перми, Вологде,— я видел неразобранную постель, пустой чайник и расставленную позицию на доске. Возможно, тогда мы мало задумывались над тем, что незаконченная нами партия не давала покоя всю ночь нашему

учителю. Он проверял десятки, а может быть, и сотни вариантов, чтобы найти за нас единственный правильный ход. Теперь-то мы знаем, сколько партий он «вытащил», и сколько это стоило ему энергии, нервов... Всего не перечтешь, для этого не хватит ни места, ни слов. Только об одном надо сказать непременно.

...Парень проиграл партию. Досадную, решающую партию. Ему очень хотелось заплакать, он был зол на партнера, на самого себя, на весь мир и — шахматы полетели со стола.

Мы остолбенели. Потом дружно накинулись на парня, но тот отошел к окну и уставился в небо. Ему было не до нас.

Рашид Гибятович не сказал ничего.

Шахматисты все вместе, как обычно, отправились его провожать. О случившемся все вроде забыли, говорили о чем угодно, спорили о матче советских хоккеистов с канадцами на первенстве мира в Стокгольме. Одни обвиняли арбитров за их необъективное судейство, другие говорили, что наши парни молодцы — как ни трудно, удержали нужный счет. А когда спор на минутку утих, заговорил Рашид Гибятович:

— В пятидесятом году я выиграл первенство России по шахматам и стал мастером. В этом же году в Казани проходил чемпионат РСФСР по шашкам. Один из участников на него не приехал. Включили меня. Игра пошла. Перед последним туром иду на пол-очка впереди Городецкого и играю с ним. Представляете, как бы здорово сделать дубль — стать чемпионом России и по шашкам. Осталось на доске по шесть шашек, равная позиция... Весь зал видел такой пустяк: три поддать, три взять и ничья — мгновенная, а я не видел. Вышел на улицу, в глазах темно, пошел прямо через дорогу. Спасибо шоферу — свернул...

Помолчал и закончил:

— Но после партии я поздравил Городецкого с победой. Как же иначе...

И, попрощавшись с учениками, вопреки обыкновению, тут же ушел.

...С тех пор прошло много лет, но никогда этот парень, ставший позднее одним из лучших в Казани шахматистов, не повторил своего поступка.

Сменив амплуа,— в своей новой роли тренера Рашид

Гибятович был далек от шаблона, интересно, с каким-то только ему присущим чувством, передавал он ученикам любовь к шахматам, старался раскрыть во всей глубине их содержание, логику и красоту. Вместе с тем Нежметдинов стремился воспитать в своих учениках шахматистов серьезных, думающих, не верхоглядов, закалить в них бойцовские качества, рыцарское отношение к сопернику, уважение к простым людям и авторитетам.

Однажды на занятии, где разбиралась одна из партий Александра Алехина с Раулем Капабланкой, он услышал:

— Алехин, конечно, великий шахматист, но он изменил своей родине, бежал из России.

Стараясь быть сдержанным, Рашид Гибятович сказал:

— К сожалению, еще бытует превратное мнение об этом гениальном шахматисте, который прожил нелегкую, полную драматизма жизнь. И чтобы вы так не думали, я постараюсь кратко обрисовать облик Александра Алехина.

Я думаю, что в распространении такого мнения есть немалая вина Ильина-Женевского, хорошо знавшего Алехина. Он в свое время написал, что «шахматист задавил в нем человека и гражданина». И к Алехину приклеили ярлык «белого русского». Немалую медвежью услугу шахматисту сослужило в этом эмигрантское отребье, те, кто бежал от революции. Мне думается, что трагедия Алехина гораздо сложнее, чем мы можем представить.

Да, он родился в богатой семье, его отец был крупным помещиком, членом Государственной Думы. Воспитание, надо полагать, он получил в соответствии с положением семьи. Однако Октябрьскую революцию принял, работал в советских учреждениях. Осенью 1920 года Алехин участвовал во Всероссийской шахматной Олимпиаде Всеобуча — по существу первом чемпионате Советской страны. Без единого поражения прошел весь турнир, завоевал первый приз и звание чемпиона РСФСР.

Можно только предполагать, что если бы в эти годы в нашей стране шахматная игра плодотворно развивалась, то Алехин до конца жизни остался бы верен России. Но молодой республике в ту пору было не до

шахмат. А Алехин жил мечтой стать сильнейшим шахматистом планеты и, женившись на иностранке, летом 1921 года он покинул родину. Надо учесть и такой факт: предъявление советского паспорта за рубежом в то время было подобно взрывному механизму. Алехин вряд ли смог бы участвовать в крупнейших шахматных турнирах. Я думаю, он это понимал. И еще: Алехин жил в плену старых русских традиций, когда жизнь за рубежом (подобно, например, Тургеневу) отнюдь не считалась предосудительной. Конечно, обстановка в мире изменилась, а он так и не сумел разобраться в этой сложной ситуации. Кроме того, за границей жили или подолгу находились видные деятели русской культуры — Шаляпин, Горький. Вот и Алехин решил: не теряя связи с родной страной, жить за рубежом. Действительно, живя за границей, он не забывал молодую республику Советов, держал тесную связь с советскими шахматистами. Активно участвовал в работе советских шахматных изданий, помещал в них статьи, корреспонденции, комментарии.

Он встречался с советскими шахматистами и, как правило, интересовался не только развитием шахмат в нашей стране, но и жизнью людей.

«Как бы мне хотелось снова побывать в Москве, пройтись по улицам, взглянуть своими глазами на те перемены, которые в ней произошли,— признавался он.— Но шахматы не дают ни минуты покоя, они полностью овладели мной, и я, как Фауст во власти Мефистофеля, следую туда, куда они меня ведут».

Алехин никогда не находил покоя. Он почти беспрерывно путешествовал из страны в страну, с турнира на турнир. Кто-то сказал, что только в турнирном зале Алехин чувствовал себя по-настоящему дома. И действительно за шахматной доской он провел большую часть жизни. Шахматы были для него всем: любовью, удовольствием, смыслом существования. Цели он своей достиг: стал первым шахматистом планеты, взошел на шахматный трон. И хотя Алехин стал чемпионом, его душа была неспокойна. Мыслями он то и дело обращался к стране, которую покинул.

Играя матч с Эйве, Алехин начал искать пути возвращения на родину. Он послал в советскую шахматную газету поздравление советским шахматистам.

Рашид Гибятович вынул из портфеля еще совсем свежую книгу «10 чемпионов мира» и зачитал слова Алехина. «Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции. А. Алехин. Амстердам, 29.10.1935 г.»

Возможно, Алехин и вернулся бы в нашу страну, но годы войны помешали осуществить ему эту мечту. В последнее время он пережил страшную драму: был всеми забыт и оставлен. И только в 1946 году у него блеснул луч надежды, когда он получил телеграмму от Михаила Ботвинника, в которой содержалось предложение сыграть матч на первенство мира.

Я глубоко уверен, что там, за границей, Александр Алехин всегда оставался русским человеком. Об этом говорит и его предсмертная статья, напечатанная в январе 1946 года. Рашид Гибятович снова открыл книгу и прочитал:

«Посвятив мою жизнь шахматам, я никогда не принимал участия в чем-либо, не имеющем прямого отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам,— люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды. Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», это мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею».

Человек перед смертью, как на исповеди, говорит только правду. Вот и весь ответ на поставленный вопрос.

В Рашиде Гибятовиче всегда поражала глубина аргументации, умение дойти до сердца и ума человека, с которым он беседует.

Я представляю, как было неловко мальчишке, необдуманно бросившему реплику об Алехине. Но тренер понимал: ребята не вправе путать великих людей, волей судьбы лишенных отечества, с отщепенцами, которые бегут от родины, а потом льют на народ, воспитавший их, потоки грязи.

Рашид Гибятович был чуток к юным шахматистам, только-только начинавшим свой путь к понижению смыс-

ла этой удивительно умной игры. Он высоко ценил тех, кто глубоко вникал в предлагаемую позицию, всесторонне анализировал ее. А тем, кто без достаточной оценки позиции пробовал дать ответ, он говорил:

— Мне не нужны скоропалительные ответы. Шахматист должен думать и находить точные и ясные решения. Поймите, что шахматы — это труд, повседневный, кропотливый. Гениальные шахматисты — это люди, умеющие, как каторжники, работать; конечно, и талант у них тоже есть. Но гений — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота,— замечал Рашид Гибятович.— И тут же добавлял: — Учтите, это не моя выдумка. Так говорил великий Томас Эдисон.

— Однажды,— вспоминает Виль Волошин,— Рашид Гибятович расставил на доске позицию и предложил нам: «Найдите мат».

Все устремились в поиск. Кто-то из нас принял ошибочное решение за действительное и поднял руку:

— Я нашел!

— Неужели? — удивился тренер.— Молодец! Все 122 хода нашел.

Раздался дружный смех, а учитель серьезно стал пояснять, что на доске стоит позиция шахматного композитора Троицкого, где мат королю дается через 122 хода.

Шахматист острого комбинационного стиля, Нежметдинов стремился передать свой дар, свой опыт ученикам. На одном из занятий разбирался вопрос: что такое комбинация?

— Понятие комбинация,— заметил Рашид Гибятович,— это не только и не столько тактическое, сколько творческое понятие. Она никогда не возникает на пустом месте, комбинационному взрыву предшествует накопление мелких преимуществ. В комбинации проявляются законы диалектики — от простого к сложному, от низшего к высшему, переход количества в качество.

В партии комбинация может быть истинной и ложной, правильной или неправильной. Быть результатом расчета одной стороны и просчетом другой, найденной путем логических умозаключений или интуитивно. Вот перед вами две партии, сыгранных мною с Каспаряном и Черниковым.

На 32-м ходу Каспарян сделал отличный ход, и мне надолго пришлось задуматься. После глубокого анализа, логических умозаключений, расчета я осуществил многовариантную комбинацию, которая завершилась через восемь ходов сдачей черных. Здесь все рассчитано. И какой вариант не бери, Каспарян проигрывает. А вот в партии с Черниковым я интуитивно пожертвовал ферзя за слона. И не ошибся. Партия получилась красивой, комбинация отменной. Были ли ошибки со стороны черных? Трудно судить, может быть, где-то Олег сыграл неверно.

— Комбинация,— поясняет мастер,— это торжество стратегии и тактики, логики и фантазии, опыта, интуиции, мастерства и вдохновения. Поэтому любое определение комбинации, подчеркивающее только одну сторону творческого процесса — яркость фантазии и броскую красоту жертвы, силу и внутреннюю четкость логики, тонкость интуиции и вдохновенную импровизацию,— будет однобоким или частным.

Шахматы так же, как и поэзия,— «езда в незнаемое», а комбинация — одно из конкретных проявлений их многообразной творческой сущности. Теоретическое обоснование, подкрепленное конкретными примерами из сыгранных партий тренером, что может быть лучшим для ребят!

Раскрывая перед учениками удивительный мир шахмат, прививая любовь к ним, Рашид Гибятович неизменно подчеркивал, что выдающиеся деятели культуры — писатели, ученые, музыканты, художники высоко ценили эту древнюю игру, на протяжении долгих лет увлекались ею, посвящали ей часы досуга, порой она служила для них источником вдохновения. Вспомним Льва Толстого,— говорил Рашид Гибятович, эту «глыбищу» русской литературы. Утомленный писательской работой, он садился за шахматы. Писатель утверждал, что шахматы его не утомляют и являются для него лучшим отдыхом, так как они занимают, по его словам, совсем другие умственные центры, чем те, которые утомлены его писательским трудом. В дневниках, письмах, в художественных произведениях писателя мы часто встречаемся с шахматами. И это не случайно. С юных лет до старости пронес Лев Николаевич глубокую любовь к шахматной игре. И кого бы из великих мы не взяли — будь то

Шекспир или Сервантес, Пушкин или Лермонтов, Ньютон или Спиноза, Лейбниц или Менделеев — все они горячо любили шахматы и не ведали жизни без них. А как увлекался этой игрой Владимир Ильич Ленин! Еще будучи студентом нашего университета, он написал письмо в Самару сильному шахматисту того времени Хардину, чтобы начать игру по переписке.

Шахматы приносили им не только радости, но и огорчения. Говорят, Лев Толстой очень обижался, когда проигрывал партию сопернику, игравшему слабее, чем он. Ведь великие — такие же люди, и они также радуются победе и огорчаются поражению. Один из выдающихся русских композиторов Сергей Прокофьев страстно любил шахматы. И если он выигрывал интересную партию у сильного противника, то это приносило ему не меньше удовольствия, чем вновь созданное произведение.

Рашид Гибятович прав. Подтверждением тому служат письма композитора. В одном из них он сообщает: «Но есть одно пятно на моем благополучии: в сеансе одновременной игры я проиграл Капабланке, между тем как партия совсем стояла на ничью. Огорчительна до слез и вся надежда на послезавтрашний реванш».

Можно представить себе, как играл Сергей Прокофьев, если он так огорчался проигрышу самому Раулю Капабланке!

В другом письме его радости не было предела. «Вчерась я выиграл-таки у Капабланки, играл с ним в сеансе одновременной игры,— пишет он на открытке с портретом Капабланки.— Согласитесь, что это чрезвычайно замечательное событие».

И сам Рашид Гибятович радовался, как ребенок, каждому успеху команды, своих учеников. Таких светлых дней было у него немало, но бывали и пасмурные, полные драматизма, «черные дни».

В Перми шло командное первенство Российской Федерации. Команда Татарии, ведомая Рашидом Гибятовичем, встретилась с шахматистами Якутии.

— Сегодня у вас легкая прогулка по шахматному полю,— сказал Нежметдинову пермский мастер Юрий Котков.

«Посмотрим»,— ответил с улыбкой Рашид Гибятович.

И хотя мастер уклонился от прямого ответа, но у

чего и остальных шахматистов была уверенность, что они победят.

На первой доске Нежметдинов встречался со своим учеником Михаилом Афанасьевым.

Шахматисты хорошо знают, в командной игре многое решает настрой и игра лидеров. У Рашида Гибятовича она не пошла. Непостижимо, но факт: волжане потерпели фиаско. В выигрышной позиции проиграли В. Волошин, Я. Дамский, Г. Закирзянов. Стараясь подбодрить своего наставника, Ганс Закирзянов подошел к Рашиду Гибятовичу и сказал:

— Тамара выиграла ферзя.

Глаза Нежметдинова посветлели, и он тут же подошел к столу, где играла Данилова. То, что он увидел на доске, привело его в ужас. Ферзь и легкая фигура Даниловой находились под боем. Потрясенный тренер вернулся на место и в сердцах сказал Закирзянову:

«Запомни раз и навсегда: пока женщина не объявит мат королю, трудно сказать, чем закончится партия».

Сведя партию к ничьей, Рашид Гибятович поздравил Михаила с хорошей игрой.

— В тот же вечер,— рассказывает Ганс Закирзянов,— Рашид Гибятович собрал всех нас и сказал:

«Пусть сегодняшний день послужит серьезным уроком на будущее. Позор! Другого слова тут не подберешь. Яша, Виль,— обратился он к Дамскому и Волошину,— как можно так бездарно играть?»

Мы сидели, понурив головы, и ничего не могли сказать в ответ своему учителю.

«Поймите меня, дорогие,— смягчив тон, продолжал Нежметдинов,— прошедшая встреча не последняя, впереди новые поединки, и не надо падать духом. Командная игра — это игра единомышленников. И многое в ней зависит не только от умения и знаний шахматиста, но и от его воли, настроя, от сплоченности всех членов коллектива.

Потом Рашид Гибятович предложил попить чаю и проанализировать наши партии.

На ошибках учатся. У шахматистов Татарии в оставшихся поединках не было срывов, они играли с подъемом, инициативно.

Найти слова, идущие от сердца, сплотить коллектив— счастливый дар Нежметдинова-тренера. Не будем дале-

ко ходить за примерами, подтверждающими эту истину. Уступая по разрядам командам Москвы, Украины, Ленинграда, шахматная дружина сборной России, которую с 1948 года тренировал Рашид Гибятович, пять раз становилась чемпионами командных первенств и Спартакиад страны; четыре раза он приводил к победе юношей России.

Говоря о Нежметдинове-тренере, нельзя обойти такой нюанс: в команду Рашид Гибятович часто брал шахматиста, который отличался не только силой игры, но и человеческими достоинствами — обладал твердой волей, целеустремленностью, боролся за честь коллектива. Так, по настоянию Рашида Гибятовича в сборную России, оспаривающую лавры Спартакиады народов СССР 1963 года, был включен мастер Шестоперов из Саратова.

— По силе игры,— рассказывает Виль Волошин,— Шестоперов уступал многим мастерам России, и в турнире он играл неровно. В адрес Рашида Гибятовича посыпались упреки, мол, нашел шахматиста. Но тренер верил мастеру из Саратова, и звездный час его пробил в последней, решающей партии.

От исхода встречи Шестоперова с гроссмейстером Васюковым зависила судьба золотых медалей Спартакиады. В случае победы они достанутся москвичам, а если ничья — верх одержат российские шахматисты.

У Шестоперова была тяжелая позиция, и он находился в сильном цейтноте. Мало кто верил, что мастер устоит перед гроссмейстером. Шестоперов в этот день творил чудеса: он находил единственные сильнейшие ходы и отложил партию все еще в трудной для себя позиции.

Отправив мастера отдыхать, Рашид Гибятович до утра анализировал партию и, кажется, нашел путь к спасению.

Для победителей кулинары Москвы приготовили огромный торт, вложив в него немало фантазии. Шахматисты столицы считали, что им придется делить торт за победным чаепитием...

На другой день все внимание было приковано к этой партии. Сила воли, исключительная цепкость помогли Шестоперову поколебать уверенность гроссмейстера: он допустил ряд неточностей, и партия завершилась миром. Вся команда бросилась поздравлять истинного бойца.

Шестоперова обнимали, качали. Его пол-очка стоили многих выигранных партий.

Рашид Гибятович со слезами на глазах смотрел на родные лица шахматистов и тихо шептал: «Милый ты мой человек, ты даже не представляешь, как много ты сделал для команды».

Давид Бронштейн подошел к Нежметдинову и крепко пожал руку.

— Верю, твоя работа, Рашид. Нашел-таки путь к спасению. Мы тоже анализировали, и во всех вариантах победа Васюкова не вызывала сомнения.

Радостный тренер обнял Давида и тихо, словно на ухо, прошептал:

— У вас свой анализ, а у нас свой!

Принимая торт, Наташа Коноплева — ныне международный гроссмейстер — поблагодарила мастеров кулинарного дела, а недавним соперникам, шахматистам Москвы, с улыбкой сказала:

— Не обессудьте, дорогие, торт делить не будем, он по праву принадлежит победителям.— И помахала рукой.

Команда России поехала в номер, где жил тренер, пить его «фирменный» чай с тортом.

У тренера Нежметдинова был острый глаз и особое чутье на молодых способных ребят. Именно он и Вера Николаевна Тихомирова нашли в глубинке талантливую шахматистку Наташу Коноплеву. А сколько еще молодых юных талантов выделил из общей среды и сделал мастерами тренер!

— Рашид Гибятович смело выдвигал молодых шахматистов,— продолжает Виль Михайлович.— Примеров тому сотни, но я скажу о себе. Он включил меня в финал первенства юношей Казани, когда я имел всего лишь 4-й разряд.

— Надломишь мальчишку,— заметили Нежметдинову,— нахватает он «баранок» и пропадет как шахматист.

— А вы думаете путь в шахматы прокладывается победами,— отвечал тренер.— Нет, дорогие, тот, кто по-настоящему любит шахматы, тому все нипочем, игра — вот главное.

Я действительно начал турнир плохо, проиграл четыре партии, но затем одержал восемь побед и занял второе место. Рашид Гибятович был доволен.

Р. Г. Нежметдинов играет со своим учеником мастером спорта СССР В. М. Волошиным.

— Так кто же оказался прав,— с упреком говорил он тем, кто считал его «чудачеством» допуск меня к соревнованиям.

Вскоре Волошин и еще один способный ученик Нежметдинова Энгельс Валеев оказались в сборной команде шахматистов Татарии.

Беспощадный к себе, истинный фанатик шахмат Рашид Гибятович стремился развить в учениках эту преданность игре, каждый день искать и находить новые варианты в партии.

— Я учился в десятом классе,— рассказывает Волошин.— Как-то вечером встретил на улице Рашида Гибятовича, вышедшего погулять, подышать прохладой вечера.

Поинтересовавшись моими школьными делами, он пригласил зайти в дом.

Рашид Гибятович поставил чайник и сказал мне:

— Знаешь, анализировал одну интересную партию: атака кажется неотразимой, но черные защитились, и я

никак не найду причины, почему атака захлебнулась. В чем тут заковыка? Убей, не могу понять.

И он показал мне позицию.

Оценив положение белых и черных, я пожал плечами:

— Не знаю, Рашид Гибятович.

— Тогда давай поищем вместе.

Мы углубились в партию...

Давно уже был выпит чай, а мы все искали и искали ошибку, которую допустили белые.

Когда часы пробили одиннадцать, я спохватился:

— Мне пора домой, Рашид Гибятович.

Учитель встал и закрыл дверь на ключ.

— Никуда не уйдешь, пока не найдем.

Где-то около трех часов, разбирая один из вариантов, я закричал: не так надо ходить! И увидел, как заблестели глаза Рашида Гибятовича. Он снова посмотрел на доску, потом на меня и произнес:

— Теперь мне все понятно,— и стал быстро показывать ошибку, допущенную белыми: — Вот где собака зарыта!

Лицо его сияло. Он забыл на минуту все, что его окружало, и пристально глядел на доску. О чем он думал в эти минуты? Возможно, его осенила какая-то новая идея, возник никогда прежде не встречавшийся вариант? Потом он спохватился:

— Да, да, Виль, сейчас пойдем домой, я провожу тебя.

По дороге встретили родителей, которые кинулись меня искать.

— Виноват я,— извинился Рашид Гибятович,— так уж случилось, искали одну ошибку в партии. И представьте себе, нашли-таки.

Уже дома отец выговаривал мне:

— Не пойму, что за зараза эти шахматы. И как может взрослый человек так сумасбродить.

— Когда поймешь, то не станешь осуждать Рашида Гибятовича. Ведь он это делал не столько для себя, сколько для меня.

В 1965 году в Ленинграде встречались молодежные сборные команды Российской Федерации и Швеции. Рашид Гибятович взял с собой совсем еще юного тогда Наиля Мухаметзянова. Ему хотелось проверить его в международной встрече.

— Я, конечно, волновался, и тренер это заметил.

— Будь хладнокровнее, спокойнее, поменьше думай о поединке. Пойдем лучше погуляем по Ленинграду.

Подобно экскурсоводу, он вел меня по Невскому проспекту и рассказывал о событиях, которые когда-то здесь происходили, о писателях, композиторах, художниках, творивших в городе на Неве. Потом мы свернули на Мойку и подошли к дому, где жил Пушкин.

— Это святое место,— сказал Рашид Гибятович,— отсюда в последний путь проводили величайшего поэта России.

Возможно, прогулки по Ленинграду успокоили меня, и партии я провел сосредоточенно, взяв полтора очка из двух.

Позднее мне еще приходилось бывать с Рашидом Гибятовичем в Ленинграде. Вспоминается случай: мы вышли из гостиницы, чтобы поехать на стадион имени С. М. Кирова, где проходила церемония открытия Спартакиады народов России. Тут к гостинице подкатила «Волга», за рулем сидел Борис Спасский.

— Далеко ли собрались, Рашид Гибятович?

— На стадион.

— Я тоже туда еду, довезу.

— Нет, спасибо, поеду вместе с ребятами,— сказал Рашид Гибятович. И мы пошли к автобусной остановке.

У Нежметдинова, человека на редкость общительного, никогда и ни от кого не было секретов и тайн. Он готов часами, днями совместно со своим недавним соперником анализировать будь то эндшпиль, миттельшпиль или дебют. В этом ярко выражалась преданность Рашида Гибятовича шахматам, его стремление искать и находить истину.

Во время одной из встреч с Наилем Мухаметзяновым он рассказал мне одну любопытнейшую деталь, характеризующую Рашида Гибятовича.

— Однажды он играл партию с Владимиром Симагиным — шахматистом острокомбинационного стиля, как и Нежметдинов. Партия получилась красивой. Отложил ее Симагин в безнадежном положении для себя. Казалось бы, надо забыть о ней и готовиться к новой встрече, но казанский мастер не переставал думать и анализировать партию:

— Какие прекрасные замыслы были у Владимира. Настоящий художник! Жаль, очень жаль, что он их не осуществил.

На другой день Симагин сдал партию без доигрывания. А Нежметдинов, еще не остывший от прошлого поединка и весь вечер анализировавший отложенную партию, в встрече с грузинским мастером Буслаевым уже на 12-м ходу поставил под бой фигуру и сдался.

— Замечу, что многие практические шахматисты,— продолжил наш разговор Наиль Мухаметзянов,— пользовались этой «слабостью» Рашида Гибятовича. Если он партию откладывал, то очередной соперник знал наверняка: у Рашида будет бессонная ночь, он проведет ее за анализом партии и его можно будет брать «тепленького голыми руками». И, как видите, брали. Но если это качество было во вред Нежметдинову-шахматисту, то тренеру оно очень пригодилось. В оценке позиции он был бесподобен.

Один московский гроссмейстер провел интереснейшую партию и был доволен ее началом, грозной атакой и загадочным заключительным маневром. На одном из сборов команды России он показал ее Рашиду Гибятовичу.

— Как тут играть? — спросил он своего старого друга.

Рашид устремил свой характерный, с прищуром, взгляд на доску и через несколько минут решительным жестом показал, что на 27-м ходу надо было не атаковать ладью слоном, а брать ладьей коня.

Гроссмейстер был ошарашен. Оказывается, избранное им продолжение являлось лишь «побочным» решением, а основное, более форсированное и короткое, да и не очень сложное, осталось за кулисами.

Так же на сборах команды России мастер Свешников (ныне гроссмейстер) отстаивал сомнительную позицию. Спасский и Полугаевский пытались убедить мастера:

— Нельзя так играть, пойми, не упрямься.

Но Свешников упорно стоял на своем. Тогда гроссмейстеры пригласили тренера.

— Рашид Гибятович, тут есть мат?

Тренер глянул на доску.

— Мат ставится через шесть ходов.— И он тут же продемонстрировал.

Свешников поднял руки.

Растить шахматистов высоких разрядов невозможно без специальных помещений, где бы занимались дети, без шахматного клуба. Эти вопросы всегда волновали Рашида Гибятовича. Он много раз выступал в печати, ходил в спорткомитет города, в городской Совет народных депутатов и всюду говорил:

— Казани нужен шахматный клуб! Почему-то в Якутске и Чебоксарах он есть, а наш огромный город его не имеет.

Будь на месте Рашида Гибятовича человек спокойный и равнодушный, то наверняка пришел бы к выводу:

— Что мне больше других надо. Забот и так предостаточно: участие в турнирах, тренировочные сборы команды России...

Преданный до мозга костей шахматам, Нежметдинов хорошо знал, если он не добьется открытия клуба, то кто же это сделает.

Стараясь найти себе хорошего помощника, человека пробивного, инициативного, Рашид Гибятович рекомендует на пост председателя Шахматной федерации Татарской АССР Валентина Федоровича Мещерякова.

— Будем вместе воевать за шахматный клуб,— сказал Нежметдинов Валентину Федоровичу.

Они-таки сумели своего добиться: на улице Баумана распахнул двери шахматный клуб. Сотни любителей — взрослые и дети сели за столы. Помещение, конечно, тесноватое, но, как говорят, в тесноте да не в обиде.

Однажды во время занятий молодой шахматист, не зная и не ведая, каких усилий потребовалось, чтобы открыть клуб, высказал претензии тренеру:

— Разве это шахматный клуб. Тесно, мало света.

— Согласен,— отвечал Рашид Гибятович,— но не надо хныкать и брюзжать. Шахматисты — народ крепкий, у них должен быть бойцовский характер. Я напомню, в каких условиях играли ваши отцы и деды... В нашем городе шахматный турнир впервые был организован в 1922 году. Стояла зима. Республика только-только начала залечивать раны, нанесенные гражданской войной и страшным голодом. Небольшая комната, чуть тлеет огонек в печке, мерцает свеча. Солому, щепки, поленья и «освещение» принесли сами участники Николай Николаевич Нейков, Михаил Михайлович Сегель и

другие шахматисты. Трудненько в такой обстановке играть серьезный турнир, но это нисколько не страшило и не смущало настоящих шахматных бойцов. В Казани в недалеком будущем откроется настоящий Дворец шахмат. Я глубоко уверен. Того требует время, жизнь.

Вещие слова нашего знаменитого земляка сбываются. Идет ремонт великолепного здания, двери которого скоро распахнутся перед игроками и любителями шахмат. И мне представляется, что будут открыты они торжественно, так, как это произошло во Львове, Свердловске. На открытие Дома шахмат приедут в Казань чемпион мира А. Карпов и председатель Шахматной федерации СССР, летчик-космонавт СССР В. Севостьянов. И еще: Дому шахмат присвоят имя Рашида Гибятовича Нежметдинова.

Сколько сил и энергии отдал Нежметдинов организации одной из первых в Российской Федерации специализированных шахматных школ в Казани. Ему пришлось долго убеждать работников Министерства просвещения ТАССР, что создание такой школы будет важным шагом в развитии шахмат в Татарии, в приобщении к народной игре учащейся молодежи. Чтобы ускорить решение вопроса, он пригласил в Казань председателя Шахматной федерации РСФСР известного мастера Веру Николаевну Тихомирову. После долгих переговоров, в которых Рашид Гибятович делал упор на то, что шахматы самый «выгодный» вид спорта, не требующий больших материальных затрат, но оказывающий благотворное влияние на интеллектуальное развитие детей. Действительно, спортивная экипировка шахматиста в десятки раз дешевле, чем футболиста, рапириста, не говоря уже о хоккеистах. В конце концов было получено согласие на организацию первой в нашей республике специализированной шахматной школы в системе Министерства просвещения. Нежметдинов был несказанно рад этому событию. К сожалению, судьба распорядилась по-другому. За несколько месяцев до открытия школы Рашида Гибятовича не стало. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, всегда устремленный в осуществление новых планов и дерзаний.

Все, кто бок о бок обращался с Рашидом Гибятовичем, знали, какой это был интересный человек. Шахматы были его страстью, его жизнью, но он никогда не был

роботом от шахмат: он живо интересовался литературой, наукой, живописью, в совершенстве владел немецким языком. По словам Галины Ивановны Сатониной, это был «возмутительно-восхитительный человек».

— Когда Рашид занимался дома, то обычно среди шахматных книг на столе лежала и какая-нибудь художественная книга. Во время отдыха он открывал ее и углублялся в чтение,— говорит Тамара Ивановна.— Работал он много и, периодически отрываясь от шахмат, обращался к поэзии или художественной прозе. Бывая в других городах, как правило, привозил с собой книги и составил богатую библиотеку.

Его ученики с благодарностью вспоминают «нежметдиновские литературные вечера». Когда учитель был в хорошем настроении, он часами читал по памяти Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина.

— Особенно он любил поэзию Сергея Есенина,— рассказывает Ганс Закирзянов.— Стихи этого поэта он читал как-то особо — проникновенно и страстно.

В 1971 году сборная Татарии участвовала в соревнованиях, которые проводились недалеко от родного села Есенина, в Рязани. Эта поездка мне запомнилась. Приключения начались еще в дороге. Мы сели на поезд Москва — Волгоград, следовавший через Рязань. Уходил он из Москвы ночью. В купе, где ехали Рашид Гибятотович и Волошин, пришли другие шахматисты и занялись анализом партий. Я решил отдохнуть.

Проснулся, глянул в окно. Стоим у вокзала, огнями горит название «Рязань». Наскоро надернув спортивный костюм, бегу в купе Рашида Гибятовича, а там дым коромыслом, учитель и ученики спорят, доказывая каждый свое.

— Рязань,— крикнул я.— Приехали.

Кое-как мы успели собраться и почти на ходу выпрыгивали из вагона, предварительно получив билеты у сонного проводника.

— Вот и надейся на них! — возмущался Рашид Гибятович.

И еще не могу забыть — грибной ужин. В свободный от игры день я поделился с тренером: мол, хочется съездить в лес и собрать грибов.

— Дело хорошее, валяй.

Охотник нашелся один — Анатолий Архипов. Часа

три бродили мы по лесу и вернулись в гостиницу с двумя сумками маслят.

— Какие молоденькие, малюсенькие! — восторгались девчата.— Вкусные, наверно.

— Мы свое дело сделали,— сказал Толя,— теперь ваш черед — чистить грибы.

— А может, в ресторан отдадим. Там их почистят и пожарят?

— Как это в ресторан, зачем? Неужели сами не сумеем. А ну-ка засучивайте рукава и за работу.— И учитель первым стал чистить маслят. Кто-то сбегал в магазин за растительным маслом, кто-то нашел две большие сковороды. Дело пошло.

Девчата хмурились, глядя на руки: пальчики от грибов почернели.

— Не беда,— веселым голосом сказал Рашид Гибятович,— у меня есть пемза, она черноту мигом снимет.

Ужин получился превосходный. Рашид Гибятович читал стихи Есенина, пел романсы на слова поэта «Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу». Мы смотрели на учителя завороженно и забывали, что перед нами тренер, а не артист.

Рассказывают, Ильфа и Петрова он прямо-таки боготворил. Разбуди его в полночь — заполночь и попроси прочесть отрывок из «12 стульев» или «Золотого теленка», Рашид Гибятович часами будет читать наизусть. Своим ученикам он читал художественные произведения не только для того, чтобы как-то развлечь их, а стремился увести ребят в мир литературы, познакомить с прекрасным. Однажды он сказал:

— С одним известным шахматистом я поспорил о том, что сказал Остап Бендер Паниковскому, который украл гуся и был преследуем толпой:

— Брось гуся или брось птицу? Ответ гроссмейстера мне известен, а как вы думаете?

— Ребята стали вспоминать книгу.

— Брось гуся,— молвила Рита Крюковских.

Рашид Гибятович нахмурился:

— Рита, ты так же плохо знаешь Ильфа и Петрова, как тот гроссмейстер. Брось гуся! — это конкретно и не смешно. Другое дело: брось птицу! Тут сразу виден характер Остапа Бендера. Читать надо, Рита, внима-

тельно, улавливать дух писания,— с улыбкой заметил Нежметдинов.

Ученики Рашида Гибятовича, хорошо его знавшие, рассказывают забавные истории, связанные со своим учителем. Все они в какой-то мере раскрывают характер мастера, помогают глубже понять его душу.

В Москве во время первенства Центрального спортивного общества «Спартак» хорошую игру показал литовский мастер Вистанецкис. Шахматисты знали, что у него есть странность: он верит в различные приметы. Заметили, что в автобусе литовец занимает одно и то же место. Решили подшутить. Когда Вистанецкис несколько замешкался, его место заняли. Сколько он не умолял, не уступили. В этот день мастер из Прибалтики проиграл.

На следующий день Вистанецкис вышел на автобусную стоянку за час до прихода машины и всех подошедших предупредил:

— Чур я первый.

Все смеялись. Смеялся и Рашид Гибятович. А потом отвел Волошина в сторону и тихо сказал:

— Вчера мы выиграли, не забудь занять те же места, где сидели перед поездкой на тур...

Талантливые люди всегда с причудами, и рассеянность — одна из таких причуд.

Во время командного первенства Российской Федерации в Чебоксарах произошел любопытный случай. Шахматисты Татарии среднего поколения его хорошо знают. Очередной тур был назначен на десять утра. Рашид Гибятович жил в отдельном номере. Среди ночи в дверь, где отдыхали шахматисты, настойчиво постучали.

— Когда я открыл комнату,— вспоминает Виль Волошин,— ворвался взволнованный Рашид Гибятович и закричал:

— Вы сюда играть приехали или спать? Мы же проспали честь Татарии!

— В чем дело? — удивились члены команды.

— Разве не знаете: на десять часов утра назначена игра, а сейчас уже двенадцать.

— Успокойтесь, Рашид Гибятович,— Энгельс Валеев подвел тренера к окну.— Посмотрите на улицу.

Мгла ночи окутывала город.

— Вот старый дуралей,— засмеялся Нежметдинов.— Спросонья ночь с днем перепутал.

Несколько минут он провел с ребятами, затем успокоенный пошел в свой номер.

Курьезный случай произошел с Рашидом Гибятовичем в Светлогорске Калининградской области. Тамара Ивановна, хорошо зная, что муж нуждается в ее заботе и внимании, поехала на берег Балтики, чтобы поддержать Рашида.

Прямо с вокзала она появилась в турнирном зале. Партия сложилась интересной, захватывающей. Тамара Ивановна подошла к столику, когда Рашид Гибятович обдумывал ход. Она терпеливо ждала. Ход сделан, шахматист перевел часы и снова углубился в партию, рассчитывая варианты.

— Рашид,— подала голос Нежметдинова.

На какую-то долю секунды он поднял голову и снова устремил глаза на доску.

— Рашид, оторвись на минутку.

— Не мешайте мне играть! — так же, не поднимая головы, произнес мастер.

Тамара Ивановна обиделась и отошла к окну.

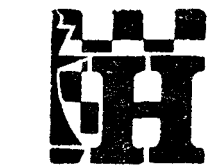
Проверив еще раз вариант задуманной комбинации, Рашид Гибятович встал из-за стола.

— К вам приехала жена,— сказал судья соревнования.

— Неужели? Тома приехала! — И он побежал искать Тамару Ивановну.

Как большой ребенок, Рашид Гибятович нуждался в поддержке и ласке. Будем справедливы: супруга Нежметдинова отдала много сил, чтобы муж мог плодотворно работать. Путь известного спортсмена и тренера не всегда усыпан розами, да и у роз есть шипы. И тут весьма важно, кто находится рядом со спортсменом. Тамара Ивановна прошла рядом с Рашидом Гибятовичем нелегкий путь, разделяя с ним и победы, и поражения.

При жизни Рашид Гибятович любил повторять крылатое выражение Александра Блока: «И вечный бой, покой нам только снится...» Пусть же его ученики помнят девиз своего учителя. Будучи тренером, Р. Г. Нежметдинов сумел сказать в шахматном искусстве свое Слово, и Слово это, красивое, смелое, захватывающее волнует шахматистов. И всегда будет волновать.



ОН НЕ ПОКИНУЛ ПОЛЕ БОЯ

Неумолим и безжалостен стремительный бег времени. Он постоянно стирает в памяти события, встречи с друзьями и товарищами, заставляет нас забывать понемногу былые радости и огорчения, удачные находки и невосполнимые потери. Постоянная устремленность человека в будущее — один из главных стимулов жизни. К сожалению, наше безудержное желание ощутить новое, познать неизвестное имеет свои негативные стороны: прошлое отступает все дальше от нас, а порой бесследно теряется.

Но всякий человек живет в своих делах и поступках. Тот, кто творит доброе, не может быть забытым. Рашид Гибятович свою жизнь посвятил шахматистам, стремясь раскрыть людям красоту и прелесть этой мудрой древней игры.

«Все живое особой метой отмечается с ранних пор»,— заметил Сергей Есенин. И личность Нежметдинова «с ранних пор» отмечена печатью незаурядности. Все, в том числе такие выдающиеся шахматисты, как Михаил Таль, Василий Смыслов, признают самобытный талант Рашида Гибятовича Нежметдинова.

Шахматный обозреватель газеты «Правда» международный гроссмейстер Алексей Суэтин, будучи в Италии на матче Карпов — Корчной, встретился с мастером Серджио Подерцолли. Обменявшись мнением о ходе матча, Серджио неожиданно спросил: «Помогите мне, пожалуйста, достать сборник партий Рашида Нежметдинова. Это мой любимый шахматист. Каждая его партия согревает душу. Он выигрывал всегда в блестящем стиле, выигрывал у многих знаменитостей».

А что думают о нем шахматисты, те, кто обучает ребят, делает с ними первые шаги в шахматный мир.

Тренер детско-юношеской спортивной школы из Челябинска Сальников так отозвался о нашем земляке:

«Для меня Рашид Гибятович особо близок. Дело в том, что на партиях Нежметдинова я учился и учусь.

По духу они мне ближе, чем партии кого-либо из шахматистов прошлого или нынешнего поколения. Пишу это с полной ответственностью за свои, может быть, для кого-то громкие слова».

3 июня 1974 года перестало биться сердце Рашида Гибятовича. Печальная весть из Казани глубоко тронула сердца истинных ценителей шахмат всей страны. В восьмом номере шахматного бюллетеня за 1974 год говорилось:

«Умер международный мастер Рашид Гибятович Нежметдинов. Трудно поверить, что нет с нами этого обаятельного человека, чуткого товарища и друга, бессменного тренера сборной команды РСФСР. Человек редких душевных качеств и яркого самобытного дарования, коммунист Р. Г. Нежметдинов пользовался большим уважением и авторитетом. Он был членом президиума Всероссийской Шахматной федерации, свыше 25 лет возглавлял тренерский совет, принимал активное участие в пропаганде шахмат в нашей стране.

Заслуженный тренер СССР, Рашид Нежметдинов многое сделал для становления и воспитания молодых шахматистов России».

Учитывая заслуги Рашида Гибятовича, комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР принял решение проводить с 1975 года традиционные турниры молодых мастеров Российской Федерации на приз нашего земляка. И отныне не только молодые мастера России, но и школьники приезжают в Казань, чтобы поспорить за главный приз Мемориала заслуженного тренера СССР, международного мастера Рашида Гибятовича Нежметдинова.

В Рашиде Гибятовиче людей поражали простота и искренность, колоссальное трудолюбие и великое бескорыстие в жизни, особенно — в отношении к шахматам. Выступая с лекцией или давая сеанс одновременной игры, он никогда не думал о материальных выгодах, о крупных гонорарах. Он был нетерпим к тем, кто пытался превратить любимую игру в средства наживы, в своеобразную кормушку.

— Однажды утром,— вспоминает Валентин Федорович Мещеряков, который в те годы работал заместителем редактора областной газеты и был председателем Феде-

рации шахмат ТАССР,— ко мне в кабинет ворвался Рашид Гибятович.

— Позор, это предательство! Его нужно дисквалифицировать! Как потом выяснилось, в одной из комнат шахматного клуба, которую с большим трудом удалось отвоевать, чтобы расширить «жилую площадь» для шахматистов, кандидат в мастера организовал втихую блицматч с некоторыми посетителями, используя клубные шахматы и часы, учредив соответствующие денежные «призы» за выигранные партии.

Вечером собрали внеочередное заседание президиума Федерации шахмат ТАССР. О случившемся сообщил Нежметдинов. Он говорил о высоком долге советских шахматистов, о моральной ответственности каждого спортсмена за свои поступки, и с особым гневом — о том, что дух стяжательства и наживы несовместимы с элементарными нормами поведения, потребовал дисквалификации провинившегося. Рашида Гибятовича поддержали выступившие члены квалификационной комиссии федерации, старейшие шахматисты республики, ближайшие помощники и соратники Нежметдинова — Николай Николаевич Нейков, Галина Ивановна Сатонина, много сделавшие для развития шахмат в Татарии. Правда, дело до дисквалификации кандидата в мастера не дошло, но он был строго наказан.

Да, заслуженный тренер СССР Нежметдинов становился крутым, порой беспощадным, когда кто-то своим отношением или поведением бросал тень на шахматы. Особый гнев вызывали у него любители высоких гонораров за сеансы и участие в турнирах, где на первый план выдвигались рубли, доллары и марки. Он называл эту категорию игроков, пусть и с высокими титулами — «мародерами от шахмат», жучками, разрушающими великолепный и благородный храм шахматного искусства.

Рашида Гибятовича в то же время всегда отличали доброта к людям, справедливость, оптимизм в любых, самых трудных обстоятельствах, постоянное стремление к расширению знаний, честность и прямота, смелость и умение отвечать за свои поступки, преданность в дружбе, постоянная готовность прийти на помощь человеку.

Один из подающих надежды учеников Нежметдинова — Юрий Смирнов, будучи аспирантом Казанского университета, выполнил мастерскую норму. Одновремен-

но он готовился к защите кандидатской диссертации. Рашид Гибятович старался помочь Юрию повышать свое мастерство не в ущерб основной деятельности, выкраивая свободные часы для шахматных занятий. Он принимал самое горячее участие в том, чтобы помочь молодому мастеру, будущему ученому улучшить жилищные условия. Он сам несколько раз обращался в городской Совет, Бауманский райисполком с просьбами выделить жилплощадь. И был несказанно обрадован, когда Смирнов получил квартиру, а вскоре стал кандидатом физико-математических наук.

Живой, общительный, Рашид Гибятович был глубоко уважаем в журналистской среде. Как желанного гостя принимали его корреспонденты республиканских газет, журналов, радио, телевидения и издательства. Особенно часто общался он с любителями шахмат, а таких в Доме Печати было немало. И поэтому журналисты называли его своим общественным тренером. Не было года, чтобы Рашид Гибятович не давал сеанса одновременной игры, не делился своими впечатлениями о поездках по стране. Не было недели, чтобы Рашид Гибятович не побывал в редакциях.

— Особенно частым гостем,— вспоминает Дамир Шарафутдинов,— был он в отделе информации и спорта газеты «Социалистик Татарстан». Выступал на ее страницах: предлагал читателям интересные шахматные задачи, комментировал международные, союзные, республиканские соревнования, знакомил их с новыми именами — молодыми чемпионами, поднимал проблемы развития шахмат в Татарии. Рашид Гибятович очень высоко ценил людей трудолюбивых, не любил шахматных дилетантов, которые нередко предлагали свои услуги редакциям.

Часто выезжая в сельские районы, он проводил там сеансы одновременной игры, а потом с присущим ему темпераментом рассказывал журналистам о ребятах, которые добивались с ним ничьей или обыгрывали. Таких Нежметдинов брал на заметку, вел с ними переписку. Он глубоко верил: в будущем вырастет немало чемпионов из села. Для постоянного контакта с сельскими шахматистами Рашид Гибятович использовал газетную трибуну, организовывая ежегодные турниры: «Нежметдинов — читатели газеты «Социалистик Татарстан».

У этих соревнований была авторитетная судейская коллегия. Она выбирала лучшие ходы читателей, параллельно помещая и ходы — варианты отдельных отличившихся участников состязания. Игра начиналась где-то в октябре — ноябре и заканчивалась в начале февраля.

Рашид Гибятович искренне огорчался, когда из-за поездок ему приходилось переносить очередной ход. Были случаи, когда он предлагал свой ход по телефону из Сочи, Тбилиси или Ленинграда.

Во время игры с читателями он серьезно заболел. Но и больной Рашид Гибятович не забывал своих заочных друзей — соперников. Однажды он позвонил в редакцию.

— Ну, как, Дамир, проанализировали последний ход читателей?

Справившись о его самочувствии, журналист, стараясь подбодрить ветерана спорта, сказал, что читатели с нетерпением ждут его очередного хода и что игру продолжим, как только выздоровите.

— А ты забери-ка записи ходов и быстро ко мне.

Шарафутдинов так и сделал. Но, увидев Рашида Гибятовича тяжело больным и очень уставшим, решил отложить партию до выздоровления.

— Объявим читателям, что игру продолжим позднее,— предложил он.

— Нежметдинов никогда не покидает поля боя,— запальчиво ответил мастер. Он дал мне шахматную доску и стал быстро диктовать указанную партию. Я не успевал расставлять фигуры, многое напутал.

— Эх, Дамир, Дамир, я тебя по шахматам и до третьего разряда не дотянул,— пошутил Рашид Гибятович,— и стал быстро сам расставлять фигуры, сделал очередной ход.

Уловив взгляд, брошенный гостем на книжную полку, хозяин дома промолвил:

— Всю жизнь собирал шахматную библиотеку. Сохранить бы ее, не растерять.

Не желая больше беспокоить больного, Дамир Раufович взял записи с последним ходом, сделанным мастером, и вернулся в редакцию. На следующий день материал появился в газете. Ответного хода Рашид Гибятович уже не увидел. Игру продолжали ученики Нежметдинова. Так закончилась эта последняя партия Рашида Гибятовича, которую смогла прервать только смерть.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСТВО
3

«ВУНДЕРКИНД ИЗ КАЗАНИ»
18

ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ РОССИИ
33

В ДОРОГЕ И ДОМА
58

ГРОССМЕЙСТЕР КРАСОТЫ
92

ЛИЧНОСТЬ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ
109

ПОВТОРИСЬ В СВОИХ УЧЕНИКАХ
130

ОН НЕ ПОКИНУЛ ПОЛЕ БОЯ
154

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ШКОЛЬНО

Белокопытов Валентин Иванович

РАШИД НЕЖМЕТДИНОВ

Очерк жизни и творчества

Редактор *Киндер И. Ф.*
Рецензенты *Волошин В. М., Зарипов М. Х.*
Художник *Пахомов Ю. В.*
Художественный редактор *Трифонов Г. Е.*
Технический редактор *Галкина В. Н.*
Корректоры *Лащенова В. П., Гордеева И. В.*

ИБ № 3272

Сдано в набор 30.04.83. Подписано в печать 11.11.83. ПФ 12324. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книж. журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Учет.-изд. л. 8,5+форз. 0,4. Усл. печ. л. 8,4+форз. 0,2. Усл. кр. отт. 8,8. Заказ 3-269. Тираж 30 000. Цена мягкой обл. 25 коп., в переплете 45 коп.

Татарское книжное издательство. 420084. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета ТАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 420084, Казань, ул. Баумана, 19.

25 тиен